

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ РОССИЙСКИХ ДЕРЕВЕНЬ

АЛЪМАНАХ

СЕЛЬСКИЙ МИР

МАРТ 1998

Москва
1998

Всероссийское научно-исследовательское и
культурно-просветительское общество
"Энциклопедия российских деревень"

Всероссийский институт аграрных проблем и информатики **РАСХН**
(Аграрный институт)

альманах

СЕЛЬСКИЙ МИР

МАРТ 1998

**Москва
1998**

ББК63.3(2)6+4
С 29

Главный редактор А.В.Петриков

Редакция альманаха:

З.В. Рубцова,
А.Б. Жильцов,
М.В. Кузнецов,
А.В. Петриков
Е.Н.Мачульский

Ответственные редакторы:

А.В.Петриков,
А.Б. Жильцов,

С 29

Сельский мир Альманах / Всерос. научн.-исслед. и культ.-просвет.
о-во "Энциклопедия российских деревень", Всероссийский институт
аграрных проблем и информатики РАСХН, Отв. ред. А.В. Петриков,
А.Б. Жильцов. [Вып. 2]. М., 1998. 210 с.

В альманахе собраны документы, воспоминания и авторские ста-
тьи, затрагивающие вопросы истории сельского хозяйства и россий-
ской деревни. Особое место занимают материалы следственного дела
выдающегося русского аграрника-экономиста А.В. Чаянова, ставшего
жертвой сталинских репрессий. Большую Ценность представляют Эко-
номические примечания 1800 г. по Звенигородскому уезду Московской
губернии. Все материалы печатаются впервые.

С 3701000000-001
030173(02)-98

Без объявл.

ББК 63.3(2)6+4

С 3701000000-001
030173(02)-98

Без объявл.

© общество "Энциклопедия
российских деревень", 1998.
Авторское вознаграждение не выплачивается

ОТ РЕДАКЦИИ

Спустя четыре года после первого выпуска общество "Энциклопедия российских деревень" и Аграрный институт Российской академии сельскохозяйственных наук возобновляют издание альманаха "Сельский мир". Эти годы вобрали в себя многие события, но неизменным осталось намерение учредителей издавать подобного рода сборник, ибо по-прежнему актуальными остаются его цели. Редакция стремится помещать на страницах альманаха "первичные" материалы — извлеченные из архивов новые исторические документы; данные полевых исследований, которых еще не касалась рука редактора; воспоминания современников тех или иных событий — и лишь в небольшом объеме т. н. авторские статьи. Мы все устали от "концепций" и "точек зрения" и нам как воздуха не хватает сырого материала, чтобы наконец понять, что же произошло и что происходит с нашей деревней.

Пусть не удивляет читателя и явно видная по содержанию как первого, так и второго выпуска наша склонность к публикации исторических материалов. Виновата здесь не только не утоленная до сих пор жажда на непридуманную историю страны, в которой мы живем, но и глубокая убежденность в том, что без исторических знаний нельзя успешно вести сельское хозяйство и обуустраивать деревню. Сельское хозяйство — наиболее "историческая" отрасль экономики, ибо это не столько экономическое занятие, сколько выпестованный веками образ жизни на земле. К сожалению, многие наши политики и специалисты учитывают это лишь на словах, прерывая естественноисторическое течение сельскохозяйственного дела надуманным, без связи с традицией экспериментированием. Издавая альманах, мы бы хотели препятствовать распространению таких умонастроений. Эффективная аграрная политика вырастает из толщи народной жизни, задача правительства — ограничивать народную инициативу.

А.В. Петриков

**А.В. ЧАЯНОВ В СЛЕДСТВИИ ОГПУ
ПО ДЕЛУ ТРУДОВОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ПАРТИИ
(1930 - 1932 гг.)***

Имя Александра Васильевича Чаянова (29 (17) января 1888 — 3 октября 1937 г.), создателя фундаментальной теории крестьянского хозяйства и выдающегося деятеля кооперативного движения, золотыми буквами вписано в историю русской и мировой экономической мысли. Его перу принадлежит около 300 научных трудов, многие из которых изданы за рубежом. Долгие годы — со дня ареста ученого в июне 1930 г. по делу так называемой Трудовой крестьянской партии (ТКП) и до полной реабилитации в июле 1987 г. — упоминания о нем в открытой печати были редки, а к трудам его на Родине обращались только предвзятые критики. Но время не властно над подлинными творениями высокого человеческого духа, и в наши дни работы А.В. Чаянова переживают второе рождение, помогая восстановлению жизненных сил многострадальной деревни и возрождению крестьянского сословия в России.

При том, что углубляется изучение чаяновского наследия, выявляются новые подробности биографии ученого, многое пока остается неизвестным. Наименее исследован последний, самый трагический отрезок его жизни — годы политических преследований, тюремных заключений и ссылки. Недостаточная исследованность стала почвой для возникновения ряда домыслов, в частности путаницы с установлением года смерти А.В. Чаянова¹. Это объясняется как тем, что не опубликованы документы 30-х гг., хранящиеся, главным образом, в лубянских архивах, так и тем, что имеющиеся сведения противоречивы. Например, в семейном архиве Чаяновых есть два официальных свидетельства о смерти Александра Васильевича — первое датирует ее мартом 1939 г., второе (более позднее) октябрем 1937 г.

Публикуемые нами материалы относятся к последним годам жизни А.В. Чаянова и рассказывают о следствии над ним по обвинению в членстве в ЦК ТКП — вымышленной антисоветской организации, якобы ставившей целью свержение пролетарской власти для установления в России буржуазных порядков. Эти материалы хранятся в Центральном архиве Федеральной службы безопасности РФ и впервые издаются в таком объеме, хотя их частичная публикация состоялась еще во время следствия 1930 г. по инициативе его главного вдохновителя И.В. Сталина. Сборник, в

* © В.А. Чаянов, А.В. Петриков, 1995

¹ А.И. Солженицын, например, пишет, что по окончании процесса над ТКП "Чаянов после 5 лет изолятора был выслан в Алма-Ату, в 1948 г. посажен вновь". См.: Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 1 // Солженицын А. Малое собр. соч. М., 1991, Т. 5. С. 45.

котором они увидели свет, назывался "Материалы по делу контрреволюционной «Трудовой крестьянской партии» и группировки Суханова-Громана: (Из материалов следственного производства ОГПУ)". Он был выпущен ограниченным тиражом и разослан по списку избранным партийным и государственным руководителям, в первую очередь членам ЦК ВКП(б), с тем, чтобы последние могли убедиться в "предательской" позиции ряда высших должностных лиц, стоящих в то время на пути Сталина к единоличной диктатуре².

Историки еще разберутся в хитросплетениях политической борьбы тех лет и в том, какое место в ней отводилось процессу над ТКП. Работая над публикацией, мы отнюдь не стремились внести ясность в этот вопрос, хотя, являясь документом эпохи, "Дело...", должно быть, послужит и этому. Две главные цели руководили нами: во-первых, ввести в научный оборот новые материалы о выдающемся ученом и человеке с тем, чтобы лучше понять его личность и творчество, и, во-вторых, показать всю бесчеловечность режима, расправившегося с ним, и тем самым поставить под сомнение концепцию об органичности эволюции А.В. Чаянова.

Читатель найдет в предлагаемых материалах три слоя информации. Первый слой — это изложение точки зрения организационно-производственной школы на проблемы сельского хозяйства России, особенно на пути его эволюции в 20-е годы. (Следователи определили ее как контрреволюционную, но история, как теперь выясняется, изменила эти оценки.) Второй слой — это систематизированное описание того огромного наследия, которое А.В. Чаянов оставил людям, перечень его опубликованных и неопубликованных научных трудов, имеющих большое теоретическое и прикладное значение, остающихся актуальными даже теперь, по прошествии шестидесяти с лишним лет после ареста. Сюда же входит подробное описание деятельности созданного им Института сельскохозяйственной экономики и политики — одного из крупнейших мировых центров науки по экономике и организации сельского хозяйства, И, наконец, третий, самый большой слой, имеющий значение фона, легко выделяемого по смыслу, по стилю изложения и по словесному набору, — признание А.В. Чаяновым своей "контрреволюционной вредительской деятельности", для чего следователями использовались запрещенные методы психологического и физического воздействия. В наших материалах не имеется прямых указаний на использование следователями этих методов, но тома проверки дела (в результате которой была доказана его фальсификация) свидетельствуют о применении извергами пыток.

Хотя эта третья сторона легко узнаваема и выделяема из контекста протоколов, изъять из текста те части, которые относятся к ней непосредственно, и оставить лишь те, которые относятся к первым двум сторонам, невозможно, так как в противном случае может быть утрачена цельность изложения и текст превратится в эклектический набор фраз и фрагментов. Поэтому, готовя настоящее издание, мы сохранили весь текст протоколов в неприкосновенности, в том виде, в котором он находится в "Деле ЦК ТКП"

² См. подробнее; Коммунист. 1990. № 1. С. 94 - 106.

(1930—1932 гг.), надеясь на то, что читатель сам вычленил следовательские диктанты. В этом смысле протоколы "признательных" показаний — страшный по своей силе разоблачительный документ. И сама "Трудовая крестьянская партия", и членство в ней выдающихся ученых, и приписанные им преступные действия — все это изобретено политическими режиссерами для расправы над непокорными, сумевшими создать и смевшими отстаивать отличный от линии Сталина аграрный курс. Недавно опубликованная переписка между Молотовым и Сталиным свидетельствует, что последний был не только идеологом процессов 1930—1932 гг., но и оперативно руководил ими, давая личные указания Менжинскому.

В начале октября 1930 г. Сталин писал Молотову: "...Отсюда мои предложения: а). Сделать одним из самых важных узловых пунктов новых (будущих) показаний верхушки ТКП, "Промпартии" и особенно Рамзина вопрос об интервенции и сроке интервенции. 1) почему отложили интервенцию в 1930 г.? 2) не потому ли, что Польша еще не готова? 3) может быть потому, что Румыния еще не готова? 4) может быть потому, что лимитрофы еще не сомкнулись с Польшей? 5) почему отложили интервенцию на 1931 г.? 6) почему "могут" отложить интервенцию на 1932 г.? и т. д. и т. п. <... > г). Провести сквозь строй гг. Кондратьева, Юровского, Чаянова, хитро увильвающих от "тенденции к интервенции", но являющихся (бесспорно) интервенционистами..."

Письмо Молотову (позднее 6 августа 1930 г.): "...3). Я думаю, что следствие по делу Кондратьева — Громана — Садырина нужно вести со всей основательностью, не торопясь. Это дело очень важное. Все документы по этому делу нужно раздать членам ЦК и ЦКК. Не сомневаюсь, что вскрыется прямая связь (через Сокольников и Теодоровича) между этими господами и правыми (Бух., Рыков, Томский). Кондратьева, Громана и пару другую мерзавцев нужно обязательно расстрелять".

Письмо от 2 сентября 1930 г.: "...2). Разъяснение в печати дела Кондратьева целесообразно лишь в том случае, если мы намерены передать это "дело" в суд. Готовы ли мы к этому? Считаем ли нужным передать "дело" в суд? Пожалуй трудно обойтись без суда.

Между прочим: не думают ли гг. обвиняемые признать свои ошибки и порядочно оплевать себя политически, признав одновременно прочность Соввласти и правильность метода коллективизации? Было бы недурно".

Письмо Молотову 22 сентября 1930 г.: "...Подождите с делом передачи в суд Кондратьевского "дела". Это не совсем безопасно. Подождите до осени с решением этого вопроса. В половине октября решим этот вопрос совместно. У меня есть некоторые соображения против"³.

В соответствии с указаниями своего патрона и действовали следователи, не подозревая о том, что неумолимое время поменяет местами "судей" и обвиняемых и превратит "Дело..." в одно из страшных свидетельств совершенных властью преступлений.

³ Коммунист. 1990. № 11. С. 94—106.

Лучшим эпитафием к публикации его материалов могут служить слова выдающегося русского философа И.Л. Ильина, высланного из страны в 1922 г. и только потому спасшегося от сталинских застенков: "Мы должны заранее предупредить будущих законных правителей России и будущих историков русской революции, что все эти протоколы советской полиции, — что бы в них ни стояло и кто бы под чем бы ни подписался в них, — суть документы не права и не правды, а живые памятники мучительства и мученичества. Кто бы в них ни "признавался чистосердечно", — в измене, в предательстве, в шпионаже в пользу другой державы, в хищениях, в растратах или в каком ином "бесчестии", — эти протоколы не бросают ни малейшей тени на подписавшего, но зато вскрывают наглядно порочность советского строя, коммунистической партии, ее вождей, советской полиции и советского суда. По этим документам будущие историки России и социалистического движения будут изучать безумие революции, низость революционеров, сущность левототалитарного режима и мученичество русского народа. Беспристрастно и доказательно вскрыют они эту систему, этот план перебить лучших русских людей, обескровить и дисквалифицировать русский народ и приготовить на его крови и его костях порабощение для всех остальных народов"⁴.

Как следует из дела, ордер на арест А.В. Чаянова был выдан ОГПУ 19 июля 1930 г., арест произведен через 2 дня. Первый протокол допроса датируется 5 августа 1930 г. — прошло 1,5 месяца, в течение которых подследственный отрицал приписываемые ему преступления (естественно, что эти протоколы в дело не подшивались).

Молчание было прервано, когда за профессора взялся следователь Яков Саулович Агранов. Этот человек прославился в ЧК многими достижениями, начиная с расследования кронштадтского мятежа 1921 г. и дела Таганцева, по которому проходил поэт Н. Гумилев. Затем был шахтинский процесс, следствие над Промпартией, Союзным бюро меньшевиков и, наконец, ТКП. Основным достоинством Агранова в глазах его высокого начальства было умение "работать" с интеллигентами, добывать у них "признательные показания". Однако несмотря на заслуги, сам Яков Саулович в 1937 г. был обвинен во вредительстве в органах НКВД и расстрелян. Документы следствия над ним сохранили высказывания аграновских сотрудников о методах его работы: "...Агранов требовал от нас готовить схемы показаний заблаговременно и брать показания только по этим схемам"; "...Агранов инструктировал: на первом же допросе подследственному нужно объяснить, что его все равно расстреляют независимо от того, признается он или нет. Но если признается и напишет Ежову заявление об этом, то есть маленькая надежда, что ему оставят жизнь". Если же подследственный отказывался давать требуемые показания, следователь уверял, что все равно заставит его говорить: "...Мы с Вами стесняться не будем, язык вырвем, все равно заговорите".

⁴ Ильин И.А. Протоколы допроса // Ильин И.А. Наши задачи: Историческая судьба и будущее России: Статьи 1948 - 1954 гг. / Подготовка текста и вступит. статья И.Н. Смирнова. М., 1992. Т. I. С. 56.

Для развертывания следствия по пути фальсификации нужны были послушные следователи, "понимающие замыслы и схемы Агранова о тайных контрреволюционных организациях, о терроре и т.п.". Эти иезуитские схемы были крайне просты. Арестовывался "подозреваемый", на допросах определялся круг его общения. Кто-нибудь из этого круга наверняка имел знакомых или родственников в Москве. Оставалось только добиться их признания, чтобы в актив ЧК поступила "готовая, вскрытая НКВД, и в частности таким-то ее сотрудником, подпольная вредительская или шпионская организация на периферии с выходом в центр".

Следователи не стеснялись говорить арестованным: "...Я знаю, что ты не контрреволюционер, но для самокритики должен подписать протокол, чтобы нам (т. е. следствию) легче было разоблачить того, кого нам нужно... Подпиши, ты ничем не рискуешь. Мы тебя выпустим на свободу. Если не подпишешь, то будем считать тебя нераскающимся врагом и расстреляем"⁵.

Со слов А.В. Чаянова об обстоятельствах добывания "признаний" рассказывает его жена О.Э. Чаянова: "Сперва А.В. Чаянов все отрицал, пока за допросы не принялся Агранов. Допросы в начале были очень мягкие, "дружественные", иезуитские. Принимая "расположение" Агранова к нему за чистую монету, Чаянов дружески объяснял ему, что ни к какой партии он не принадлежал, никаких контрреволюционных действий не предпринимал. Тогда Агранов начал показывать ему одно за другим 13 показаний его товарищей против него. <...> Показания, переданные ему Аграновым, повергли Чаянова в полное смятение — ведь на него клеветали люди, которые его знали и которых он знал близко и много лет, но все же он еще сопротивлялся. Тогда Агранов спросил его: "Александр Васильевич, а есть ли у Вас кто-нибудь из товарищей который по Вашему мнению, не способен лгать?" Чаянов ответил, что есть, и указал на профессора экономической географии А.А. Рыбникова. Тогда Агранов вынимает из стола показания Рыбникова и дает прочесть Чаянову. Это было последней каплей которая подточила сопротивление Чаянова. Он начал, как и все другие, писать то, что сочинял Агранов. Так он, в свою очередь, оговорил себя и других"⁶.

При ознакомлении с материалами предварительного следствия этот рассказ полностью подтвердился. Последний из его близких друзей на допросе у Агранова написал, что А.В. Чаянов входил в состав ЦК ТКП 4 августа, а первый хранящийся в деле "признательный" протокол допроса А.В. Чаянова датирован следующим днем — 5 августа 1930 г.

Однако несмотря на "признание" существования ТКП и своего членства в ней А.В. Чаянов не прекращал сопротивления следствию, стараясь смягчить "вину" и оспо-

⁵ См.: Центр. архив ФСБ. Д. Р — 33480. Т. 28.

⁶ Центр. архив ФСБ. Д. Р — 33480, Т. 29, Л. 31.

рить предъявляемые обвинения. Об этом свидетельствует прежде всего структура допросов. Следователям приходилось иногда до четырех раз возвращаться к одному и тому же обстоятельству дела, постоянно уточняя его, так как арестант каждый раз говорил вроде бы то, что требовал от него следователь, но все-таки не совсем то, А.В. Чаянов вступал в дискуссию со следствием по одному из основных пунктов обвинения, заключавшемуся в том, что его контрреволюционная деятельность способствовала установлению в России буржуазных порядков и, в частности, развитию в деревне капиталистических отношений. Главным аргументом служили здесь его теоретические воззрения о путях эволюции сельского хозяйства, в которых главная роль отводилась кооперированному середняцкому хозяйству.

Аргументированно отрицал А.В. Чаянов и неоднократно приписываемые ему и ТКП обвинения в подготовке вооруженных крестьянских восстаний и иностранной военной интервенции. Это особенно важно подчеркнуть, памятуя о том, что на признании членов ТКП интервенциалистами настаивал И.В. Сталин.

Из материалов следствия видно, что Чаянов пытался ограничить притязания следователей и уйти от требований оклеветать своих товарищей и коллег. Так, описывая инструктаж воронежского профессора и своего ближайшего друга А.Н. Минина перед его поездкой в Чехословакию и Данию, А.В. Чаянов упоминает лишь о профессиональных контактах с учеными и специалистами по организации сельского хозяйства и сельскохозяйственной кооперации и отрицает, что беседа имела характер партийного инструктажа⁷. В показаниях о деятельности заведующего экономическим отделом Новозыбковской областной опытной станции Семена Даниловича Семенова А.В. Чаянов категорически утверждает, что ему ничего неизвестно об организационной связи его с каким-либо центром ТКП⁸.

Иррациональность обвинений и то, что А.В. Чаянов далеко не во всем соглашался со следователями, заставляло последних прибегать к ужесточению режима содержания арестанта. В заявлении на имя оперуполномоченного Д.С. Фильченкова от 18.04.31 А.В. Чаянов писал: "За последние дни все больше и больше теряю последние силы и как никогда нуждаюсь в моральной поддержке"⁹. В заявлении от 08.05.31. адресованном тому же следователю, он указывал, что "по состоянию своего здоровья вынужден больше время лежать"¹⁰.

Одновременно чекисты шли на грубые фальсификации. Из-за подтасовок следствия в "Деле..." появилась записка с просьбой о помиловании, направленная А.В. Чаяновым заместителю председателя ОГПУ Евдокимову 21.10.30. в то время как "Делу..." еще не было видно конца, а виновность подсудимых не только не была доказана,

⁷ Центр. архив ФСБ. Д. Р - 33480. Т. 11, Л. 94.

⁹ Центр. архив ФСБ. Д. Р - 33480. Т. 11, Л. 167.

¹⁰ Центр. архив ФСБ. Д. Р - 33480. Т. 11, Л. 173.

но и не была толком сформулирована. А.В. Чаянов составил свою записку в терминах оборотов отнюдь не чаяновских, сделав при этом в 20 строчках более 15 орфографических и синтаксических ошибок, которых он, автор многочисленных научных трудов художественных произведений, человек, слышущий одним из лучших в стране лектор в обычных обстоятельствах сделать не мог"¹¹. Одно из двух — или записка написана от имени А.В. Чаянова, или он умышленно допустил грамматические несурзности, чтобы подчеркнуть всю нелепость обвинений.

Обратимся теперь к вопросу о том, какие новые штрихи добавляет следственное дело к творческому портрету и характеристике научного наследия ученого. Чрезвычайно важным нам представляются содержащиеся в показаниях сведения о его до сих пор неизвестных научных работах и об уникальном созданном им Научно-исследовательском институте сельскохозяйственной экономики и политики, имевшем мировое значение.

Первая из указанных работ — обширная статья "Сельскохозяйственная кооперация в системе госкапитализма" 1924 г. А.В. Чаянов сообщал, что она напечатана "как передовая редакционная [статья сборника] без... подписи. В этой статье основной стержнем являлось положение, что кооперация, подобно капитализму, должна развиваться по линии: совместные закупки и кредит — сбыт, переработка — организация отдельных средств производства — организация самого производства, говоря иначе по линии вертикальной, а не горизонтальной концентрации, что означало примат кооперации над колхозным движением. Статья имела значительный успех не только в белых партийных но и в партийных кругах. По крайней мере, в печатном отчете фракции центров [сельско]х[озяйственной] кооперации весь сборник отмечался как шаг вперед для разработки кооперативной теории"¹².

Вторая работа — это "Первый пятилетний план капитальных вложений в систему [сельско]х[озяйственной] кооперации с планом дальнейших ее погашений", разработанный А.В. Чаяновым в 1925 г. и опубликованный в сборнике "Сельскохозяйственная

¹¹ Приводим здесь часть полного, не правленного редактором текста обращения (Центр, архив ФСБ, Д. Р - 33480. Т. 11. Л. 125), выделяя неверные слова и буквы курсивом и заключая недостающие знаки в квадратные скобки.

Товарищ Евдокимов!

Если можете, то простите меня за ту ложь, которую я допустил в разговоре с Вами. Как Вам известно из дела[,] я не мог до ареста сообщить о контр-революц. организациях не только потому[,] что не хотел подвести товарищей, но и потому[,] что сам не оторвался от контр-революц. работы.

Я не считаю возможным производить какие(-) либо смягчающие объяснения, я просто прошу помилования[.]

Прошу сохранить мне жизнь и клянус[ь] весь остаток ее посвятить социалистическому земледелию, для которого объективно немалое сделал.

Вопрос идет теперь уже не о том[,] чтобы не толкать падающего, а о том[,] чтобы поднять упавшего. < ... >

¹² Центр. архив ФСБ. Д. Р — 33480, Т. 10, Л. 75 об.

кооперация и финансы" за 1926 г. "Этот план, — указывал А.В. Чаянов, — ... исходил из идеи, что так называемые местные комбинаты по первичной переработке сельхозсырья и силовые установки являются основным рычагом увязки крестьянской массы с системой государственного хозяйства. Таким образом, все развитие сельского хозяйства предназначалось быть направленным по пути так называемой системы "дифференциальных оптимумов" с оставлением некоторого частного сектора, а не по пути колхозов и совхозов"¹³.

Кроме того, в материалах следствия упоминается о трех статьях ученого, посвященных совхозам зернотреста и опубликованных в журнале "Социалистическое земледелие" под псевдонимом¹⁴.

"Дело..." содержит также сведения о целом ряде неопубликованных монографий. В заявлении следствию от 04.06.31 г. А.В. Чаянов называет пять из них. Это "Методика проектирования крупных предприятий социалистического земледелия"; "Учет социалистического хозяйства и определение эффективности затрат"; "Организация водного и ожного хозяйства вообще"; "Анализ возможности раскрытия не только корреляционных, но и функциональных зависимостей методами статистических группировок"; "Историческая топография г. Москвы и района"¹⁵. Над тремя из них, посвященных водному хозяйству и теории статистического анализа и исторической топографии <...> ученый работал во внутренней тюрьме ОГПУ и Бутырках. Мы узнаем также, что перед арестом А.В. Чаяновым была закончена капитальная монография объемом 34 печатных листа "Организация крупного хозяйства", прошедшая тройную корректуру, но так и не опубликованная. "Кроме них, — пишет А.В. Чаянов, — в моих портфелях и, очевидно, среди бумаг, взятых при обыске, находилось около десятка других моих важных работ и огромное количество набросков, записок, даже материалов, собранных за 20 лет научной работы буквально со всего мира, экстракт целых библиотек, уникальные данные, никогда не бывшие в печати"¹⁶. К сожалению, все эти работы и материалы в архивах Федеральной службы безопасности нами не обнаружены и возможно утрачены навсегда.

Вследствие того, что одной из задач ОГПУ был сбор сведений о "вредительской деятельности" А.В. Чаянова в правительственных учреждениях, "Дело..." содержит подробную информацию об участии ученого в разработке экономической и аграрной политики в годы нэпа, особенно до 1926—1927 гг. Он работал над декретами о продналоге и сельскохозяйственной кооперации; участвовал в разработке семенной кампании 1921 г., организации местного аппарата, штатов и смет земельных органов по всем губерниям РСФСР, в подготовке всех материалов по сельскому хозяйству для Генуэзской конференции и общего плана восстановления сельского хозяйства после гражданской войны. До весны 1926 г. он активно сотрудничал в Сельхозсовете и других кооперативных учреждениях, составляя, как уже упоминалось, планы финансирования коопе-

¹³ Центр. архив ФСБ. Д. Р — 33480. Т. 10. Л. 76.

¹⁴ Центр. архив ФСБ. Д. Р — 33480. Т. 11. Л. 57.

¹⁵ Центр. архив ФСБ. Д. Р — 33480. Т. 11. Л. 175, 175 об.

¹⁶ Центр. архив ФСБ. Д. Р - 33480. Т. 11. Л. 175 об.

ративного движения. В 1926—1927 гг. принимал участие в подготовке плана развития опытного дела в России. По заказу Наркомторга выполнил работу на тему: "Себестоимость и цена сельскохозяйственных продуктов", "Эта работа, — указывал А.В. Чаянов, — опираясь на бюджетные материалы о себестоимостях, защищала принципы так называемых "восстановительных цен", т. е. цен, гарантирующих воспроизводство материальных капиталов и рабочей силы"¹⁷. Тем самым ученый предлагал один из возможных способов решения острейшей проблемы экономического развития 20-х годов — обеспечение эквивалентности обмена между сельским хозяйством и промышленностью, однако именно это было поставлено ему в вину по завершении следствия. Он обвинялся "в том, что в ряде работ, сделанных по поручению хозорганов... в области политики цен на [сельско]х[озяйственные] продукты... стремился, правда безрезультатно, увеличить доход индивидуальных товаропроизводителей, поддерживая принцип восстановительных цен и неприкосновенности уровня благосостояния крестьянских потребителей"¹⁸. (Будет хорошо, если на этот пункт обвинения обратят внимание современные политики, допускающие в ходе осуществления аграрной реформы увеличение ценового диспаритета в обмене между городом и селом).

Важнейшим обвинением, выдвинутым против А.В. Чаянова, была разработка теоретической платформы и подготовка кадров для ТКП. Вся эта работа по версии следователей сосредоточивалась в стенах руководимого А.В. Чаяновым Института сельскохозяйственной экономики и политики. В "деле" имеется всесторонний анализ его деятельности. Перед нами предстает, без сомнения, крупнейший научный центр своего времени, проводивший, с одной стороны, фундаментальные теоретические исследования, а с другой — формировавший аграрную политику страны в период, когда сельское хозяйство развивалось наиболее высокими темпами. В нем работали или поддерживали с ним творческие контакты ведущие экономисты и социологи-аграрники не только России, но и почти всех стран мира. По оценке А.В. Чаянова Институт имел за рубежом 60 постоянных и 120 циркулярных [непостоянных] корреспондентов. Началом формирования этой обширной сети послужила рассылка по 150 адресам всех стран мира вышедшей в 1923 г. в Германии основной книги Чаянова "Die Lehre von der bauerlichen Landwirtschaft". "На свою рассылку и циркулярное письмо, — пишет А.В. Чаянов, — я получил около 70 ответов. На следующий год я по этим же несколько уточненным адресам послал свою вторую немецкую книгу "Sozialagronome" и затем, установив сеть корреспондентов... стал, опираясь на институтский аппарат, ежегодно посылать 3—4 книги трудов института, получая книги в обмен и обмениваясь письмами..." Восемь наиболее выдающихся ученых мира (Aegeboe, Brinkmann, Larsen, Orwin и др.)... были приглашены в состав членов института и приняли это приглашение"¹⁹. Основные работы ведущих зарубежных экономистов-аграрников публиковались в сборниках института. Благодаря этому в России были изданы труды классиков сельскохозяйственной

¹⁷ Центр. архив ФСБ, Д. Р — 33480. Т. 11, Л. 117.

¹⁸ Центр. архив ФСБ, Д. Р — 33480. Т. 11, Л. 117.

¹⁹ Центр. архив ФСБ, Д. Р — 33480. Т. 11, Л. 97 об.

экономики: Тюнена, Норса, Бринкмана, Лаура, Крцимовского, ни разу с тех пор не переиздававшиеся и давно ставшие библиографической редкостью.

В институте царил дух свободомыслия: под одной крышей работали люди разных идеологических направлений и научных взглядов, "Основным стержнем, на котором выковывались... теоретические построения, являлись пленарные заседания Института, происходящие в Земплане Наркомзема РСФСР, каждую пятницу осенью, зимой и весной и привлекавшие к себе помимо членов и аспирантов института обширные кадры агрономов и экономистов"²⁰. Периодически институт организовывал теоретические дискуссии по актуальным проблемам аграрной мысли, длившиеся по 4—5 пленарных заседаний, А.В. Чаянов сообщает в частности, о диспутах, посвященных теории крестьянского хозяйства, процессам его дифференциации, закону убывающего плодородия почвы.

Ведущие ученые института вели семинары (их тогда называли семинарии). А.В. Чаянов называет "...семинарий Н.Д. Кондратьева по вопросам теории рынка в связи с общими проблемами политической экономики... семинарий Н.П. Макарова по вопросам сельскохозяйственной экономики... А.А. Рыбникова по вопросам экономической географии... А.О. Фабриканта по вопросам агрономической работы"²¹.

Аспирантура института насчитывала 60 человек. В целях поддержания связей с хозяйственной практикой при институте работали секции, на заседания которых приглашались работники с мест. Ежегодно проводились обширные экономические и социологические экспедиции института для формирования информационной базы исследований и выполнения конкретных поручений ряда наркоматов.

Одна из сложных проблем современного чаяноведения²² — характеристика теоретической эволюции ученого в конце 20-х годов. Ссылаясь на ряд статей А.В. Чаянова 1928—1930 гг., многие авторы говорят о том, что ученый отказался от своей теории крестьянского хозяйства и концепции о приоритетном развитии вертикальной кооперации и признал правильность аграрной линии ВКП(б) на коллективизацию. В деле мы вроде бы находим многочисленные подтверждения этого мнения. В первом же протоколе от 5 августа 1930 г. зафиксированы следующие слова А.В. Чаянова: "Лично для меня в 1928 г. начало Зернотреста и знакомство с техникой механизированного земледелия заставило пересмотреть свои позиции о будущем страны. Я понял бесполезность сопротивления правильной политике партии и в декабре 1928 г. решил порвать со своими старыми позициями"²³. На допросе 21.08.30 А.В. Чаянов говорит, что главный размах неонароднические идеи получили "в 1918—1923 гг., кульминационным пунктом расцве-

²⁰ Центр. архив ФСБ, Д. Р — 33480. Т. 10, Л. 61 об.

²¹ Центр. архив ФСБ, Д. Р — 33480. Т. 10, Л. 10 — 10 об.

²² Авторы считают себя вправе употреблять такой термин ввиду многочисленности книг и статей, посвященных анализу чаяновского наследия.

²³ Центр. архив ФСБ, Д. Р — 33480. Т. 10, Л. 4 об.

та теории является мой доклад на известном диспуте в Доме Союзов в 1922 г. на тему о будущем сельского хозяйства"²⁴.

"С 1924 г. начался кризис теории у самих ее создателей (Челинцева и меня)"²⁵. На допросе 24.01.31 А.В. Чаянов вновь возвращается к этой теме: "За последние месяцы перед арестом мое личное ознакомление с методами крупного социалистического хозяйства убедило меня в том, что мелкое крестьянское хозяйство, изучению и защите которого я отдал всю свою жизнь, в ближайшее десятилетие обречено на гибель. А это вырывает из под моих ног все [неонароднические]... идеологические основы..."²⁶. 27 января 1931 г. он пишет следователю А.С. Славатинскому специальное заявление, чтобы в ОГПУ не было сомнений "в категоричности моего отказа от неонароднических позиций"²⁷. Одним из аргументов А.В. Чаянова была завершенная им перед арестом монография "Организация крупного хозяйства эпохи социалистической реконструкции земледелия" — "первая и пока единственная в международной литературе книга о крупном механизированном хозяйстве вообще и социалистическом в частности" (до сих пор не обнаружена), а также ряд международных публикаций и статей 1929—1930 гг.

Однако не следует забывать при каких обстоятельствах сделаны эти "признания" и написаны указанные работы. В "деле" имеются новые свидетельства публичной травли ученого, начатой задолго до того, как он "отошел" от своих неонароднических взглядов (декабрь 1928 г.).

В частности, А.В. Чаянов упоминает о "политической ревизии Института, произведенной комиссией под председательством П.И. Попова в 1927 г., и решительной политизации Коллегии института"²⁸. Нечто подобное произошло и в ТСХА. "Летом 1928 г. — рассказывает А.В. Чаянов, — в "Правде" появилась статья Астрова по поводу плохой постановки преподавания политминимума в Академии, где между прочим указывалось, что в то время, как ленинизм преподается из рук вон плохо, "Железнов, Кондратьев и Чаянов с кафедры проповедуют кулацкие идеи". Немедленно после появления этой статьи и аналогичного замечания в одной из заметок Кольцова, я подал в правление Академии заявление с просьбой произвести расследование моей деятельности в Академии. Согласно этому заявлению была назначена комиссия, но так и не приступила к работе"²⁹. Как известно, на экономическом факультете ТСХА Чаянов занимал две кафедры — сельскохозяйственной кооперации и организации хозяйства. На допросе

²⁴ По всей вероятности, имеется в виду выступление А.В. Чаянова на 3-м Всероссийском съезде агрономов в Москве: А.В. Чаянов. Основы сельскохозяйственной политики: (Тезисы) // Труды 3-го Всероссийского съезда агрономов в Москве. М., 1922. С. 13—14.

²⁵ Центр. архив ФСБ. Д. Р.— 33480. Т. 10. Л. 63 об.

²⁶ Центр. архив ФСБ. Д. Р.— 33480. Т. 11. Л. 139.

²⁷ Центр. архив ФСБ. Д. Р.— 33480. Т. 11, Л. 157.

²⁸ Центр. архив ФСБ. Д. Р.— 33480. Т. 10. Л. 10.

²⁹ Центр. архив ФСБ. Д. Р.— 33480. Т. 11. Л. 91.

у Агранова 25.08.30 он сообщает, что "... в 1927/28 году добровольно отказался от кафедры [сельско]х[озяйственной] кооперации и передал ее А.Н. Челинцеву, т. к. чувствовал уже, что жизнь уходит из под ... ног"³⁰. Пожалуй, последние слова лучше всего характеризуют состояние ученого в те годы. Спрашивается, можно ли говорить о естественной эволюции его взглядов в этот период вообще, и об органичном признании бесспорных преимуществ крупного социалистического земледелия в частности?

И еще одно соображение по этому поводу. Обратим внимание, что одной из основных тем последних чаяновских работ является проблема эффективности новых форм хозяйствования. И монография "Учет и методы определения эффективности социалистического хозяйства и земледелия", подробный план которой подготовлен во время следствия, также посвящена этой теме. Не свидетельствует ли это о том, что признанный в ряде работ приоритет социалистических сельскохозяйственных предприятий еще должен быть всесторонне проверен?

Однако судьба не отвела А.В. Чаянову для этого времени. В январе 1932 г. он был осужден коллегией ОГПУ на 5 лет тюремного заключения, четыре из которых провел в тюрьме (в следственном изоляторе ОГПУ, Бутырке, Ярославской тюрьме). Последний год заключения был заменен ссылкой в Алма-Ату, где А.В. Чаянов работал в Сельскохозяйственном институте, НИИ сельскохозяйственной экономики и Наркомате земледелия Казахстана. В 1935 г. ссылка была продлена еще на 3 года. В марте 1937 г. А.В. Чаянов был вновь арестован органами НКВД, а 3 октября 1937 г. расстрелян в Алма-Ате.

³⁰ Центр. архив ФСБ. Д. Р.— 33480. Т. 10. Л. 77.

ДЕЛО ТРУДОВОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ПАРТИИ (1930 — 1932 гг.) *

I. ВВЕДЕНИЕ

Тексты большинства воспроизводимых в настоящем издании протоколов допросов профессора Чаянова написаны им собственноручно. Помимо этого, два протокола печатаются по рукописям следователей Славятинского и Каплана, а документы, не имеющие рукописных оригиналов, — по машинописным копиям. Отметим, что машинописными копиями сопровождается значительная (включающая все протоколы 1930 г.) часть материалов "Дела...", написанных рукой А.В. Чаянова. При этом текст указанных копий не всегда совпадает с текстом рукописи.

Документы, насколько это возможно, печатаются с учётом авторской правки: слова, вписанные рукой автора между строк, выделены курсивом; подчеркнутые фразы также подчеркнуты. Как оригиналы, так и копии в материалах следствия имеют сквозную нумерацию, поэтому документы публикуются в порядке их архивного хранения, не всегда соответствующем хронологической последовательности. Машинописный текст, дублирующий рукописный, не приводится, от чего в публикации выпадает часть листов.

Редакторское вмешательство в процессе обработки "Дела..." носило косметический характер и не затрагивало стиля повествования. Все материалы печатаются ниже, в основном, по современным орфографическим и пунктуационным правилам; исключение сделано для отдельных названий и аббревиатур, передающих, по мнению публикаторов, дух эпохи 30-х гг. Простые и не требующие комментариев сокращения раскрываются без оговорок, но там, где это необходимо, комментарии заключаются в угловые, а сделанные по смыслу добавления — в квадратные скобки. Каждый лист показаний подписывался допрашиваемым. Здесь подписи, находящиеся внутри текста показания, опущены. К сожалению, определённые финансовые трудности, а также особенности хранения и подготовки материалов к печати не позволили составителям провести детальный текстологический анализ документов и предложить читателям исчерпывающие комментарии. Но даже в таком, усечённом относительно первоначального замысла виде печатаемые материалы представляют, по нашему мнению, значительный интерес.

Слово благодарности следует сказать в адрес академика А.А. Никонова, ныне, к сожалению, уже покойного, по инициативе которого в 1987 году состоялась полная реабилитация А.В. Чаянова, и полковника К.Г. Насонова, готовившего документы по реабилитации учёного. Составители считают своим долгом выразить благодарность начальнику Центрального архива МБ РФ А.А. Зюбченко и работнику Центрального архива А.Я. Николаеву, а также американскому журналисту Ф. Бургольцеру за оказанную ими помощь в работе.

* © В.А. Чаянов, подготовка текста, 1996

© А.А. Овчинцева, Н.Н. Громова, справочный аппарат, 1996

II. ПРОТОКОЛЫ ДОПРОСОВ А.В. ЧАЯНОВА И ДРУГИЕ ДОКУМЕНТЫ
СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА
С.С.С.Р.

Объединенное Государственное политическое управление ОРДЕР ГФ 4422

Июня 19 дня 1930 г.

Выдан сотруднику оперативного отдел[а] ОГПУ Малкину [для] производства ареста и обыска гр. ЧАЯНОВА Александра Васильевича по адресу: Нижняя дорога (Вязовая ул.), д. № 58, кв. 2.

Примечание. Все должностные лица и граждане обязаны оказывать лицу, на имя которого выписан ордер, содействие для успешного выполнения.

Зам. председателя ОГПУ

[подпись]

Начальник оперативного отдела

[подпись]

л. 2

ПРОТОКОЛ

На основании ордера Объединенного Государственного Политического Управления за № 4422 от 19 июня мес[яца] 1930 г. произведен обыск/ арест у гр. Чаянова Ал[ександр]а Васильевича в доме № 37, кв. № 2 по ул. Нижняя Дорога, Петровское-Разумовское, при обыске присутствовали: Зам. заведующего селекционной станцией Иванов Ф.И. и понятая гр[аждан]ка Орлова О.Н., у которой находился ключ от квартиры Чаянова.

Согласно данным указаниям задержаны гражд[ане]: Чаянов Александр Васильевич.

Взято для доставления в Объединенное Государственное [политическое] управление следующее (подробная опись всего конфискуемого или реквизируемого): один чемодан желтой кожи с перепиской, одна смена белья, одна пара носков, одна простыня и маленькая подушечка.

< Приписано: > "портфель с перепиской"; "чемодан и портфель с перепиской" взяты в ЭКУ ОГПУ".

л. 2 об.

Обыск производил комиссар оперода Трифонов.

При обыске заявлена жалоба от _____

1) На неправильности, допущенные при обыске, и заключающиеся по мнению жалобщика, в _____ нет

2) На исчезновения предметов, не занесенных в протокол, а именно: _____

Примечание. Квартира Чаянова А.В. запечатана, печать № 21 ОГПУ и ключи сданы Орловой.

Все заявления претензии должны быть занесены в протокол. По-

сле подписания протокола никакое заявление и претензии не принимаются.

За всеми справками обращаться в комендатуру ОГПУ (пл. Дзержинского, д. 2), указывая № ордера, день его выдачи, и когда был произведен обыск.

Все указанное в протоколе и прочтение его вместе с примечаниями, лицами у которых обыск производился, удостоверяем.

Представитель домоуправления: Ф. Иванов

Понятая: Орлова

Производивший обыск комиссар оперода _____ подпись

Копию с протокола получил "21" июня 1930 года Ф. Иванов

Орд[ер] 4422 8 ЭКУ ОГПУ

К д[елу] 98133

АНКЕТА № 10743

для арестованных и задержанных с зачислением за ОГПУ

Лица, давшие неверные показания в анкете, будут подвергнуты строжайшей ответственности.

ВОПРОСЫ:

ОТВЕТЫ:

1. Фамилия	Чаянов
2. Имя и отчество	Александр Васильевич
3. Граждан/ин/ка какого государства	С.С.С.Р.
4. Национальность	Русский
5. Место прописки (откуда происходит)	губ[ерния]... уезд... вол[ость]... село/город... г. Москва
6. Возраст (год рождения)	42 лет; родился в Москве [в] январе 1888 г.
7. Образование: а) грамотен ли б) какую школу окончил	а) грамотен б) Петровскую (н[ыне] Тимир[язевскую]) с[ельско]- х[озяйственную] академию ¹

в) если не окончил, то
ск[олько] класс[ов],
курс[ов] прош[ел]

в) прошел 4 курса и магист[ерский] экзамен

8. Состав семьи, место жительства и место работы каждого члена (отца, матери, детей, мужа, жены, братьев и сестер)

Степень родства	Фамилия, имя и от- чество	Воз- раст	Занятие или место работы и должность или профессия	Место житель- ства (адрес)
1. жена	Чаянова О.Э.	32	Аспирантка РАНИОН ²	Москва 8, Тимир[язев- ская] с[ельско]х[озия- ственная] академия, селекц[ионная] стан- ция. Ныне Николина Гора около села Успен- ского Звенигород- [ского] уезда Моск[ов- ской] губ[ернии]
2. сын	Чаянов Н.А.	7		
3. сын	Чаянов В.А.	5		
4. мать	Чаянова Е.К.	72		

9. Партийная принадлежность:

а) в какой партии состоит,

Беспартийный

б) с какого времени

10. Профессия

Агроном-экономист

11. Род занятий и место службы
в момент ареста

Заведующий отделом тек-
стил[ных] культур и член
правления Института кру-
пн[ых] хозяйств. Консуль-
тант Зернотреста

12. Состоял ли на государствен-
ной службе, в каком чине

Был преподавателем Петр[ов-
ской] с[ельско]х[озийственной]
академии

л. 3 об.

15. Если служили или работали по найму, укажите в хронологическом порядке

	Наименование учреждения или предприятия	Должность и профессия
До 1917 года	Петровская с[ельско]х[озия- ственная] академия (ныне Тимир[язевская]), с 1913 Львоц[ентр] ³ , с 1915 [по 19]20	Преподаватель, затем профессор Председатель правления и совета

С 1917: Институт с[ельско]х[озияй-
по посл[ед- твенной] экономии⁴ с 1919
нее] место Наркомзем, 1921—[19]23
службы Сельскосоюз⁵, 1924-[19]26

Институт крупн[ого] хозяй-
ства 1929⁶

Директор
Член коллегии
Завед[ующий] планово-
финанс[овым] бюро

Член коллегии

16. Привлекался ли к
ответственности по суду или
в административном порядке

Нет

17. Отношение к воинской
повинности: а) воинское
звание, род оружия или спе-
циальность; б) если освобо-
жден, то на каком основании

б) освобожден как
профессор

18. Когда арестован

21.VI.30

19. Кем арестован, по
чьему ордеру и № ордера

ОГПУ ордер № 4422
т. Малкиным

20. Где арестован а) губ.,
уезд, вол., село, гор., улица
и № дома; б) при каких
обстоятельствах арестован
(на своей квартире, в
засаде, на собран[ии] и пр.)

Г. Москва

На месте службы в
Зернотресте

21. Когда и кем допрошен

Пока не допрошен

22. Предъявлено ли обви-
нение и в чем именно

Пока не предъявлено

23. Место жительства
перед арестом

Николина Гора
Звенигородского уезда

Примечания заключенного: Арестован в самый разгар работ по
подведению годовых итогов работы Зернотреста и по глубокому моему
убеждению не давал повода для такой меры в отношении меня.

Подпись заключенного:

А. Чаянов

"21" Июня 1930 г.

«Вторая часть анкеты (заполняется администрацией места заклю-
чения) не заполнена.»

Показания А.В. Чаянова 5 августа 1930 года

Я, Александр Васильевич Чаянов, на допросе у начальника секрет-
ного отдела ОГПУ тов. Агранова показал следующее: приблизительно
около 1925/26 года под влиянием впечатлений от политической борь-
бы левых и правых элементов партии и той опасности, которую, с на-
шей точки зрения, представляла программа левой оппозиции, в кругах
ответственных работников советских учреждений явилось течение,
стремящееся в организованных формах поддержать правые элементы
партии и провести свою линию в развитии С.С.С.Р. Эти вопросы деба-
тировались в различных частных разговорах и в отношении с[ельско]-
х[озияйственных] кругов вылились в конце 1926 года в образование сна-
чала аморфного образования, которое впоследствии стало именоваться
Трудовой крестьянской партией.

В одном из собраний осени 1926 года дискутировался впервые во-
прос об внесении элементов организованности в частные групповые
собеседования и сложилась впервые та основная группа, которая впо-
следствии именовалась центральным комитетом, в составе Кондратьева,
Макарова, Рыбникова, А. Чаянова, Юровского, Садырина, Дояренко, Ли-
тошенко и других.

Группа эта считала, что при всем теоретическом разногласии, ко-
торые разделяли ее отдельных членов, она сможет нащупать общие ли-
нии политич[еской] мысли, которые смогут стать стержнем кристалли-
зации общественных сил, рассчитывая как на свою социальную базу
на широкие агрономические круги, работников наркоматов, кооперато-
ров и прочее. Несмотря на то, что моя сравнительно левая идеологи-
ческая неонародническая позиция резко расходилась с гораздо более
правыми устремлениями Кондратьева и Макарова, я считал возможным
поддерживать новое образование, полагая, что при возможных полити-
ческих сдвигах в стране оно сможет сыграть большое политическое и
общественное значение. При распреде//лении ролей, которое делалось
по преимуществу сообразно служебному положению каждого, я взял на
себя работу в Н[аучно]-и[сследовательском] и[нститу]те с[ельско]х[о-
зяйственной] экономии, стремясь в научном отношении подготовить
базу и обоснование для новых форм организации сельского хозяйства
на базе кооперативной организации крестьянских хозяйств, смыка-
ющихся с государств[енной] промышленностью (см. положения моей
книги "С[ельско]х[озияйственная] кооперация"⁷, в которой, естественно,
я не смог развить всех своих положений) и на подготовку научных
кадров, необходимых для работы нашей организации.

В общем и целом, несмотря на большие расхождения в деталях, мы
в качестве своей политической платформы полагали возможным, при

условии победы во внутривластной борьбе правого уклона, развить политическую организацию страны на базе замены диктатуры пролетариата системой политического строя, опирающегося на два класса — рабочих и крестьян и радикальной интеллигенции.

Загруженный работой и нахождением моей квартиры далеко от Москвы, я далеко не регулярно посещал заседания руководящей группы, но, помнится, что обсуждался даже вопрос об участии Крестьянской партии в правительстве и возможности контакта с правыми коммунистами.

Лично я считал эти разговоры в данной фазе развития политической жизни страны несерьезными, но ставку на правые группы В.К.П. полагал правильной.

Развитие политической жизни страны, однако, опрокинуло наши предположения, и страна, консолидируемая мощным руководством ЦК партии, вступила в фазу успешной социалистической реконструкции земледелия.

Лично для меня в 1928 году начало работы Зернотреста и знакомство с техникой механизированного земледелия заставило пересмотреть свои позиции о будущем страны. Я понял бесполезность сопротивления правильной политике партии и в декабре 1928 года решил порвать со старыми своими позициями.

Товарищи по партии в лице Макарова и Рыбникова специально приезжали отговаривать меня от этого шага, но для меня была ясна бесцельность сопротивления и правильность установок социалистической реконструкции. После статей "От классовой кооперации к социалистической реконструкции" и "О судьбе неонародничества"⁸ я идейно порвал с партией и всецело отдался строительству социалистического земледелия, результатом чего является моя книга "Организация крупного хозяйства эпохи социалистического земледелия", над которой я работал 1—1/2 года⁹. Однако личные связи с Макаровым и Рыбниковым мешали мне окончательно порвать со старыми товарищами.

«Подпись»

А. Чаянов

Показания А.В. Чаянова [8 августа 1930 года]

Я, Александр Васильевич Чаянов, на допросе у начальника секретного отдела ОГПУ тов. Я.С. Агранова показал нижеследующее:

1. Для того, чтобы точно понять природу политической программы и тактики так называемой Трудовой крестьянской партии, объединившей в своем составе большое количество людей, не имевших ни общей социально-классовой базы, ни даже общих идеологических основ своего мирозерцания, бывших неонародников, с-ров, кадетов и меньшеви-

ков, следует вдуматься в историческую обстановку ее образования и ее политический генезис.

По сути дела, Т.К.П. представляет собою в своей руководящей верхушке политическое течение не proletарской части командного состава советского аппарата, соприкасавшегося с сельским хозяйством, вызванное к жизни политической обстановкой 1925—[19]28 годов, когда борьба правых и левых уклонистов была ошибочно понята как кризис пролетарской диктатуры.

Кадры, составившие руководящие круги Т.К.П., в большей своей части были созданы как работники в эпоху революции, с революцией ничего не потеряли, были материально хорошо обставлены и принимали большое творческое участие в строительстве советского государства. Однако занимаемые ими высокие командные посты (члены ЦИК С.С.С.Р., члены правительства, руководители аппаратов и пр.) занимались ими по полномочию, предоставляемому им пролетарской партией в рамках партийного руководства. В обстановке же, создаваемой в 1925—[19]28 году, многим из них стало казаться, что они в ближайшее же время смогут вести свою работу самостоятельно, опираясь на реальные политические силы.

Общая политическая обстановка и политика правых уклонистов ошибочно воспринималась как сигнализация возможности серьезных политических сдвигов, и это обстоятельство заставляло крупных советских работников, стоящих в аппарате государства близко к власти, задуматься о происходящем и о том, что в известный исторический момент они могут оказаться не технической, а реальной политической силой.

Именно данным историческим моментом и данной политической обстановкой, а отнюдь не общностью идеологических позиций и социально-классовой базы и должно было объясняться движение Т.К.П. в сторону поисков своих организационных форм, установления программы и тактики.

Именно поэтому с ликвидацией этой исторической обстановки и решительной линией партии на социалистическую реконструкцию сельского хозяйства начало увядать и течение Т.К.П., и начался отход ее членов.

2. Глубокие идеологические различия и не меньшая разница в социально-классовой ориентации, имевшая место среди членов Т.К.П., естественно не позволяли в ее программных установках идти далее самых общих политических положений и создавать какую-либо детальную, точно расчлененную программу. При этой детализации, несомненно, сейчас же вскрылись бы крупнейшие разногласия. Поэтому, строго говоря, бесспорным было бы одно общее политическое положе-

ние, что государственный строй политически должен являться сотрудничеством двух основных классов — пролетариата и крестьянства + + радикальная интеллигенция и буржуазия. Для большинства руководящей группы конкретным выражением этой политической системы должна была являться буржуазно-демократическая республика + ряд элементов, являющихся, по мнению Т.К.П., несомненным достижением советского периода. Я лично считал, что эта же политическая система вполне спокойно может уместиться в рамки советской конституции, т. к. дело это заключалось не в формальных построениях, а в реальном соотношении политических сил. Впрочем, на своей точке зрения не настаивал, т. к. не придавал формальным государственным вопросам большого значения.

3. Тактика Т.К.П. в такой же степени, как и ее программа, и даже в еще большей, определялась не идеологическими установками, а всецело политической обстановкой каждого данного момента.

Считаю необходимым отметить, что тактика эта:

а) не была однородна в различных группах, входящих в Т.К.П., которая представляла собой в данной фазе развития достаточно аморфную массу;

б) исходила из ставки на внутрипартийный кризис и ориентировку на правых уклонистов, некоторые положения которых соприкасались с программными положениями, высказываемыми разными группами Т.К.П.

В общем и целом, если вдуматься в наши оценки внутрипартийной борьбы того времени, то нами ошибочно предполагалось, что историческое развитие В.К.П. пойдет не по пути консолидации, а по пути все расширяющейся дифференциации и правые группы партии в известный исторический момент (через 4-6 лет) в борьбе с левыми группами для своего усиления будут стремиться расширить свою социальную базу и в той или иной степени блокироваться с Т.К.П. как с наиболее советской из непролетарских общественных группировок С.С.С.Р., если, конечно, она будет представлять собою реальную политическую силу. Такова была основная мысль, если, конечно, в моем изложении нет апостериорной схематизации. Хотел бы сопоставить изложение с соответствующими показаниями Макарова и Юровского.

Во всяком случае, характерной чертой всех разговоров, которые я слушал и вел, была ставка на органический ход политической эволюции и боязнь кризисных форм, при которых Т.К.П., не имевшая никакого массового базиса, неизбежно сбрасывалась бы как таковая с политической арены, и место могло очищаться для ярко буржуазных и реакционно реставрационных группировок.

Отсюда отрицательное отношение к случаям крестьянских восста-

ний, которые:

1) при своей изолированности неизбежно должны были раздавлены;

2) неизбежно давали бы усиление левым течениям В.К.П.

Вопрос об отношении к крестьянским восстаниям, насколько помнится, усиленно обсуждался, и на некоторых из этих обсуждений я присутствовал.

Указывалось, что реальные результаты крестьянское восстание может иметь только при параллельном восстании пролетарском, что при малой вероятности угрожает к тому же, что историческое развитие пойдет совсем по другому руслу, чем это // было бы желательно Т.К.П. Это, впрочем, не исключает, что отдельные члены и группы, входящие в состав Т.К.П., могли держаться и иных взглядов на этот вопрос.

Сообразно всему сказанному, подводя итоги, можно сказать, что основными линиями тактики Т.К.П. в данной фазе развития было, как это мне представляется:

1). Содействие процессу дифференциации в пределах В.К.П., развившееся в составлении Кондратьевым, Макаровым и другими ряда записок и тезисов, передаваемых работавшими с ними представителями правого уклона и несомненно влиявших на эволюцию их политической мысли.

2). Содействие, в силу своего служебного положения, укреплению позиций индивидуального крестьянского хозяйства, что несомненно имело место в НКФине и НКЗеме, органах кооперации и системе [сельско]х[озяйственного] кредита.

3). [Содействие] консолидации и частичной подготовке кадров, стоящих или могущих стоять на политической и экономической платформе Т.К.П., говоря иначе, подготовка развертывания в массовую партию.

4). Распространение путем докладов и печати круга идей, объединяемых в составе Т.К.П. различных идеологических течений, говоря иначе, широкая пропаганда идеологического базиса Т.К.П.

5). По вопросу об аппарате Т.К.П. и ее разветвлениях я вряд ли располагаю достаточными сведениями для его исчерпывающего освещения. Всеми организационными вопросами в руководящей группе ведал Кондратьев и отчасти Макаров, и они могут дать гораздо более исчерпывающие показания.

В целях осторожности я всегда старался по возможности воздерживаться от соприкосновения с ее периферийными организациями. Однако мне как члену руководящего органа (ЦК) было известно, что очень мощная группа Т.К.П., руководимая Юровским и Кондратьевым, была в Наркомфине, где я одно время сотрудничал, заменяя Литовченко, уехавшего в Америку. Выдающееся значение имела группа Нар-

комзема и, в частности, Земплана (Макаров, Тейтель и др.). В ТСХА вели работу Дояренко и Фабрикант, опираясь на младший преподавательский персонал и студенческий молодежь. Цитаделью наиболее реакционных элементов Т.К.П. был МОСХ, при котором выходил и орган Т.К.П. "Вестник с[ельского] х[озяйства]".

Моя личная работа происходила главным образом в Институте с[ельско]х[озяйственной] экономики, где кроме меня работали по линии Т.К.П. Макаров, Кондратьев, Рыбников, Вайнштейн, Тумановский, Студенский, Строгий, Жиркович, Горещкий, Мальская, // Жданович, Чубаков и группа сотрудников, непосредственно работавших с Макаровым и Рыбниковым. Кроме того, влияние Т.К.П. распространялось и на более широкие слои беспартийных сотрудников, которые, однако, едва ли знали о существовании Т.К.П. как организации, но идеологически находились под сильным ее влиянием.

6). Работа Т.К.П. в Институте с[ельско]х[озяйственной] экономики выражалась в следующем:

а). В концентрации в составе аспирантуры беспартийного молодежь, могущего дать кадры будущих активных работников Т.К.П. Значительная часть молодых сотрудников, окруживших впоследствии Кондратьева, Макарова, Рыбникова, Литошенко и работавших со мной, прошла через аспирантуру института. Эта работа особенный размах имела в 1925 и 1926 году, когда аспирантура, идеологически близкая нам, насчитывалась десятками. После политической ревизии института, произведенной комиссией под председательством К.А. Попова¹⁰ в 1927 году и решительной политизации коллегии института, эта работа была сведена к минимуму и только частично удалось удержать ряд наших молодых сотоварищей, переведя некоторых из них из состава аспирантуры в состав постоянных или временных сотрудников института.

б). В идеологической подготовке этого молодежь, помимо личных бесед, огромную роль играли семинары Кондратьева, Макарова и мои эпизодические беседы, в которых помимо формальных аспирантов принимали участие и посторонние институту люди по приглашению руководителей.

в). Совершенно исключительную роль для консолидации буржуазной и мелкобуржуазной теории и идеологии [играли] продолжавшиеся до осени 1928 года пленумы института, где с докладами на основные темы с[ельско]х[озяйственной] экономики и политики выступали кроме меня Кондратьев, Макаров, Челинцев, Юровский, Вайнштейн, П.П. Маслов, Н. Суханов, П. Садырин и др. Собрания были открытые и, несмотря на присутствие на них коммунистов и их критики наших положений, эти собрания, *проходившие под моим руководством*, являлись глав-

нейшей трибуной для теоретической разработки и пропаганды нашей идеологии и не могли, конечно, не отразиться на искривлении идеологии нашей коммунистической молодежи.

а. 10 об.

д). Для подготовки кадров и, в еще большей степени, для выковывания научной базы для работы Т.К.П. огромное значение имели обширные научные работы института, тематика которых только в конце 1928 года была обращена в основе на социалистический сектор, а до этого времени почти исключительно шла по линии изучения крестьянских индивидуальных хозяйств и с[ельско]х[озяйственных] проблем с точки зрения крестьянского хозяйства (работы Макарова по кредиту, работы Челинцева и Рыбникова по районированию и пр.). Хотя мое личное исследовательское руководство экспедициями и коллективными работами опиралось по преимуществу на коммунистический молодежь (Анисимов, Верменичев и Наумов — по льну, Сулковский и Рудакова — по подсолнуху, Олеванов — по молоку и Шуваев — по динамике деревни и т.д.), но тематика и моя текстовая разработка до 1928, если я ее делал сам, мало отличалась от работ Челинцева, Макарова и Рыбникова. (Считаю себя вправе упомянуть, что методического давления на коммунист[ический] молодежь я не производил, о чем могут свидетельствовать отзывы о характере моего руководства и предисловия к их книгам (лен — Анисимов, Верм[еничев] и Наумов и подсолнух — Сулковский, оба изд[ания издательства] "Новый агроном", и моя книга "Бюджетные исследования")¹¹.

Главными работами ин[ститу]та, которые обосновывали программу Т.К.П., [были:]

а). Работы по оптимальным размерам, доказывающие невозможность крупного хозяйства в земледелии — центральное теоретическое утверждение, от которого я окончательно отказался только в 1929 году.

б). Обширные работы по вопросам себестоимости с[ельско]х[озяйственных] продуктов. Мои — по льну, хлопку, сахарной свекле, Макарова — по зерновым хлебам, огороду, молочному хозяйству, имевшие, помимо прочего, своей задачей дать научное обоснование борьбе за восстановительные цены¹², для чего мною был выдвинут метод оценки труда по себестоимости его воспроизводства, впоследствии широко применявшийся Литошенко в ЦСУ.

в). Широкое издательство книг, развертывающих мелкобуржуазную и буржуазную точки зрения, как оригинальных, так равно и переводных (работы Лаура, Норса, Крцимовского, Бринкмана и др.), дающих обоснование идеологии Т.К.П.

д). В связи с моей институтской работой считаю необходимым особенно остановиться на моей работе по международному развертыванию нашей мелкобуржуазной идеологии и работе по установлению связи со

а 11 всеми научными центрами мира, идеологически стоящими на // мелкобуржуазных позициях, что производилось мною в 1925, [19]26, [19]27 и [19]28 годах, опираясь на институтский аппарат.

За эти и прежние годы я напечатал за границей отдельными книгами:

В Германии у Р. Раргеу:

1. Теорию крестьян[ского] х[озяйства]ва в неонарод[ническом] варианте, 1923.
2. Общественную агрономию, 1924.
3. С[ельское] х[озяйство] Советского Союза, 1926.
4. Оптимальные размеры, 1930¹³.

В Японии, в Киото:

1. Теорию крест[ьянского] х[озяйств]ва, 1926.
2. Обществ[енную] агрономию, 1930¹⁴.

В Америке, Франции, Италии, Германии и Японии — ряд статей с изложением своих и товарищей по Т.К.П мелкобуржуазных теорий, что дало международный разворот нашей идеологической работе. Кроме меня в иностранной печати, в еще более реакционном аспекте, выступали Студенский, Кондратьев, Жиркович и Вайнштейн.

Считаю себя вправе отметить, что в своих заграничных изданиях 1930 года я ясно отразил свой переход на линию социалистического земледелия.

Помимо печати я опирался на институтский аппарат более чем с 50 заграничными научно-идеологическими центрами, выражающими идеологию, близкую идеологии Т.К.П. Моя переписка не носила, конечно, политического характера, но мною [был] достигнут идеологический контакт с Лауром в Швейцарии, Larsen'ом в Дании, Зерингом, Цернером, Аеребоэ и др. в Германии, Borgedal'ем в Норвегии, Vogel'ем в Австрии, Brdlik'ом в Чехословакии, Nitier во Франции, Serpieri в Италии, Backer'ом, Worren'ом, Holmes'ом, Black'ом в САСШ, Arano в Аргентине, Танахаши в Японии и др.

Все это ученые и профессора, но, в то же время, это и идеологи крестьянского движения своих стран.

Эта переписка была мною заброшена только в 1929 году. Наконец, должен указать, что во время моих заграничных поездок мною путем личных свиданий был установлен прочный идеологический контакт с группой Лаура в Швейцарии, с лидером французской крестьянской кооперации Оже-Лариб[ом] в Париже и многими эстонскими кооператорами и агрономами (проф. Корр, Lindenmann, Rosfeld и др.) во время чтения мною курса организации хозяйства в Юрьевском (Дерптском) университете в 1928 году. Все это вместе взятое в моем лице давало

а 11 об. Т.К.П. связь с идеологическими и научными центрами мелкобуржуазного // направления всего мира в буквальном смысле этого слова.

7). Т.К.П., производя консолидацию общественных сил, могущих стоять на ее платформе в сельском хозяйстве, естественно стремилась получить поддержку и в других общественных группировках, создающихся в условиях изложенной мною в первых параграфах исторической обстановки в разных участках жизни С.С.С.Р.

Сообразно этому Кондратьев вел переговоры с Пальчинским, группой Громана¹⁵, Базаровым, Сухановым и др.

На меня же было возложено войти в контакт с инженерно-промышленными кругами. Во исполнение этого поручения я в 1927 и весной 1928 года (зимой 1927/28[-го] я три месяца был за границей) вел переговоры и был на нескольких собраниях инженерно-промышленных кругов в целях точного выявления их политических и экономических устремлений.

Из лиц, ведших со мной переговоры и выступавших на собраниях, я помню фамилии Рамзина, Хренникова, Ларичева и Рабиновича. Однако, как я и доказывал моим товарищам, эти переговоры привели к убеждению о невозможности для Т.К.П. организационного объединения с Инженерно-промышленным центром¹⁶, т.к. инженеры и пром[ышленные] специалисты, выражая собою совершенно иные классовые группы, имели устремления, совершенно противоположные программе и тактике, изложенной мною в параграфах 2 и 3.

А именно:

1. Они ставили своей задачей полную реставрацию капиталистического общества с хозяйственной и политической диктатурой крупного капитала, в то время как Т.К.П. учитывала опыт революции и считала целесообразным сохранение ряда элементов нашего социалистического сектора на основах крупного государственного хозяйства.

2. В области сельскохозяйственных установок промышленные деятели брали определенную линию только на кулацкие хозяйства фермерского типа и полное развитие капиталистических отношений в деревне.

а 12 Говоря иначе, в основу угла ставились товарные капиталистические и полукапиталистические хозяйства, могущие обеспечить капиталистическую промышленность дешевым сырьем и весьма емким внутренним рынком. Бедняцкие и значительная часть середняцких хозяйств мыслились ими как источник батрацких кадров полукапиталистического земледелия.

Все это совершенно противоречило не только моим неонародническим установкам, но и точкам зрения более правых кругов Т.К.П., для которых середняцкое крестьянство и бедняцкие слои, кооперативно ор-

ганизованные, имели самодовлеющее значение и не могли рассматриваться как быдло для капиталистической эксплуатации.

3. Реставрация мыслилась Инженерно-промышленным центром на основе содействия международных капиталистических организаций до интервенции включительно и последующего сращивания русских капиталистических элементов с международными. Все сие было неприемлемо для Т.К.П. уже по одному тому, что реализация этой реставрации неминуемо сбрасывала Т.К.П. с политической арены.

4. Во всяком случае, Инженерно-промышленный центр в своих политических прогнозах делал ставку исключительно на кризисные формы и решительный разрыв с советским периодом, считал вредительство и последующую интервенцию желательными формами борьбы в момент резкого народно-хозяйственного кризиса, который приурочивался ими к 1929/30 году. Все сие не уместилось в рамки наших установок, изложенных мною в параграфах 2 и 3.

5. Вообще оставалось впечатление, что промышленные круги в своих планах рассматривают Т.К.П. только как один из возможных факторов кризисной формы реставрации, совершенно не интересуясь ее положительными задачами, что не способствовало росту наших симпатий к этой организации.

Все вышеизложенное последовательно и исчерпывающе передавалось мною моим товарищам, и я бы очень просил сопоставить изложенное с их показаниями, // так как я в своем изложении мог что-либо пропустить и схематизировать.

Во всяком случае, общее отношение ЦК Т.К.П. к результатам информации было резко отрицательное, и вопрос о каком-либо организационном объединении отпал, и было признано целесообразным ограничиваться только информационным контактом.

Впоследствии для связи с промышленными кругами была организована контактная пятерка, куда я не входил, но и в этой пятерке контакт не налажился.

Неприемлемость программы и тактики промышленных кругов настолько резко ощущалась, что когда обсуждался вопрос о возможных кандидатурах в будущее правительство, то кандидатура Хренникова, бывшего явным выразителем изложенной концепции, была решительно отведена.

Гораздо больший результат имели переговоры Кондратьева с группой Громана.

Инженерно-промышленные круги были организованы в Инженерно-промышленный центр, который существовал под видом клуба горных деятелей, официально (негласно) именовался Советом инженерных организаций. В состав этого совета входили представители метал-

лургической, текстильной, военной, горной промышленности и транспорта. В состав этого совета входили Пальчинский, Хренников, Рабинович, Рамзин, Ларичев, профессор Чарновский, Красовский, Михилло, Стрижев (кажется), Федотов.

Количество присутствующих на заседании этого совета бывало различным, бывало 6-10, а иногда и более человек. Председательствовали различные лица. Наиболее яркой фигурой, как мне казалось, из них был Хренников. Лидером этой организации был Пальчинский. Заседания этого совета обычно происходили в клубе горных деятелей, который являлся ширмой для этой организации. Один раз помню заседание на частной квартире, кажется, на Мясницкой.

На одном из заседаний инженерного совета в 1927 год Рамзин (кажется) огласил декларацию, которая содержала в себе платформу // этой организации, основные положения которой были следующие: задачи были поставлены следующие: в военной промышленности — понижение боеспособности страны, в транспорте — понижение сроков ремонта и понижение пропускной способности дорог, в других — точно не помню, но главное — несоответствие темпов разных отраслей, приводившее к общему кризису, который ожидался к началу 1930 года.

Основной задачей было стимулирование через свои организации этого несоответствия с целью срыва промышленности. Предполагалось, что обстановка всей хозяйственной жизни совпала с моментом возможной интервенции. На этом заседании присутствовало около 10 человек, декларация не обсуждалась. Название, если мне не изменяет память, "Ко всем русским гражданам" (?) и подписана, кажется, "Совет инженерных организаций".

О содержании этой декларации я сообщил ЦК Т.К.П. в лице Кондратьева, Юровского, Макарова и др.

На одном из заседаний этого совета был намечен состав будущего правительства в составе: Пальчинского — в качестве премьера, Хренникова — на пост министра торговли и промышленности, на пост министра земледелия — Макаров, на пост министра иностранных дел — кого-либо из крупных эмигрантов, на пост военного министра — кого-то из эмигрантов, Макалов — министр внутренних дел. Военный диктатор после переворота должен был быть Пальчинский.

Насколько я знаю, Инженерно-промышленный центр имел связь с торгово-промышленным комитетом в Париже и получал оттуда средства для своей работы.

В Совете инженерных организаций, как мне передавали, имелась связь с правительственными капиталистическими кругами Франции и Польши и консервативными кругами Англии.

Заседания Совета инженерных организаций я перестал посещать осенью 1928 г.

«Подпись»

А. Чаянов
Допросил Я. Агранов
8 августа 1930 года, Москва

А. 28

Дополнительные показания А.В. Чаянова 12 / VII [1930 г.]

Я, А.В. Чаянов, дал на допросе начальника секретного отдела ОГПУ тов. Я.С. Агранова следующие показания.

В дополнение к моим беглым показаниям в конце дневного допроса 8. VIII. [19]30 года настоящим вношу следующие сообщения и исправления:

1). В конце 1926 года я из разговоров с Рамзиным и Рабиновичем узнал о политической консолидации инженерства в разных отраслях промышленности и однажды был приглашен Рабиновичем на заседание одной из групп, которое происходило во внеслужебное время, если память мне не изменяет, в одном из помещений Госплана Р.С.Ф.С.Р. под видом какого-то заседания. Обсуждались политические настроения инженерства. Точно состава не помню.

Так как к этому времени уже оформился ЦК Т.К.П., то я сообщил товарищам об этом заседании, и они сочли чрезвычайно важным поддерживать эту связь от имени Т.К.П., ни в коем случае не выходя из роли информатора, и поручили возможно точнее выяснить политическую физиономию этой организации.

А. 28 об.

В начале 1927 года, встретив Рамзина, я сообщил ему о возложенном на меня поручении держать с ними информационный контакт от имени Т.К.П. и просил его привлекать меня на заседания, имеющие принципиальный характер. После этого до лета, которое я провел вне Москвы, я два раза был на заседаниях Инж[енерно]-пром[ышленного] центра. Такое же количество раз примерно я был осенью. Около трех зимних месяцев 1927/28 года я пробыл за границей и только к весне начал по настоятельному требованию ЦК Т.К.П. снова возобновлять свои посещения, предпочитая получать информацию от отдельных членов. Однако, ввиду явного несоответствия духа инженерной организации моим убеждениям и позициям Т.К.П. эти посещения становились для меня все тягостней и тягостней. К лету 1928 года у меня уже наметился разрыв со старыми моими позициями в области сельского хозяйства и связь с Инж[енерно]-пром[ышленным] центром подавляла меня все более и более, и я вздохнул облегченно, когда в середине 1928 года для связи с И[нженерно]-пр[омышленным] центром была образована пятерка, куда вместо меня от Т.К.П. вошли Макаров и Кондратьев, т. к.

товарищи поняли психическую невозможность для меня продолжать эту связь, не вяжущуюся с моими убеждениями вообще и их переломом в частности. В новом объединенном контактном центре помимо наших делегатов был, как докладывал Макаров, Громан и два представителя промышленного центра, точно не помню какие (Хренников? Базаров? Черновский? или кто-то другой?). Может дать показания Макаров или Кондратьев.

О самом Инженерно-промышленном центре и его структуре дополнительно могу показать следующее:

а). Название. В наших заседаниях мы называли [его] Инж[енерно]-пром[ышленный] центр. Сами его члены в простом обиходе называли его "Клуб", "совет". Формально как будто бы его называли Совет инженерных организаций. Смутно припоминаю разговоры о необходимости дать ему более ударное в политическом отношении название, но не помню, составлялось ли это наименование.

б). Состав. Каких-либо списков или явочных листов на заседании я не видел, думаю, что их не было. Поэтому судить о представленных отраслях могу только по воспоминаниям о выступлениях от имени той или иной отрасли. Бесспорно были представлены транспорт (Красавина), текстиль (Федотов?), металлургия, военная промышленность, теплотехническая промышленность (Рамзин), горная промышленность, нефтяники (С...)¹. К персональному составу сообщить против предыдущего протокола ничего не могу.

с). Характер организации, по моим воспоминаниям, постепенно изменялся: в начале это было нечто вроде контактного бюро различных групп. С течением времени все более и более начали преобладать политические и даже операционные тенденции и формы. Об окончательной форме организации, я думаю, гораздо больше могут сообщить наши делегаты в объединенный центр Кондратьев и Макаров. Во всяком случае, если ее можно считать политической партией, то не в обычном смысле этого слова. Не политическая мысль или идея были ее стержнем, а конкретная политическая цель — это был боевой орган остатков буржуазии.

д). Исполнительный орган назывался Исполнительным бюро, т. к. я всегда слышал выражение "сдать в бюро", "получить в бюро". Полного состава его я не знаю, т. к. при мне оно не избиралось, да я вообще думаю, что он как операционный орган был, в конечном итоге, законспирирован от Совета в целом, во всяком случае от тех пленарных его составов, на которых мне приходилось бывать. Думаю, что руководителем его был Пальчинский, и что к нему имели отношение Хренников, Рабинович и Рамзин, т. к. они выступали с общими сообщениями и принимали поручения бюро, и выступали в переговорах со мною в качестве

официальных лиц.

л. 29

Через них же я впервые попал на заседание, и никто кроме членов бюро ввести меня туда, естественно, не мог. Роль остальных, помимо участия в заседаниях, сводилась к сношению с группами инженерства.

Председательствовали разные лица. Как раз я не помню, чтоб Рабинович или Рамзин вели собрания. Председательствовал и Пальчинский.

е). Протоколы на заседаниях не велись. Возможно, что они составлялись после бюро.

ф). Заседания велись или "в клубе", или на частных квартирах. Под термином "клуб" подразумевалось какое-либо общественное место в центре города в вечерние часы. Помимо заседаний в ВСНХ, в Госплане, в помещении какого-то НТС под Политехническим музеем. Часто были какие-нибудь фиктивные повестки. Говорилось о действительном устройстве настоящего Клуба горных деятелей с легальным уставом, которое будто бы проводили. Было одно заседание, где-то вроде клуба, туда привел меня зашедший Рабинович, но это был клуб какого-то учреждения. Заседания на квартирах помню на Мясницкой (?), кажется, куда привел меня, кажется, тот же Рабинович или Рамзин. Разговоры с Рамзиным у меня бывали в ЦеКУБУ в столовой.

2). Доклады и прения на собраниях, на которых я был, а я просил меня вызывать только на собрания, где обсуждались общие принципиальные вопросы, и вообще предпочитал выяснять позиции И[нженерно]-п[ромышленного] центра путем частных переговоров, носили далеко не одинаковый характер в разное время. Весной 1927 года обсуждалось, по преимуществу, положение инженерства, гонения на него, отстаивание его позиций и отношение к планированию и его задачам. Вернувшись осенью, я уже застал по преимуществу обсуждение политических вопросов о формах борьбы, о формах будущего устройства, что мною и было изложено в разделе 7 предыдущего показания в систематизированном виде. Тогда же оглашалась и та декларация, о которой я говорил в предыдущем показании. Должен, однако, внести поправки в свою запись. Уточняя свои воспоминания, я полагаю, что это была не декларация, а скорее основные руководящие указания инженерным организациям.

л. 29 об.

Насколько помнится, // и сам заголовок этого документа, который был размножен в очень ограниченном количестве экземпляров и передавался из рук в руки во время чтения его, был так отредактирован и подписан "Совет инженерных организаций". Документ содержал в себе общий анализ хозяйственного и политического положения страны, указывал на неизбежность кризиса, устанавливая основу реставрации капиталистического общества, говорил о задачах инженерства, возможных формах содействия с его стороны этой рестав-

рации путем создания кризиса. На том заседании, где я был, он не обсуждался и не голосовался, возможно, что это было на других заседаниях после моего отъезда за границу. Для меня он был основой для окончательного выяснения лица И[нженерно]-п[ромышленного] центра, моего доклада о нем товарищам по ЦК Т.К.П. и установления ими невозможности организационного объединения.

Весной 1928 года работа И[нженерно]-п[ромышленного] Ц[ентра] приняла уже политический операционный характер, и я стал всячески избегать его посещения, и делал это раз или два под нажимом ЦК Т.К.П., пока меня не освободили от этого. Обсуждались вопросы создания кризиса, шансов интервенции, задачи по отдельным отраслям промышленности. Не помню, чтобы обсуждалась на самих собраниях операционная сторона дела, думаю, что она была законспирирована в бюро. Полагаю, что показания по этому поводу может дать Н.Д. Кондратьев, т.к. не мне, а ему, как ведущему операционную работу Т.К.П., были поручены сношения с Пальчинским по конкретным вопросам.

О том, какие формы приняла работа И[нженерно]-п[ромышленного] центра после лета 1928 года, у меня никаких сведений нет, и показания об этом могут дать Макаров и Кондратьев, как члены объединенного центра.

3) Разговоры о составе будущего правительства в И[нженерно]-п[ромышленном] центре велись скорее в кулуарах и попутно, т.к. я не помню, чтобы на собраниях, где я был, оглашался и принимался какой-либо список. Да и вообще, поскольку момент кризиса и переворота намечался на 1930 год, то и составление такого списка не могло иметь актуального значения. Поэтому я могу установить только один факт — что этот вопрос обсуждался. Думается, что при его обсуждении имелось в виду нечто вроде персонализации тех общественных групп, которые могут после переворота составить коалицию. Поэтому у меня не сохранилось в памяти большого количества имен. Часто обозначалось, что, например, министром народного просвещения будет кто-нибудь из академиков, по труду — придется привлечь "меньшевика" и т.д. Говоря иначе, это была наметка, а не список и фаза развития вообще не делала вопрос актуальным.

л. 30

4) Приход будущего правительства к власти, как я уже упоминал в своих предыдущих показаниях, мыслился И[нженерно]-п[ромышленным] центром исключительно в кризисных формах.

Предполагалось, что ошибки в экономической политике советской власти, усиливаемые вредительством, приведут к резкому народнохозяйственному кризису и анархии в стране, что неизбежно вызовет интервенцию. Обсуждая последнюю, рассчитывали на Францию и Польшу, возлагали надежду на английских консерваторов.

Были ли для того реальные основания в виде переговоров или нет, судить не берусь. Думаю, что по этому вопросу, а равно по вопросам о средствах, получаемых от Торг[ово]-пром[ышленного] союза¹⁸, и наличии какой-либо военной организации за показаниями следует обратиться к Кондратьеву, т.к. он по оперативным вопросам вел переговоры с Пальчинским и, может быть, касался этих вопросов. Мне по этим вопросам ничего конкретного не известно.

«Подпись»

9. VIII. [19]30

А. Чаянов

В дополнение к вышеизложенному показываю, что при обсуждении вопросов, связанных с письмом инженерным органам, говорилось относительно возможности снижения боеспособности страны путем технических упущений при изготовлении взрывчатых веществ и не той калибровки отдельных видов орудий. На одном из заседаний Совета Красовский докладывал о состоянии транспорта и говорил, что затруднения на нем могут быть вызваны какими-то мероприятиями в сфере оборота вагонов, недосылки каких-то ремонтных частей и назначения на ответственные посты явно неподготовленных работников и о том, что надо съездить в узловые пункты, связанные с ж[елезнодорожным] хозяйством (кажется, Харьков? или Ленинград?). Принятые по этому вопросу решения мне не известны, так как я ушел до конца заседания.

А. 30 об.

На заседаниях Совета инженерных организаций обсуждался вопрос о продовольствии в условиях кризиса, вызванного анархией, разрушением народного хозяйства и указывалось, что продовольственные затруднения могут вызвать волнения в городах.

«Подпись»

9. VIII. [19]30

А. Чаянов

Допросил Я. Агранов

А. 37

Показания Чаянова А.В. от 12/VIII [19]30 года

Я, А.В. Чаянов, на допросе у начальника секретного отдела ОГПУ Я.С. Агранова показал нижеследующее.

Я участвовал по поручению ЦК Т.К.П. в нижеследующих собраниях Совета инженерных организаций:

Весна 1927 год.

И собрание, присутствовали около 5 человек, в т.ч. Рамзин, Федотов и Рабинович, происходило в каком-то НТС под Политехническим музеем. Мною была изложена информация о Т.К.П., охарактеризован ее состав и основные отправные точки зрения на переживаемый полити-

ческий момент и программные положения. Я отвечал на вопросы, и был общий обмен мнениями как о положении специалистов, так и об общих политических установках.

II собрание примерно в том же составе на квартире на Мясницкой. Мне была изложена основная точка зрения И[нженерно]-промышленного ц[ентра] на пути развития народнохозяйственного кризиса, на неизбежность краха и основные положения И[нженерно]-промышленного ц[ентра] относительно реставрации капиталистического строя. После моих критических замечаний, соответствующих примерно изложенному мною в показании от 8.VII.[19]30, последовал продолжительный общий разговор, но какого-либо общего базиса нащупано не было.

Осень 1927 года.

I собрание. Присутствовало около 10 человек, в т.ч. Хренников, Федотов, Рамзин, Рабинович и др. в клубе какого-то учреждения в Китай-городе.

Обсуждался программный вопрос о соотношении промышленности и сельского хозяйства. Вводное сообщение сделал Федотов. Из его положения вытекало, что для того, чтобы сельское хозяйство могло стать действительно прочной базой для промышленности, оно должно совершенно перестроиться в социальном отношении с форм нашего мелкого крестьянского хозяйства в формы европейского и американского земледелия. Только в этом случае оно может стать источником сырья и дать надлежащий по емкости внутренний рынок.

Большинство высказывавшихся всецело разделяли точку зрения докладчика, и изложенные мною позиции Т.К.П. успеха не имели.

А. 37 об.

Осень 1927 года.

II собрание.

Присутствовало 6 человек, в т.ч. Рабинович, Рамзин. Собрание имело целью установить возможность согласования программных положений обеих организаций и созывалось по поручению ЦК Т.К.П. После моего доклада в этом последнем о позициях Инженерно-промышленного центра, обсуждение охватило почти все вопросы, изложенные мною в показании от 7.VIII.[19]30, и уже отчасти дебатировавшиеся весной 1927 года на наших первых встречах. В результате оказалось возможным уточнить разногласия, доложенные мною ЦК Т.К.П.

III собрание в ВСНХ.

Собрание было самое большое из всех мною виденных, было около 15 человек, в том числе почти все перечисленные мною в показаниях 8.VIII.[19]30, т.е., если память не изменяет, Ларичев, Хренников, Рамзин, Рабинович, Федотов. Председательствовал и делал выступление Пальчинский. Предметом обсуждения была роль специалиста и инже-

нера, в частности, в политической жизни, развитии кризиса в стране и его программные положения. Указывалась неизбежность кризиса в народном хозяйстве и вытекающего политического кризиса, неизбежность реставрации капиталистического строя, необходимость политической активизации инженерства и пересмотра его позиций; говорилось о возможности усиления кризиса путем вредительства, приводились примеры такой возможности. Мнения были неоднородны. Одни находили, что инженерство не может сыграть большой роли, другие указывали на очень большие возможности. В конце заседания Рамзин, кажется, огласил проект письма об основных руководящих положениях для инженерных организаций, который, однако, не обсуждался.

Весна 1928 года.

I собрание в Госплане.

Присутствовало около 12 человек, в т.ч. Ларичев, Рабинович, Хренников, Красовский. Собрание было посвящено обзору состояния отдельных // отраслей народного хозяйства, а именно, рассматривало положение в транспорте. Доклад делал Красовский. Ввиду полной моей некомпетенции в технических вопросах транспорта я затрудняюсь точно передать его содержание: говорилось об изношенности путей, сроках разгрузки и, как возможные формы усиления кризиса транспорта, указывалось на какие-то маневры с оборотом вагонов, нарушении стандарта ремонтных частей и о назначении малоподготовленного персонала. Говорилось о поездках куда-то (Харьков? Ленинград?). Доклад был скорее информационного характера, так как о постановлениях я не помню, хотя возможно, что я ушел раньше его окончания.

II собрание в ВСНХ.

Присутствовало около 10-12 человек, примерно того же состава, как и первое собрание в ВСНХ. Руководил, если не ошибаюсь, Хренников. Обсуждался вопрос о вероятном сроке кризиса и процессах, которые будут его сопровождать. Указывалось на возможность продовольственных затруднений в городах как первый срок кризиса. На полное расстройство хозяйственной жизни и неизбежно вытекающую из этого расстройству анархию. На волнения в деревне и городе, возможность присоединения к ним красноармейских частей. О возможности интервенции со стороны Франции и Польши. О необходимости заранее подготовить правительственную коалицию. Намечались те политические группы и лица, которые могут быть к этой коалиции привлечены. Сроком этого кризиса намечалось начало 1930 года.

В конце лета или начале осени 1928 года был установлен объединенный центр в составе Кондратьева, Громана, Макарова и двух [человек] от Инж[енерно]-пр[омышленного] центра, и я устранился от всякого контакта с последними, имея последнее свидание с Рамзиным в сто-

ловой ЦеКУБУ. Так как о всех собраниях я докладывал ЦК Т.К.П., то желательно проверить настоящее изложение по их показаниям.

<Подпись>

А. Чаянов

Допросил Я. Агранов

12 / VIII [19]30 года

<Протокол допроса А.В. Чаянова 14 августа 1930 г.>

Я, А.В. Чаянов, на допросе начальника секретного отдела ОГПУ Я.С. Агранова показал нижеследующее:

1) В дополнение к своим показаниям о Совете инженерных организаций настоящим сообщаю, что в период 1927—[19]28 годов, как я уже указывал, организация эта не могла рассматриваться, как обычная политическая партия, имеющая своим стержнем какую-либо точно формулированную в виде положительной программы политическую идею. Это был боевой орган остатков буржуазии, однако, ввиду однородности классового состава его членов, Совет инженерных организаций несомненно мог являться исходной ячейкой для развертывания настоящей политичес[кой] партии.

О том, насколько это осознавалось его членами, в полной мере судить не берусь, но, напрягая свою память, я вспоминаю дебаты и разговоры, например, в заседаниях в ВСНХ или про попытки осенью 1927 года нащупать базис контакта С[овета] и[нженерных] о[рганизаций] и ЦК Т.К.П. (см. заседание № 4 предыдущего показания). Можно полагать, что эта идея — придать С[овету] и[нженерных] о[рганизаций] характер политической партии в зачаточном состоянии имела место.

По вопросу о том, какое более удачное название следует придать Совету инж[енерных] организаций несмотря на все усилия ничего вспомнить не мог.

На собрании в ВСНХ, о котором я писал в предыдущем показании, присутствовали между другими следующие лица: Хренников, Федотов, Рамзин, Рабинович, Куприянов(?), Ларичев, Чарновский(?). Всех этих лиц, кроме Куприянова и Чарновского, я твердо знаю как участников собрания. Фамилии же Куприянова и Чарновского мне назывались, но определенно вспомнить не могу.

2) Переходя к вопросам, освещающим деятельность ЦК Т.К.П., я должен отметить, что опираюсь на обсуждения, имевшие место как на собраниях самого ЦК Т.К.П., так равно и на отдельные разговоры на те же темы с отдельными его членами по преимуществу с Н.П. Макаровым и отчасти А.А. Рыбниковым, с которыми я поддерживал наиболее близкие по нашей общей работе связи.

Что же касается заседаний ЦК Т.К.П., то они происходили в Зем-

плане, Наркомфине и Институте с[ельско]х[озяйственной] экономики, на квартирах Кондратьева и Рыбникова, помню одно заседание у меня на дому. Собрания были малорегулярными и имели весьма переменный состав. Наиболее часто я встречал на заседаниях Кондратьева, Макарова, Юровского, реже Дояренко, Садырина и Рыбникова. Что же касается Литошенко, то, хотя я и показал в предыдущих своих показаниях вхождение его в состав ЦК Т.К.П., но видел его на заседаниях крайне редко.

Спорадически на заседаниях или просто встречах данного состава бывали Жиркович и другие случайные люди.

л. 43 об.

3) Из заседаний, обсуждавших возможный состав будущего правительства, я помню одно, на котором обсуждалась предложенная Советом инженерных организаций кандидатура Хренникова на пост министра промышленности. Кандидатура эта была отклонена, т.к. программа Хренникова и всей группы инженеров стояла в резком противоречии с программой Т.К.П. Был выдвинут Кафенгауз. Далее обсуждалась кандидатура на пост министра земледелия; ввиду того, что Кондратьев намечался на общую руководящую работу, предложена была кандидатура Н.П. Макарова, как человека во всех деталях на многолетней практике знавшего аппарат ведомства земледелия.

Так как я, согласно моей концепции, изложенной в моем обширном показании, кажется, от 7.VIII.[19]30, считал разговоры о составе будущего правительства, ввиду отдаленной их реализации, мало интересными, а потому-то не очень интересовался этими списками. Как будто фигурировали там и Юровский, и Садырин, и члены группы Громана, но кто именно и в каком качестве, воспроизвести не сумею. Согласно моей концепции, единственный возможный путь Т.К.П. к власти была дифференциация В.К.П. и привлечение кого-либо из нас в наркомы или замнаркомы, да и то года через 4 от [19]27 года, когда эти вопросы дебатировались и при условии дифференциации неконсолидационного типа развития самой В.К.П.

4) Вопрос об отношении к восстаниям крестьян обсуждался не раз на заседаниях ЦК Т.К.П., и я в одном из своих предыдущих показаний уже указывал, что ЦК неуклонно держался отрицательного отношения к восстанию, причем мною изложены были и весьма веские политические и тактические основания для этого отрицательного отношения. Правда, Н.Д. Кондратьев докладывал, что в некоторых периферийных ячейках члены Т.К.П. не придерживаются тех же точек зрения, полагая, что стихийные восстания, не являясь средством борьбы, являются выражением сопротивляемости крестьянских масс. Однако, должен засвидетельствовать, что Н.Д. Кондратьев всегда проявлял свое отрицательное отношение к этим точкам зрения, т.к. мы полагали, что они

усиливают левый уклон В.К.П., безрезультатно вызывают огромное количество жертв и срывают возможность развертывания идеологической работы, которую мы вели.

Кроме того, как я уже указывал, Т.К.П. при кризисном развитии эволюции неизбежно сбрасывалась с исторической арены.

5). Переходя к изложению программных вопросов, которых я касался в их основе в показаниях от 7.VIII.[19]30 года, я еще раз должен отметить, // что Т.К.П., представлявшая по своему составу соединение самых разнообразных идеологических течений от неонародничества до с-ров и к-д-тов, не могла иметь детально разработанной программы, общезначимой для всех его членов. В пределах близких мне экономических и с[ельско]х[озяйственных] вопросов главенствующей точкой зрения, пользующейся широким распространением в кругах с[ельско]х[озяйственной] интеллигенции, была позиция Кондратьева, поскольку, смягчаемая Макаровым, значительно более лев[ой была] позиция Челинцева, к которому в ряде вопросов примыкал и я. Были и совсем правые установки.

Если брать среднюю равнодействующую, то получится примерно следующая позиция по основным вопросам:

а). Основные принципы экономической политики исходили из принципа сохранения и в будущем ряда основ советской экономической системы — системы государственного кредита, основных видов крупной госпромышленности, кооперации, как основного товаропроводящего аппарата, словом, всех важнейших командных высот экономической жизни. Однако, параллельно предполагалась возможность развязывания частной инициативы, контролируемой государством, экономическими факторами, но не подавляемой "внеэкономическим принуждением". Вся экономическая система, (крестьянская) политика в частности) в целом должна была строиться на максимальной стимуляции напряжения производительных усилий, как организационными мерами, так и стимуляцией частного интереса.

б). Отношение к классовым группировкам деревни. В этом вопросе существовал целый спектр различных точек зрения (некоторое отражение его см. в печати протоколов диспута о дифференциации крестьянской хозяйства в И[нститу]те с[ельско]х[озяйственной] экономики).

В основе считалось, что зажиточная часть деревни (не кулаки ростовщического типа, а хозяйств[енная] верхушка) в значительной своей части является не столько элементом зарождающегося капитализма, сколько отбором наиболее активных индивидов. Поэтому, подавляя кооперативной работой их капиталистическую экспансию, мы не должны их сбрасывать со счетов с[ельско]х[озяйственной] жизни и учитывать как один из прогрессивных элементов деревни. Наиболее ярко эта точ-

ка зрения выражалась Н.П. Макаровым. Основной же своей социальной базой Т.К.П. считала середняцкий массив, полагая возможным поднять до его хозяйств[енного] уровня значительную часть бедняцких слоев. Левонеонароднические крути Т.К.П. полагали, что отбор активистов следует направлять не столько в частные хозяйства, сколько в коммерческую и сельскую общественность.

л. 44 об.

с). Отношение к кооперации.

До разветвления системы механизированных на 100% хозяйств Зернотреста, т. е. до 1929 года общим убеждением было, что крупные формы земледелия не имеют решающего технического перевеса под мелкими (см. теорию оптимальных размеров и кн[игу] Макарова "Организация с[ельского] х[озяйств]ва")¹⁹. Сообразно этому путем организации крестьян[ских] хозяйств считались не колхозы, а с[ельско]х[озяйственная] кооперация разных видов. Основным же положением кооперативной политики считалась свободная классовая крестьянская кооперация, построенная на началах непосредственной ответственности каждого высшего звена над низшим вплоть до руководящих центров. Кооперативная система должна была представлять самостоятельную экономическую силу, смыкающуюся и координирующуюся с госуда[рственным] хозяйством.

Считаю себя вправе отметить, что я, признавая примат кооперации над колхозами, в 1927 году уже не рассматривал ее как независимую классовую силу, а как метод социального перерождения самого крестьянского хозяйства в высшие социально-экономические формы — особенно выпукло выражено это в моей статье "Местные комбинаты по первичной переработке", которая помимо русского издания в сб[орнике] "С[ельское] х[озяйств]во на новых путях" под ред[акцией] Милютина мною напечатана в Германии [в журнале] "Weltwirtschaftliches Archiv", в Италии [в журнале] "Scientia" и [в] Японии в Токио²⁰.

Под влиянием Зернотреста точка зрения на кооперацию переменилась. Я думаю, не только у меня, но, по всем вероятностям, также и у Макарова и других.

6). Наши взаимоотношения с группой Громана имеют весьма большую давность и восходят к 1916 году, когда Громан, Кафенгауз, Литошенко и другие работали в Союзе городов²¹, а мы, т. е. я, Макаров, Челинцев, Рыбников, Кондратьев в экономическом отделе Земского союза²², каждая из групп, сохраняя свои установки и часто ведя даже борьбу друг с другом (например, мои столкновения с Громаном в Центральном продовольств[енном] комитете). В то же время, все время контактировали друг с другом, предпринимая иногда совместно большие выступления и работы (например, "Чупровское общество"²³, четырехтомный сборник "О дороговизне 1916—1917 гг."²⁴ и т. д.). Мож-

но сказать, что группа Громана, Кафенгауз и других в области городской интеллигенции вполне корреспондировала тому месту, которое наша группа занимала в сельскохозяйственной интеллигенции.

Поэтому немудрено, что, рассматривая общественные группировки, с которыми в С.С.С.Р. нам всего скорее можно было найти общий язык, мы, естественно, наиболее быстро смогли сговориться именно с // этой группой, т. к. по своим персональным взаимоотношениям многие из нас тесно сжились с отдельными членами группы Громана (Юровский и Литошенко). В программном отношении у ЦК Т.К.П. и группы Громана было немало общих черт (демократ[ическая] республика, сохранение элементов совет[ской] экономич[еской] системы на командн[ых] высотах, примат кооперации в сельском хозяйстве), были и значительные различия, вытекающие из различий в классовой ориентации, которые в 1928 году еще далеко не вполне оформились.

7). Из политических эмигрантских группировок позиция Т.К.П. наиболее корреспондировала левым группам Республиканско-демократического блока, говоря более точно, с группой Екате[рины] Дмитриевны Кусковой (Прокопович, Осоргин, Зельгейм, Ленская и др.). До своей высылки за границу в 1922 г. Е.Д. Кускова была лично связана в той или иной мере почти со всеми членами ЦК Т.К.П. и многими членами группы Громана.

После этого Н.Д. Кондратьев докладывал, что у него были некоторые связи и с Пражской группой Сергея Маслова. Юровский во время своей поездки в Париж виделся с Милюковым. Думаю, однако, что в программном отношении и по своей идеологии к Республиканско-демократическому блоку гораздо более близко чем мы, стояла группа Громана, т. к. у нас уже давно намечались глубокие теоретические и идеологические различия (см., например, выпущенную за границей книгу Прокоповича²⁵, в резких формах нападающего на теоретические позиции мои и Челинцева). Группы Республиканско-демократического блока догматически стояли на базе традиционного западноевропейского радикализма, не допускающего никакого другого пути развития, кроме путей буржуазно-демократической эволюции капиталистического общества. Наша же программа учитывала и во многом принимала опыт советской системы, активными участниками строительства которой мы являлись.

8). Лично я за границей был за последние годы несколько раз. В своих личных встречах наиболее ориентировался на завязывание связей с европейскими деятелями, о чем подробно писал в одном из предыдущих показаний. Однако поддерживал и старые связи²⁶ с группой Е.Д. Кусковой, так в 1923 году я во время своих поездок в Берлин виделся с Зельгеймом, Ленской, Стенцель, Кусковой, Прокоповичем и Брай-

кевичем, в 1927 году виделся в Берлине с Ленской и Стенцел[ем] и в Париже с Осоргиным и Мокеевым.

В 1928 году, читая лекции в Дерптском университете²⁷, я был в порядке академического визита у Курчинского, профессора университета.

Кроме меня за границей в последние годы бывали Юровский (Франция), Литошенко (Америка и Европа), Садырин (Европа), Студенский (Америка и Европа). Макаров²⁸, Дояренко и Рыбников за границу не ездили.

«Подпись»

А. Чайнов

14. VIII. [19]30

Допросил Я. Агранов

«Протокол допроса А.В. Чайнова 15 августа 1930 г.»

Я, А.В. Чайнов, на допросе у начальника секретного отдела ОГПУ Я.С. Агранова показал нижеследующее:

1). Среди академической молодежи, как входящей в состав Т.К.П., так равно ищущей связаться с ее членами, можно было отметить ряд настроений, гораздо более агрессивных, чем те, которые были свойственны среднему составу партии. Так, например, Дояренко рассказывал, что с ним вела переговоры группа студентов ТСХА по вопросу о возможности применения чуть ли не террористических методов борьбы, и ему стоило большого труда убедить их в полной недопустимости таких намерений, и что в этом отношении его поддерживал весьма решительно Кондратьев.

Активность настроений некоторых студенческих групп ТСХА, жаждущих возможности массовой работы в деревне, отмечалась А.О. Фабрикантом.

В заседаниях ЦК Т.К.П. говорилось о крайне агрессивном настроении кругов молодежи, группировавшихся в Московском обществе сельского хозяйства вокруг Корсакова, и, помнится, мы специально просили Кондратьева и Дояренко, специально работавшего в Московском обществе сельского хозяйства, умерить этот пыл, как не соответствующий нашей политике и грозящий провалом нашей организации.

Что касается аспирантуры Института [сельско]хозяйственной экономики, то до некоторой степени можно было признать агрессивными настроения группы белорусов, возглавляемых Ждановичем. В остальной массе аспирантуры после ряда повторных чисток таких настроений не было и не могло быть из-за почти полной коммунизации ее состава.

2). Говоря о правых течениях в пределах Т.К.П., прежде всего сле-

дует подразумевать под ними социально-экономическую идеологию, стоящую на принципе незыблемости буржуазной экономики и капиталистической структуры социального мышления.

Характерным примером этому является брошюра, написанная в 1923 году Литошенко под заглавием что-то вроде "Крестьянское хозяйство и прогрессивные течения в сельском хозяйстве"²⁹, где он, выступая с апологетикой капиталистического пути развития крестьянского хозяйства, излагает мнения проф. Ал. Апол. Мануйлова и свои или, еще ярче, статьи И. Жирковича в "Weltwirtschaftliches Archiv", где он утверждал, что единственно возможным способом экономического мышления является европейская экономика, говорит, что успех работ Челинцева в С.С.С.Р. // может объясняться только экономической безграмотностью русских агрономов. Должен однако отметить, что Жиркович в последние десять лет метался в политическом и научном отношении из стороны в сторону, от почти коммунизма к народничеству, от неонародничества к Кондратьеву, а года полтора назад он начал работать в области колхозов.

Однако наиболее реакционными элементами Т.К.П. и примыкающих к ней кругов являлись не столько академические деятели, сколько старые земские агрономы, опытные (не все, конечно) и кооператоры. У нас считалось оплотом наибольшей старорежимности Московское общество сельского хозяйства (Шорыгин, Левицкий, Корсаков и др.). Весьма резкие реакционные взгляды приходилось слушать в кулуарах съездов опытного дела, бывавших в Ленинграде. Думаю, что кооператоры типа Соломатова и бывших деятелей МОСКО, а равно и многие из старых землеустроителей (Хауке и др.) были как в экономическом, так и в политическом отношении наиболее правыми из кругов, вовлеченных в орбиту Т.К.П.

3). Наше отношение к Красной армии исходило из признания ее нашей "национальной армией", если можно так выразиться, и поскольку кризисный метод политической эволюции не признавался ЦК Т.К.П. своим программным положением, в ее программу естественно не могло входить какое-либо разложение Красной армии и понижение ее боеспособности. Это положение не исключало, конечно, стремления установить хотя бы информационную связь с близкими нам по идеологии военными кругами. Помню, хотя и смутно, какие-то разговоры о военных академических кругах. Но было ли что-нибудь сделано в этом отношении, не знаю. Считаю необходимым подчеркнуть, что идея признания Красной Армии "национальной армией" была свойственна не только нам, но и левым группам Республиканского демократического блока. Помню по этому поводу в 1923 году еще споры на квартире Зельгейма в Берлине, и, как будто бы, в "Днях"³⁰ была по этому поводу

статья Прокоповича.

4). О своих разговорах за границей с лицами, относящимися к кругам Респ[убликанско]-дем[ократического] блока, поскольку эти разговоры затрагивали политические темы, могу сообщить следующее.

С наибольшим интересом к движению среди сельскохозяйственной интеллигенции отнесся Мокеев, старый сибирский кооператор, наиболее советски настроенный из моих собеседников. Он соглашался со мной в отношении моей оценки политического положения в С.С.С.Р. и видел возможность крупных политических // сдвигов при развертывании внутрипартийной борьбы в рядах Коммунистической партии. Сам он страшно хотел вернуться в С.С.С.Р., и поэтому его интересовали все внутренние наши настроения и те возможности, которые могли способствовать его возвращению.

Совершенно другой характер носили беседы с Осоргиным. Как профессиональный газетный работник, он подходил ко всему с точки зрения сенсационной ценности как газетного материала, и его мало интересовали политические соображения академических профессоров, т.к. он жаждал получить какой-либо разоблачительный материал на несколько газетных полос. А так как такого материала у меня не было, да и сам характер интереса собеседника требовал от меня сугубой осторожности, то я постарался вывести беседу из политического русла. Это была единственная наша встреча, несмотря на нашу большую в прошлом дружбу. Ни я, ни он не искали ее повторения.

Совершенно твердолобые эмигрантские взгляды высказывал Курчинский, которого я вообще видел впервые и которому никаких соображений не только о Т.К.П., но и вообще о наших оценках политической конъюнктуры не высказывал. Он очень негодовал на советскую интеллигенцию, которая "работает с большевиками" и тем поддерживает режим, говорил о невозможности всерьез относиться к чему-либо, покуда не восстановлена основа европейской государственности и т.д. Словом никакого общего языка здесь не было и не могло быть. В остальном разговор имел академические темы.

<Подпись>

А. Чаянов

15. VIII. [19]30

Допросил Я. Агранов.

Протокол допроса Чаянова А.В. от 21. VIII. [19]30 г.

Я, А.В. Чаянов, на допросе у начальника секретного отдела ОГПУ Я.С. Агранова показал нижеследующее:

1. Вопросу подготовки кадров будущих работников крестьянской партии ЦК Т.К.П. придавал весьма большое значение, причем многие из

членов ЦК, а в том числе и я, А.В. Чаянов, вели непосредственную работу над подготовкой, если можно так выразиться, "обер-офицерского" состава партии.

При весьма большом различии в идеологических устремлениях, существовавших у членов ЦК Т.К.П., общая основная идея такой подготовки могла быть сформулирована как подготовка значительных кадров работников, получивших солидное теоретическое образование и стоящих на идеологической позиции, признающей, что крестьянское хозяйство, хозяйственно и классово организованное в кооперацию, является, как в экономическом и так равно и в социальном отношении, наилучшей формой организации сельского хозяйства и основой социальной базы С.С.С.Р.

2. Эта работа была начата группой лиц, входящих в состав ЦК Т.К.П. значительно ранее, чем был оформлен сам ЦК Т.К.П., и к 1926 году работа по созданию кадров была уже широко развернута. Поэтому на долю ЦК Т.К.П. выпадало главным образом внесение некоторой согласованности в эту работу.

Опорными пунктами этой работы были Институт с[ельско]х[озяйственной] экономики, директором которого я состоял, Тимирязевская с[ельско]х[озяйственная] академия и ряд других вузов, в которых вели преподавание члены Т.К.П. или лица, идеологически к ним близкие. Наибольший размах эта работа имела в период 1924—[19]27 годы, несколько меньший в 1927—1928 годы и свелась в силу изменившихся условий преподавательской работы почти на нет в 1929—1930 годах.

Мне лично хорошо известна работа, которую помимо меня в Институте с[ельско]х[озяйственной] экономики вели Н.Д. Кондратьев, Н.П. Макаров, А.А. Рыбников и, отчасти, Фабрикант А.О. Описав эту работу, я смогу вкратце остановиться на работе, которую вели в ТСХ академии А. Дояренко и А.О. Фабрикант. Каких-либо личных // воспоминаний и сведений о работе в Межевом институте (Хауке) и провинциальных вузах у меня не имеется.

3. Основными задачами в деле подготовки кадров ЦК Т.К.П. ставил:
1) разработку идеологии и теоретических основ крестьянского движения и крестьянской экономики;

2) создание серии основных теоретических руководств по всем основным вопросам крестьянского хозяйства и движения;

3) массовую педагогическую работу в семинариях и лекциях преследующую цели, сформированные мною в параграфе 1;

4) углубленную работу над созданием кадров будущих профессоров и руководителей научных учреждений.

В нижеследующем изложении я постараюсь рассмотреть работу, направленную к разрешению каждой из этих задач в отдельности.

статья Прокоповича.

4). О своих разговорах за границей с лицами, относящимися к кругам Респ[убликанско]-дем[ократического] блока, поскольку эти разговоры затрагивали политические темы, могу сообщить следующее.

С наибольшим интересом к движению среди сельскохозяйственной интеллигенции отнесся Мокеев, старый сибирский кооператор, наиболее советски настроенный из моих собеседников. Он соглашался со мной в отношении моей оценки политического положения в С.С.С.Р. и видел возможность крупных политических // сдвигов при развертывании внутрипартийной борьбы в рядах Коммунистической партии. Сам он страшно хотел вернуться в С.С.С.Р., и поэтому его интересовали все внутренние наши настроения и те возможности, которые могли способствовать его возвращению.

Совершенно другой характер носили беседы с Осоргиным. Как профессиональный газетный работник, он подходил ко всему с точки зрения сенсационной ценности как газетного материала, и его мало интересовали политические соображения академических профессоров, т.к. он жаждал получить какой-либо разоблачительный материал на несколько газетных полос. А так как такого материала у меня не было, да и сам характер интереса собеседника требовал от меня сугубой осторожности, то я постарался вывести беседу из политического русла. Это была единственная наша встреча, несмотря на нашу большую в прошлом дружбу. Ни я, ни он не искали ее повторения.

Совершенно твердолобые эмигрантские взгляды высказывал Курчинский, которого я вообще видел впервые и которому никаких сообщений не только о Т.К.П., но и вообще о наших оценках политической конъюнктуры не высказывал. Он очень негодовал на советскую интеллигенцию, которая "работает с большевиками" и тем поддерживает режим, говорил о невозможности всерьез относиться к чему-либо, покуда не восстановлена основа европейской государственности и т.д. Словом никакого общего языка здесь не было и не могло быть. В остальном разговор имел академические темы.

<Подпись>

А. Чаянов

15. VIII. [19]30

Допросил Я. Агранов.

Протокол допроса Чаянова А.В. от 21. VIII. [19]30 г.

Я, А.В. Чаянов, на допросе у начальника секретного отдела ОГПУ Я.С. Агранова показал нижеследующее:

1. Вопросу подготовки кадров будущих работников крестьянской партии ЦК Т.К.П. придавал весьма большое значение, причем многие из

членов ЦК, а в том числе и я, А.В. Чаянов, вели непосредственную работу над подготовкой, если можно так выразиться, "овер-офицерского" состава партии.

При весьма большом различии в идеологических устремлениях, существовавших у членов ЦК Т.К.П., общая основная идея такой подготовки могла быть сформулирована как подготовка значительных кадров работников, получивших солидное теоретическое образование и стоящих на идеологической позиции, признающей, что крестьянское хозяйство, хозяйственно и классово организованное в кооперацию, является, как в экономическом и так равно и в социальном отношении, наилучшей формой организации сельского хозяйства и основой социальной базы С.С.С.Р.

2. Эта работа была начата группой лиц, входящих в состав ЦК Т.К.П. значительно ранее, чем был оформлен сам ЦК Т.К.П., и к 1926 году работа по созданию кадров была уже широко развернута. Поэтому на долю ЦК Т.К.П. выпадало главным образом внесение некоторой согласованности в эту работу.

Опорными пунктами этой работы были Институт с[ельско]х[озяйственной] экономики, директором которого я состоял, Тимирязевская с[ельско]х[озяйственная] академия и ряд других вузов, в которых вели преподавание члены Т.К.П. или лица, идеологически к ним близкие. Наибольший размах эта работа имела в период 1924—[19]27 годы, несколько меньший в 1927—1928 годы и свелась в силу изменившихся условий преподавательской работы почти на нет в 1929—1930 годах.

Мне лично хорошо известна работа, которую помимо меня в Институте с[ельско]х[озяйственной] экономики вели Н.Д. Кондратьев, Н.П. Макаров, А.А. Рыбников и, отчасти, Фабрикант А.О. Описав эту работу, я смогу вкратце остановиться на работе, которую вели в ТСХ академии А. Дояренко и А.О. Фабрикант. Каких-либо личных // воспоминаний и сведений о работе в Межевом институте (Хауке) и провинциальных вузах у меня не имеется.

3. Основными задачами в деле подготовки кадров ЦК Т.К.П. ставил:

1) разработку идеологии и теоретических основ крестьянского движения и крестьянской экономики;

2) создание серии основных теоретических руководств по всем основным вопросам крестьянского хозяйства и движения;

3) массовую педагогическую работу в семинариях и лекциях преследующую цели, сформированные мною в параграфе 1;

4) углубленную работу над созданием кадров будущих профессоров и руководителей научных учреждений.

В нижеследующем изложении я постараюсь рассмотреть работу, направленную к разрешению каждой из этих задач в отдельности.

4. Разработка крестьянской идеологии и теории была начата и в первом круге закончена еще в 1917—[19]22 годах. За это время вышли книги А.Н. Челинцева "Теоретические основы организации крестьянского хозяйства", Н.П. Макарова "Крестьянское хозяйство и его интересы" и "Крестьянское хозяйство и его эволюция", мои, А.В. Чаянова, работы "Общественная агрономия", "Крестьянская кооперация", "Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии" (под псевдонимом И. Кремнев в изд[ательстве] ГИЗ) и первое издание "Оптимальных размеров с[ельско]х[озяйственных] предприятий"³¹, работы и статьи Рыбникова, Кондратьева, Жирковича и Студенского.

В большей своей части эти книги стояли на базе достаточно вулгарной экономии и нашей задачей в период 1925—[19]28 годы являлось подведение под них более солидного научного базиса.

Основным стержнем, на котором выковывались эти теоретические построения, являлись пленарные заседания Института с[ельско]х[озяйственной] эк[ономии], происходящие в Земплане Наркомзема Р.С.Ф.С.Р. каждую пятницу осенью, зимой и весной и привлекавшие к себе, помимо членов и аспирантов института, обширные кадры агрономов и экономистов. На этих пленумах была в значительной части представлена и коммунистическая молодежь (Дубровский, Ужанский и др.), в те годы еще слишком юная, чтобы оказать серьезное сопротивление крупным ученым, буржуазным и мелкобуржуазным теоретикам, выступавшим в дискуссиях (П. Маслов, Н. Суханов, Н. Кондратьев, Н. Шапочников, Н. Макаров, А. Чаянов и др.). С 1928 года пленумы были перенесены в помещения института. Из особенно значительных дискуссионных серий, продолжавшихся в течение 4-5 заседаний, отмечу диспуты:

- а) о теории крестьянского хозяйства;
- б) о дифференциации в крестьянском хозяйстве;
- с) о законе убывающего плодородия и др.

5. Создание среди основных теоретических руководств буржуазного и мелко-буржуазного направления сводилось к изданию под фирмой Института с[ельско]х[озяйственной] экономии ряда книг европейских и американских экономистов, так, например, были изданы работы Э. Лаура, Т. Бринкмана, И. Тюнена, Норса, Крцимовского и др.³²

Из книг работников ЦК Т.К.П. вышли книги: Н.П. Макаров "Организация сельского хозяйства", А.В. Чаянов "Основные идеи и формы организации с[ельско]х[озяйственной] кооперации", ряд работ Г. Студенского, Котова и других авторов, бывших идеологически близких к нам³³.

6. Формы подготовки личных кадров крестьянского движения в Институте с[ельско]х[озяйственной] экономии были различными.

В первый период до 1926 года, когда в коллегии института помимо меня работали Рыбников и Кондратьев, основной формой подготовки было привлечение в состав аспирантуры института молодых работников, знакомых нам по семинарской работе в вузах или по их служебной работе. Каждый из действительных членов института представлял свои списки кандидатов, и они очень свободно пропускались коллегией, которая блюла только общую теоретическую грамотность в экономических вопросах.

В общем, к первой чистке аспирантуры ее состав у нас был раздут до 60 человек, весьма различных по своим теоретическим и идеологическим устремлениям, сообразно тому руководителю, с которым они работали. Этот первый состав аспирантуры дал целый ряд крупных работников Т.К.П. и лиц, если не работавших в составе Т.К.П., то идеологически близких к ней. Многие из них вели работу в провинциальных вузах. Сюда относятся Студенский (Самарский с[ельско]х[озяйственный] институт), Жиркович, Строгий (Баку), Солдатов (Ташкент), Конюков (Краснодар), Горецкий (Минск), Котов (Москва), Чубаков (Москва), Кузнецов (Москва) и др.

Подчеркиваю, что значительная часть этой молодежи, идеологически стоящая на наших позициях, организационно с Т.К.П. связана не была (мне неизвестна увязка с ЦК Конюкова, Солдатов и Кузнецова).

После 1926 года прием аспирантов всецело перешел в руки РА-НИОН, и мы могли удерживать некоторую часть своих участников, переводя их частью в сотрудники первого разряда (Студенский, Жиркович, Строгий и др.), частью в рабочий аппарат института.

В новом составе аспирантуры лиц, примыкающих идеологически к нам в той или иной мере, было немного (Горецкий, Жданович, Михановская, Лебедев, отчасти Кавторин и Цыпленков). Лебедев, Кавторин, Цыпленков вряд ли знали о существовании Т.К.П. как таковой. Однако, как я уже указывал // в одном из предыдущих показаний, на наши пленумы и на наши семинары привлекались в достаточной степени наши технические сотрудники и много просто посторонних лиц (семинары Кондратьева и Фабриканта).

7. Помимо пленумов педагогическая работа института велась главным образом в его основных семинарах. Это были в указанные годы (1926—[19]29):

- 1) семинарий Н.Д. Кондратьева по вопросам теории рынка в связи с общими проблемами политической экономии;
- 2) семинарий Н.П. Макарова по вопросам с[ельско]х[озяйственной] экономии;
- 3) семинарий А.А. Рыбникова по вопросам экономической географии;

4) семинарий А.О. Фабриканта по вопросам агрономической работы.

Причем семинары Кондратьева и Фабриканта велись под флагом института, даже не в помещении института, а вне его (Кондратьев — НКФине, Фабрикант — в Доме специалиста-агронома), и их состав по преимуществу комплектовался из лиц посторонних институту.

Я лично считал своей основной нагрузкой организацию научной работы и подготовку кадров в процессе этой работы, семинарские занятия после 1925 г. вел только в 1929/30 году т. е. уже в период моего полного отказа от старых позиций и по вопросам организации новых совхозов и совхоз[но]-колхозных комбинатов. Кроме семинариев некоторое значение имели особые секции института, куда привлекались практические работники, а именно секции кустарная, кредитная опытного дела, сырьевая и пр.

Работу каждого из семинаров, все имена докладчиков и названия докладов можно проследить по сохраняющимся в архиве института еженедельным расписаниям занятий. Актив наших семинаров впоследствии привлекался к служебному сотрудничеству со своими руководителями и рекомендовался нами в другие учреждения.

8. Наиболее квалифицированная подготовка наших наиболее выдающихся сотрудников велась нами в порядке привлечения их к ответственным научным исследованиям.

Эти обширные научные исследования велись Н.Д. Кондратьевым в Конъюнктурном институте Наркомфина и Земплане Наркомзема Р.С.Ф.С.Р., А.Н. Челинцевым в Наркомземе и РКИ Р.С.Ф.С.Р., Н.П. Макаровым главным образом в Земплане и отчасти в Институте сельскохозяйственной экономики, мною (А.В. Чаяновым) и А.А. Рыбниковым по преимуществу в Институте сельскохозяйственной экономики.

Говоря об научных работах, происходящих в пределах института могу отметить следующие исследования:

Н.П. Макаров руководил в пределах института двумя исследованиями:

1) разработка агромероприятий для Дурыкинской волости Московского округа, к каковой работе были привлечены Силин и Хлебников (о том, были ли они вовлечены в какие-либо отношения в Т.К.П. Макаровым, не знаю и не думаю [что были]);

2) анализ эффективности мелкого кредита в крестьянских хозяйствах, которая велась Чубаковым, Бородиным и Кавториним (о принадлежности двух последних к Т.К.П. мне ничего не известно).

А.А. Рыбников вел работы:

1) по народнохозяйственному описанию Казахстана, состав сотрудников был местный и мне неизвестен;

2) по экономической характеристике района Волго-Дона. Из сотрудников его мне известны Н.И. Юньева, Е.В. Сагайдак, исполнявшие технические работы. Их идеология мне малоизвестна.

Сотрудниками Рыбникова в других работах были Горецкий и Кузнецов.

Я, А.В. Чаянов, руководил чрезвычайно большим количеством исследовательских работ, проводимых институтом, однако большая часть их была возложена на группы коммунистического молодняка или работников, очень близких к коммунистической идеологии (Брагина, Бланкова и др.), и поэтому только часть работ была выполнена компактными группами, идеологически близкими Т.К.П., а именно:

1) "Разработка вопроса о возможности разведения хлопка в дельте Волги", руководил Тумановский и Федоров;

2) "Экономический профиль Разумовское — Дурочкино". Руководил Горецкий и работала белорусская группа со Ждановичем во главе;

3) "Экономический профиль 54-й параллели", состав работников тот же, как и в предыдущих, + два коммуниста — Сивогризов и Назимов, у которых все время были трения с Горецким;

4) "Экспертиза 8 совхозов московской губернии", выполненная Кузнецовым при консультации проф. А.Г. Дояренко и И.С. Попова. Работа и по предмету, и по методике далека от крестьянских вопросов.

Все остальные работы, мною руководимые, выполнялись или группами молодежи с решительным преобладанием коммунистов:

5) лен (Анисимов, Веременичев, Наумов);

6) сах[арная] свекла (Анисимов, Лошаков, Кубанин (мл.), Ивин и др.);

7) подсолнух (Сулковский, Рудакова, Купленский);

8) казахстанская экспедиция (И.С. Кувшинов, К.Т. Маньков);

9) район будущего Тегинского колхозного комбината (Олеванов) или же беспартийными, весьма далекими от идеологии Т.К.П., как, например:

10) ярославский район овцеводства (Гродницкий) и

11) садово-огородная подмосковная экспедиция (Брагина, Гонtareва, Блинова и Теряева).

О работах [за] 1929—[19]30 годы ничего не пишу, т.к. к этому времени я уже окончательно порвал со старой идеологией.

9. Из работ вне института мне известна, главным образом, работа А.Г. Дояренко в ТСХА на опытном поле, которая сводилась, с одной стороны, к концентрации в качестве практикантов большого количества агрономической молодежи (А.А. Эмме и др.) и подготовка их к будущей работе в опытном деле и затем к знаменитым воскресным беседам на опытном поле с крестьянами, которые стекались на эти беседы с раз-

ных уездов Московской губернии и связывали ячейку опытного поля с крестьянскими массами губернии личными связями.

Работа моей кафедры в ТСХА по пропаганде крест[ьянской] идеологии главным образом захватывала 1924/25 год, когда моими ассистентами были Студенский и Жиркович. В последующие годы она, особенно начиная с 1927 года, сошла на нет, т.к. моя работа сосредоточилась в НИИСХЭ.

10. Значительную роль в пропаганде нашей идеологии, особенно в период 1926—[19]28 году, сыграли наши выступления, главным образом, Макарова, Фабриканта, Кондратьева, Студенского и мои на всякого рода курсах по переподготовке агрономов, кооператоров и пр. и выезды Фабриканта, Макарова и других в провинцию на местные курсы. Через эти курсы вместе взятые проходили сотни местных работников, и наши идеи получили весьма широкий размах.

11. Подводя итоги всему сказанному и желая определить объем проделанной работы, я должен признать, что в отношении неонароднической идеи, представителем которой я являлся, главный размах распространения [она] получила в 1918—[19]23 год[ы] и кульминационным пунктом расцвета теории является мой доклад на известном диспуте в Доме союзов в 1922 году на тему о будущем сельского хозяйства³⁴. С 1924 года начался кризис теории у самих ее создателей (Челинцева и меня). Но это не остановило, конечно, ее распространения, тем более, что к этому времени значительная масса агрономов и кооператоров была уже под идеологическим влиянием теории. Переход от восстановительного периода к реконструкционному, разложив неонародничество в составе его верхушки, не столько уменьшил его влияние на массы с[ельско]х[озяйственной] интеллигенции, сколько сбросил их к гораздо более реакционным идеологическим позициям Кондратьева. В этом отношении особенно характерен отход от неонародничества таких крупных работников, как Студенский, Жиркович и отчасти Макаров в сторону чисто буржуазных установок.

В общем и целом, подводя итоги количественного захвата всех тех весьма различных идеологических течений, которые были представлены в ЦК Т.К.П., нужно признать, что количество непосредственно квалифицированных наших учеников следует считать многими десятками, слушателей прошедших через наши аудитории и подпадавших в той // или иной степени нашему влиянию — сотнями, а агрономов и кооператоров, проникнувших нашими теориями в их несколько схематизированном и более ярком изложении в критических статьях, направленных против нас, — многими тысячами. Помню так же, что это влияние сужалось и расширялось в зависимости от политической конъюнктуры и хода реконструкции народного хозяйства.

«Подпись»

А. Чайнов

21 / VIII [19]30 г.

Допросил Я. Агранов

«Протокол допроса А.В. Чайнова 25 августа 1930 г.»

Я, А.В. Чайнов, на допросе у начальника секретного отдела ОГПУ Я.С. Агранова показал нижеследующее:

1. Мое приглашение в состав коллегии Наркомзема Р.С.Ф.С.Р. в 1921 году в первые же недели изпа было произведено Кураевым как раз в то время, когда я находился в самом расцвете увлечения неонародничеством, т.е. теорией о развитии земледелия на базе кооперативного крестьянского хозяйства и крестьянина, организуемого кооперацией как самостоятельный класс и технически превосходящий все другие формы организации земледелия.

С этой теорией я выступал совершенно открыто. Она и мое глубокое знание крестьянского хозяйства, по всем вероятностям, и послужили причиной привлечения меня как рабочей силы в состав коллегии, ставившей перед собой основную задачу восстановления крестьянского хозяйства.

Формально я был "на правах члена коллегии" и поэтому на закрытые заседания Коллегии не привлекался, во всей же остальной работе работал наравне с другими, всецело отдаваясь работе по восстановлению крестьянского хозяйства.

Помимо текущей работы в руководимом мною "Управлении планирования и с[ельско]х[озяйственной] экономии," я принял самое деятельное участие в разработке:

- 1) декрета о продналоге;
- 2) декрета о с[ельско]х[озяйственной] кооперации;
- 3) в разработке семенной кампании 1921 года (11 миллионов пудов озимых семян);
- 4) в тщательной разработке организации местного аппарата, штатов и смет земорганов по всем губерниям Р.С.Ф.С.Р.;
- 5) в подготовке всех материалов по с[ельскому]х[озяйству] для Генуэзской конференции и, наконец,
- 6) в разработке обширного плана восстановления сельского хозяйства, внесенного мною от имени НКЗема в Госплан.

Во всех этих работах я, естественно, отстаивал свои точки зрения и стремился убедить своих товарищей по коллегии в правильности своих положений, однако, когда они не принимали моих предложений, я ничего не делал, да и не мог по своему положению делать в обход постановлений коллегии.

Главной моей работой, в которой, естественно, наиболее ярко, полно выразились мои неонароднические идеи, явился "План восстановления сельского хозяйства", бывший, по сути дела, планом восстановления и укрепления крестьянского хозяйства. Мне передавали, что весной этого года он был в президиуме Госплана С.С.С.Р. вытаснен из-под спуда и просматривался как // один из "доисторических" памятников планирования.

Не думаю, однако, чтобы в нем и вообще во всей моей деятельности в качестве члена коллегии НКЗема было что-либо сильно расходящееся с общими настроениями эпохи первого года нэпа. Во всяком случае, когда я на I советском агрономическом съезде³⁵ выступал с докладом о плане агромероприятий, то был даже в печати обвинен в сервизме и подделывании к Осинскому, так что коллегия НКЗема также печатно сочла нужным выступить с указанием, что тезисы моего доклада были составлены независимо и раньше, чем тезисы Осинского.

К весне 1922 года мне и коллегии НКЗема стало все более и более ясно, что моя роль, необходимая для первого года восстановительного периода, уже кончается. Это совпало с тяжелым кризисом моей личной жизни, и я на полтора года уехал за границу. По возвращении в 1923 году я уже не вернулся к наркомземной работе.

2. Говоря о своем влиянии на правительственную работу в последние годы, я не могу отметить большого количества случаев такового, т.к. почти всецело был поглощен научно-педагогической работой, стремясь именно в ней получить наибольшее выявление своей идеологии, и очень редко выходя за ее пределы. Однако могу все же вспомнить несколько случаев проведения своей идеологической линии и вне чисто научных сфер.

1. С 1924 по 1926 год я работал в Сельскосовете³⁶, т.е. идеологическом центре с[ельско]х[озияственной] кооперации, выполняя отдельные поручения. Среди них могу отметить два, отразившие мои идеологические позиции этой эпохи (уже сильно отошедшие от позиций 1921/22 года), а именно:

а). Моя обширная статья "С[ельско]х[озияственная] кооперация в системе госкапитализма" 1924 г., напечатанная, как передовая редакционная в сборнике того же цикла без моей подписи³⁷. В этой статье основным стержнем являлось положение, что кооперация, подобно капитализму, должна развиваться по линии: совместные закупки и кредит — сбыт, переработка — организация отдельных средств производства — организация самого производства, говоря иначе, по линии вертикальной, а не по горизонтальной концентрации, что означало примат кооперации над колхозным движением. Статья имела значительный успех не только в беспартийных, но и в партийных кругах. По крайней

мере, в печатном отчете фракции центров с[ельско]х[озияственной] кооперации весь сборник отмечался как шаг вперед для разработки кооперативной теории.

б). В развитие этой теории в 1925 году мною был тщательно разработан и опубликован в сборнике "С[ельско]х[озияственная] кооперация и финансы" первый пятилетний план капитальных вложений (это едва ли не первая опубликованная пятилетка вообще) в системе с[ельско]х[озияственной] кооперации с // планом дальнейших ее погашений³⁸. Этот план, который очень долго играл руководящую роль при всяких плановых предположениях, исходил из идеи, что так называемые местные комбинаты по первичной переработке сельхозсырья и силовые установки являются основным рычагом увязки крестьянской массы с системой государственного хозяйства. Таким образом, все развитие с[ельского] х[озияства] предназначалось быть направленным по пути так называемой системы "дифференциальных оптимумов" с оставлением некоторого частного сектора, а не по пути колхозов и совхозов. Теоретическое обоснование системы мною было опубликовано, как я уже писал в одном из показаний, на русском языке в сборнике под ред[акцией] В.П. Милютина, а так же в Германии, Италии и Японии в журналах. Считаю себя вправе отметить, что это было до 15 партсъезда. В 1926 году весной я окончательно ушел из кооперации.

II. Вторым моим соприкосновением с практической работой, отразившим мои идеологические установки, было мое участие в 1926/27 году в составлении пятилетнего плана развития и работ опытного дела. В этой большой коллективной работе на меня была возложена глава об экономическом обосновании порайонных программ работы опытных станций. В этой работе я исходил из интересов развития крестьянского хозяйства и строил свою работу на анализе его эволюции.

В основу мною был положен анализ существующего положения крестьянского хозяйства, изложенный мною на основе материалов только что вышедшей тогда в Берлине моей книги "Landwirtschaft des Sovietbundes" (Verlag P. Parey), затем на основании, отчасти, "Программы мероприятий по районам", утвержденной Земпланом, а главным образом обширной сводки наметок местных опытных полей и агрономических организаций, мною был намечен желательный путь развития крестьянского хозяйства и сообразные ему задачи опытного дела. Сводка была изображена в виде схематической карты. Эта карта была утверждена в общем и целом Всероссийским совещанием опытных в Ленинграде, Наркомземе и Госплане Р.С.Ф.С.Р. и издана в толстом томе пятилетнего плана работ опытной организации. Задачи реконструкции с[ельского] х[озияства] в ней не были предусмотрены.

III. Последним моим соприкосновением с практической работой го-

сударственных хозорганов, отразившим мою крестьянскую идеологию, была работа "Себестоимость и цена с[ельско]х[оз]яйственных" товаров", выполненная по заказу Наркомторга, на основе моих обширных работ по вопросам себестоимости в Инст[итуте] с[ельско]х[оз]яйственной] экономии³⁹. Эта работа, опираясь на бюджетные материалы о себестоимостях, защищала принципы, так называемых "восстановительных цен", т. е. цен, гарантирующих воспроизводство материальных капиталов и рабочей силы. Принятие моей схемы заставило бы несколько повысить цены на лен и некоторые другие технические культуры. Для сах[арной] свеклы и хлопка реально уплачиваемые цены оказались выше исчисленных мною себестоимостей. Впрочем, я допускал временное снижение цен ниже себестоимости за счет задержки в воспроизводстве основного капитала (см. мою книгу "Себестоимость сахарной свеклы")⁴⁰. Работа эта, как я знаю, никакого влияния на практику политики цен Наркомторга не оказала, хотя и дала ему обильный новый фактический материал.

л. 76 об.

IV. Я совершенно не упоминаю о работах последних лет, 1929 и 1930 [годов], в Зернотресте, льнопеньковом комитете и Институте крупного хозяйства, т. к. в них я целиком и полностью стоял уже на позициях социалистического земледелия.

3. Само собою понятно, что другие члены ЦК Т.К.П., работавшие непосредственно в оперативных и законодательствующих органах Советской власти, имели несравненно большие возможности влиять на направление политики в сторону установок Т.К.П. В этом отношении наибольшие возможности имел Н.Д. Кондратьев, располагавший в течение ряда лет чрезвычайно крупным влиянием в Наркомземе и Наркомфине. Целый ряд мероприятий этих наркоматов в той или иной степени отразил его влияние, и личные основные установки этих комиссариатов несомненно были приняты при его содействии. За пределами комиссариатов Н.Д. Кондратьев выступал с рядом записок, причем основная его записка, получившая благодаря резкой критике широкую известность (ст. Зиновьева и пр.)⁴¹, несомненно отразила в себе ряд дебатов, имевших место в ЦК Т.К.П.

Некоторые из ее положений разделялись и мной, хотя в общем и целом она не совпадала с моими установками. Около этого же времени мною лично была составлена аналогичная записка, в которой я высказывался за накопление в с[ельском] х[оз]яйстве С.С.С.Р. социальных элементов и отвергал путь фермерского развития, хотя эти записки были у меня дома и, быть может, взяты при обыске. Значительно более узкие, — но все же значительные возможности по линии Наркомзема были и у Н.П. Макарова, который после снятия Н.Д. Кондратьева с работы в Земплане, продолжая его работу, составлял и редактировал це-

лый ряд проектов различных мероприятий и законопроектов; в пределах своей работы очень широкие возможности влияния на политику были у Юровского, который в области финансовой политики проводил ряд мероприятий, имевших целью укрепить крестьянское хозяйство, иногда давая в пояснительных записках несколько другую аргументацию. Возможности были и у Садырина, но он знал характер Каминского, который решительно всякую мелочь пропускал через свою голову. Не думаю, чтобы он сильно мог использовать эти возможности. О деятельности в этой области Рыбникова и Дояренко я ничего не знаю.

4. Возвращаясь к вопросу о подготовке кадров для Т.К.П., я хочу дать возможно более подробные показания о своей работе в ТСХА и еще раз подчеркнуть, что я не считал Академию местом своей деятельности в этой плоскости и концентрировал всю свою работу по кадрам в И[нституте] с[ельско]х[оз]яйственной] экономии. Для этого у меня не было и возможностей, т. к., в отличие от Дояренко, // я работал не на агрофаке, а на экономическом факультете, где до 70% студентов были коммунисты и комсомольцы, а все руководство факультета было коммунизировано с самого начала. Не было у меня на факультете и учреждения аналогичного опытному полю Дояренко, не было практикантов и аспирантов, т. к. все это было сконцентрировано в институте.

Однако, несомненно, мои идеологические установки в некоторой степени отразились и на работах кафедры, и, отчасти на подборе ассистентуры, особенно в первые годы моего возвращения из-за границы.

На экономическом факультете я занимал 2 кафедры — с[ельско]х[оз]яйственной] кооперации и организации хозяйства. Наиболее [полно] мои идеологические установки проявились в работах на кафедре с[ельско]х[оз]яйственной] кооперации, курс по которой строился мною сообразно изложенному в параграфе 2 настоящего показания. Курс этот целиком почти по стенограмме издан мною под названием "Основные идеи и формы организации с[ельско]х[оз]яйственной] кооперации" (М., 1927) и его идеологическое содержание может быть точно установлено.

Основные отличия от линии коммунистической партии в нем заключаются в том, что:

1. Кооперация, хотя и создающая новую систему народного хозяйства взамен индивидуального крест[ьянского] хозяйства, создает эту систему в порядке самоколективизации. Ничего о руководстве пролетариатом этим движением не говорилось, и кооперация не увязывалась в систему эпохи пролетарской диктатуры.

2. Колхозы хотя и признавались, но считались побочным руслом коопер[ативного] движения.

После 1926 года и разрыва моего с практической работой в ко-

операции я, переживая кризис моих старых неонароднических верований, в 1927/28 году добровольно отказался от кафедры с[ельско]х[о]зяйственной кооперации и передал ее А.Н. Челинцеву, т. к. чувствовал уже, что жизнь уходит из-под моих ног.

Что же касается кафедры организации хозяйства, то ее работа перешла ряд фаз, мало похожих друг на друга.

В первый период, 1923/24—1924/25 годах, хотя я и читал свой лекционный курс по предложению деканата применительно к организации совхозов, я допускал значительные экскурсии в вопросы организации крестьянского хозяйства. Моими ассистентами этого периода были Г. Студенский, И. Жиркович и Б. Строгий, которые в своих семинарах в значительной степени пытались проводить идеи не только крестьянского, но и капиталистического хозяйства. У Студенского в этой плоскости был даже однажды конфликт с коммунистическими студентами (Анисимовым). После 1925 года Студенский и Жиркович вышли из работы, произошло и // обновление состава кафедры, и изменение программы занятий.

Курс стал в период 1925/26—1926/27 гг. более совхозным, а из практических занятий почти совсем были выброшены семинарии, и они свелись к работам по таксации (т. е. оценкам капиталов и исчислениям себестоимости и доходности) и к счетоводному анализу реально существующих крестьянских хозяйств по бюджетам.

Сборник таксационных задач был одобрен ГУСом, а система счетов одного анализа, аналогичная бюджетному анализу, изложена в книге И. Гонтаревой "Счетоводный анализ крест[ьянских] хозяйств"⁴², которая, в некотором отношении, отражает мою неонародническую идеологию. Сама Гонтарева к неонародничеству не примыкала.

Основное ядро ассистентуры этого периода и последующие два, — мои ученики коммунисты Я.А. Анисимов и К.И. Наумов, и из беспартийных В.И. Лебедев и И.И. Гонтарева. Для руководства отдельными группами на год, на два привлекаются аспиранты института и агрономы-практики, т. к. руководителей всегда было очень трудно найти, а число их в некоторые годы доходило до 11 человек (курс был общий для всей академии и прак[тические] работы велись по 4 часа в неделю). В составе ассистентуры перебивали в разное время Кратинов, Лопатин, Цыпленков, Гоздаров, Синицкий, Чубаков, Олеванов и др. Идеология мелкобуржуазного порядка по ходу занятий могла быть проявлена только в заключительных занятиях по счетоводному анализу и при решении задач типа задачи № 6 (оценка по эффекту). По настроению они могли быть у Чубанова и Кратинова, может быть, отчасти, у Цыпленкова и Лебедева, но категорически утверждать не берусь, т. к. групповые занятия были автономны и мною почти не посещались.

В 1927/28 и 1928/29 Анисимов и Наумов заняли самостоятельно кафедры, на их место мною был приглашен коммунист П.А. Олеванов (аспирант и[нститу]та), занятия вновь перестроились. Помимо курса я опирался на группу студентов со Ставраковым во главе, стал вести занятия по составлению оргпланов совхозов. Результатом этих занятий явилась книга Ставракова (коммуниста) "Опыт разработки вариантной схемы совхоза" (примерно), изд[ательство] "Нов[ый] агроном"⁴³. В общих же занятиях на экономическом факультете мы ввели вместо анализа крестьянских хозяйств анализ материалов по совхозам и колхозам, оставив крестьянские хозяйства только для некоторых групп агрофака. В.И. Лебедев с группой студентов разработал оргпланы совхозов ОГПУ⁴⁴.

Не исключаю отдельные случаи идеологических искривлений организационных идей в работах кафедры, но никакой систематической работы в этом направлении не велось.

В 1929/30 году при реформе Академии старая кафедра организации хозяйства была уничтожена, вся старая ассистентура в порядке перевыборов или по иным мотивам отошла от работы.

Я вел занятия на совхозном факультете по организации зерновых и хлопковых совхозов, на колхозном факультете // по зерновым колхозам, на агрофаке читал курс организации крупных хозяйств, составивший в расширенном виде мою книгу "Организация крупных хозяйств эпохи социалистической реконструкции земледелия".

Практическая работа велась применительно к составлению оргпланов крупнейших механизированных совхозов по методике, примененной мной в Жильцынском проекте зерносовхоза. Ассистенты были Костарев, Кисурин, Руднев, Лосенко (ком[мунист]), Бурьяненко (ком[мунист]), Ефимов, Фонталов. Категорически утверждаю, что вся работа стояла на почве принципов социалистического земледелия без какого-либо намека на идеологию Т.К.П., от которой я был уже бесконечно далек.

При новой реформе академии я никакой нагрузки до момента ареста не получал и откладывал разговоры на эту тему до выхода моей книги "О социалистическом земледелии". Для подтверждения всего изложенного прошу, помимо упомянутых коммунистов Анисимова, Наумова, Бурьяненко, Олеванова, навести справки у бывших секретарей ячейки ТСХА Шикова и Кузнецова, ныне аспирантов И[нститу]та крупн[ого] хозяйства.

5. В заключение считаю нужным добавить к предыдущему показанию, что мною в Институте с[ельско]х[о]зяйственной экономики в течение 1926—[19]28 годов в отношении так называемых экономических отделов опытных станций велся научный инструктаж, который в неко-

тором отношении отражал на себе мои идеологические позиции. Организационно этими отделами руководил экономический отдел ГИОА, на нас же было возложено методическое руководство их исследовательской работой. Поскольку сама научная работа и[нститу]та шла на крестьянском материале и отражала нашу идеологию, она заключалась и в этом методическом инструктаже. Мы рассылали эконом[ическим] отделам все наши исслед[овательские] программы и заключение работы и специально вели инструктаж по районированию (Челинцев), экономическому эффекту технических приемов (Костров), хронометражу (Фокин), учету себестоимости (Чаянов) и пр. Считаю себя вправе отметить, что мне в равной мере посылали и материалы по работам наших коммунистов и не только по крестьянскому хозяйству, но также по совхозам и колхозам, так, например, мною на съезде опытников был прочитан доклад о методах составления планов совхозов и колхозов (его повторение на пленуме и[нститу]та напечатано в № 1—4 "Бюллетеня Института с[ельско]х[озяйственной] экономии" за 1928 год)⁴⁵.

Однако в общем и целом этот инструктаж значительно расширял нашу аудиторию.

25. VIII. [19]30

А. Чаянов

Допросил Я. Агранов

<Подпись>

<Протокол допроса А.В. Чаянова 26 августа 1930 г.>

Я, А.В. Чаянов, в дополнение к своим показаниям от 25. VIII. [19]30 на допросе у начальника секретного отдела ОГПУ Я.С. Агранова настоящим показал:

1. Для выявления тех идеологических различий, которые существовали между различными группами Т.К.П., можно остановиться на характеристике двух более или менее выкристаллизовавшихся в теоретическом отношении групп: той, которая в марксистской критической литературе называлась буржуазной (Кондратьев, Литошенко, Студенский и Жиркович) и той, которую марксистские критики называли мелкобуржуазной или неонароднической (Чаянов, Челинцев, в прошлом Н. Макаров).

Их достаточно глубокие различия в теоретической концепции, идеологии и классовой ориентации можно было бы, если бы у меня под руками была литература, установить цитатами из марксистской критики (Крицман, Верменичев, Милютин, Ужанский и др.). Поскольку я лишен этой возможности, постараюсь выявить своими словами.

Группа Кондратьева в теоретическом отношении всецело стояла на базе европейской буржуазной теоретической экономии (Кассель и др.)

и, если иногда вводила социалистические моменты, то как дополнение к основным положениям европейской буржуазной теоретической системы. Исходя из этого, она не видела никакого различия между капиталистическим и крестьянским хозяйством, считая, что последнее строится по тем же принципам, как и первое, и только совмещает в одном лице капиталиста и рабочего.

Отсюда выходило положение, что крестьянское хозяйство восточных стран ничем не отличается от фермерских хозяйств Запада и Америки и, представляя собою только низшую форму, должно стремиться эволюционировать в этом направлении.

Вся политика и все положения записки Кондратьева исходят из этого постулата и, не отрицая кооперацию и ряд обслуживающих элементов государственного хозяйства, мыслят себе эволюцию крестьянских хозяйств аналогично их эволюции в капиталистических странах, где кооперация есть организация мелких товаропроизводителей, землепользование индивидуализировано и т.д.

Указанные положения выражены в книге Литошенко "Крестьянское хозяйство" и прогрессивные течения в с[ельском] х[озяйстве] (название примерно так), в статье И. Жирковича в "Weltwirtschaftliches Archiv", в книге Прокоповича о крестьянском хозяйстве, выпущенной за границей в 1924—[19]25 году и в ряде страниц книг Студенского последнего времени⁴⁶.

Неонародники в противоположность этим положениям считали, // что теоретическая экономия буржуазных стран, разработанная на материалах капиталистического хозяйства, не может быть распространена на крестьянское хозяйство, являющееся по своей природе простым товарным хозяйством, семейным хозяйством, как мы его определяли, являющимся пережитком докапиталистического периода народного хозяйства и амальгамирующего, но не сливающегося с капиталистическими формами хозяйства. Исходя из этого теоретического положения строились и наши прогнозы, и наши политические установки.

Основными положениями неонародничества, позволившими ему идеализировать крестьянское хозяйство как исходный материал для построения будущего общества, было три следующие положения:

- 1) теория малых оптимальных размеров для с[ельско]х[озяйственных] предприятий, в которых расходы на внутривладельческий транспорт съедают выгоду укрупнения;
- 2) признание, что в сельском хозяйстве техника крупного хозяйства не имеет того подавляющего перевеса над техникой мелкого, как это имеет место в промышленности;
- 3) утверждение, что крестьянское хозяйство, ведущее расчет не на чистую прибыль, а на оплату годового труда семьи, может проявлять,

ценою снижения уровня потребления, большую выживаемость, чем капиталистическое хозяйство;

На основе этих положений мы строили будущее не путем горизонтальной концентрации по типу колхозов, а путем вертикальной кооперативной концентрации, постепенно коллективизирующей подавляющую часть сельского хозяйства и растворяющей в этой новой системе почти нацело индивидуалистические крестьянские хозяйства (см. мою книгу "Осн[овные] идеи и формы организ[ации] с[ельско]х[озяйственной] кооперации" (М., 1927)).

Эта система "крестьянского социализма", как видно, в корне отлична от установок буржуазной группы. Это различие выявлено в ряде статей Крицмана, Верменичева ("Распад неонародничества" — "На аграрном фронте") и, наконец, в большом докладе В.П. Милютин на I конференции аграрников-марксистов и в постановлениях этой конференции⁴⁷. Говоря иначе, ни в каком случае нельзя говорить, что различия между нами были только в деталях. Они были глубоко принципиальными и основными. Почему же в таком случае я мог оказаться в одной политической группировке с Кондратьевым?

Думаю, что помимо товарищеских связей с Макаровым и Рыбниковым, здесь сыграли роль чисто политические моменты: мое нежелание оказаться изолированным от крестьянского движения и то, что в данной фазе движения оказывалось возможным, несмотря на коренные различия в принципиальных установках, находить общие мысли и текущие программные положения.

Однако этих глубоких различий оказалось вполне достаточно, с уничтожением жизнью и опытом Зернотреста трех вышеуказанных основных положений неонародничества, для того, чтобы я порвал с прошлым и перешел на позиции социалист[ического] земледелия.

«Подпись»

А. Чаянов

Допросил Я. Агранов

Показания А.В. Чаянова [28 августа 1930 г.]

Я, А.В. Чаянов, на допросе у начальника секретного отдела ОГПУ Я.С. Агранова, в дополнение к своим показаниям от 26 VIII [19]30, показал нижеследующее:

1). Помимо лекций и практических работ в ТСХА необходимо отметить еще дипломные работы, по которым студентов консультировал как я, так равно и преподаватели кафедр. Через мое личное руководство ежегодно проходило около 10 таких работ, все подлинники которых хранятся где-нибудь в Академии. Половина этих работ представляла собой работы студентов, работавших в институте с[ельско]х[озяйственной]

ственной] экономии как научно-технический персонал или как участники наших научных экспедиций. Тематами работ были: "Анализ севоборотов разных районов с организационно-экономической т[очки] зрения", "Себестоимость", "Организация труда" и прочие, подчас более сложные работы, представляющие целые научные трактаты. Ввиду того, что за время выполнения работы со студентом было нужно вести две-три продолжительные беседы, естественно, мое идеологическое влияние на сами работы и их авторов во время этих бесед сказывалось более, чем в лекциях и практических работах. Выдающиеся дипломники мной, естественно, выдвигались и в аспирантуру института, и в служебном отношении. Однако таких случаев было немного (Ивин, Рюмин, Хотькин и др.) и никто из этих выдвинутых организованно с Т.К.П. связан не был.

2). Отмечу следующее обстоятельство, связанное с моей работой в ТСХА. Летом 1928 года в "Правде" появилась статья Астрова по поводу плохой постановки преподавания политминимума в Академии, где между прочим указывалось, что в то время как ленинизм преподается из рук вон плохо, "Железнов, Кондратьев и Чаянов с кафедр проповедают кулацкие идеи".

Немедленно после появления этой статьи и аналогичного замечания в одной из заметок Кольцова, я подал в правление Академии заявление с просьбой произвести расследование моей деятельности в Академии. Согласно этому заявлению была назначена комиссия, но так и не приступила к работе. Для ее работы и не могло быть большого материала, т. к. моя главная работа по линии Т.К.П. шла в Институте с[ельско]х[озяйственной] экономии, а не в Академии, где, конечно, проявлялись идеологические установки мои и моих сотрудников, но систематически работа не велась.

28. VIII. [19]30

А. Чаянов

Допросил нач[альник] СО ОГПУ (Агранов)

Протокол допроса Чаянова А.В. от 16 / IX [19]30 г.

Я, А.В. Чаянов, на допросе у начальника секретного отдела ОГПУ Я.С. Агранова показал нижеследующее.

Весной 1928 года воронежский профессор А.Н. Минин, отправляясь в заграничную командировку в Германию, Чехословакию и Данию, заезжал в Москву и имел со мною продолжительную беседу по поводу плана и содержания своей поездки.

Во время этой беседы, поскольку я могу припомнить, мною были подробно изложены условия заграничных поездок вообще, т. к. А.Н. Минин ехал за границу впервые, подробно разработан маршрут по-

ездки, описаны те научные и кооперативные учреждения, которые необходимо посетить для его работы; даны рекомендательные письма к проф. Brdlik в Праге, проф. Naipns в Киле, проф. Larsen в Копенгагене, которые гарантировали ему хороший прием. Затем я просил его возможно точно установить, что представляет собой в Праге Крестьянский секретариат, руководимый проф. Brdlik, Союз кооперативных объединений, руководимые этим секретариатом и, особенно, союзы свекольные, о которых приходилось много читать, также возможно точнее выяснить, что из себя представляет D. Klonov, молодой человек, являющийся помощником Brdlik'а, и приславший мне ряд писем на русском языке. Так как я дорожил каждым иностранцем, читающим по-русски, то мне хотелось получить о нем более подробные сведения. Точно такую же просьбу я передал и в отношении Дании, т.к. я лично не был ни в Дании, ни в Чехословакии. В отношении Дании меня интересовала работа проф. Ларсена по увязке и организации отдельных крестьянских хозяйств, о которой я слышал от Строгого и Кувшинова.

Все последние просьбы с моей стороны должны рассматриваться как часть моей работы по заграничным связям по линии Т.К.П., подробно описанные мною в особом показании. Однако у меня совершенно не сохранилось впечатления, что наша беседа носила характер партийного инструктажа. Допускаю, хотя и не помню точно, что я мог просить передать мой личный привет Е.Д. Кусковой, если он ее встретит в Праге.

«Подпись»

А. Чаянов
Допросил Я. Агранов

Протокол допроса Чаянова А.В. от 16. IX. [19]30 г.

Я, А.В. Чаянов, на допросе у начальника секретного отдела ОГПУ Я.С. Агранова показал нижеследующее.

В дополнение и развитие моих предыдущих показаний о моих связях с иностранными учеными и общественными деятелями считаю необходимым подробно рассмотреть характер этих связей во всех его деталях по трем разделам:

1) образование мною в качестве директора Института с[ельско]х[озяйственной] экономики обширной сети научных связей с учеными, работающими в области с[ельско]х[озяйственной] экономики почти всех стран мира;

2) мои встречи и разговоры с иностранцами в Москве;

3) мои встречи и разговоры с иностранцами во время моей заграничной командировки в 1927 и 1928 годах.

Постараюсь рассмотреть каждый из этих разделов в отдельности.

I. Корреспондентские связи Института с[ельско]х[озяйственной] экономики.

Мою работу по созданию и поддержанию в течение ряда лет обширных заграничных связей Института с[ельско]х[озяйственной] экономики следует рассмотреть с двух точек зрения. Во-первых, с точки зрения создания обширной системы международных связей, ставящих институт в курс мировой науки, в чем я не вижу ничего предосудительного, и это являлось моей обязанностью как руководителя института и, во-вторых, использование этой системы связей в целях пропаганды неонароднического течения за границей и установления идеологического контакта с крупнейшими идеологическими работниками крестьянского движения за границей, что безусловно следует считать в условиях политической и классовой борьбы, происходящей в С.С.С.Р., тяжким преступком.

Начну рассмотрение своей работы с первой точки зрения.

В 1922 году мною во время моего пребывания в Германии в двух основных экономических журналах "Schmollers Jahrbuch" и "Archiv für Sozialökonomie und Sozialwirtschaft" были помещены статьи о положении с[ельско]х[озяйственной] экономики в С.С.С.Р.⁴⁸, в которых я излагал главным образом работы неонароднической группы (Челинцева, Макарова, Рыбникова и свои). Эти статьи сделали мое имя более или менее известным научным кругам Германии и дали мне возможность на следующий год выпустить в издательстве P. Parey мою основную книгу "Die Lehre von der bäuerlichen Wirtschaft", которая была встречена очень хорошо прессой и научными кругами. Первоначально я хотел выпустить ее под маркой трудов института, но Н.Н. Крестинский счел это неудобным, и она вышла только с посвящением институту.

Рассылка этой книги по 150 адресам всех стран мира, составленная мною на основе справочника "Minerva", и послужила основой будущей корреспондентской сети. На свою рассылку и циркулярное письмо я получил около 70 ответов.

На следующий год я по этим же несколько уточненным адресам послал свою вторую немецкую книгу "Sozialagronomie" и затем, установив сеть корреспондентов в трех концентраторах их важности, стал опираться на институтский аппарат, ежегодно посылая 3—4 книги трудов института, получая книги в обмен и обмениваясь письмами.

Эта систематическая работа создала корреспондентскую сеть в 60 постоянных и около 120 циркулярных корреспондентов, которая охватывала Германию, Данию, Голландию, Норвегию, Польшу, Литву, Англию, Эстонию, Францию, Италию, Австрию, Чехословакию, Швейцарию, Грецию, Сирию, Турцию, Индию, Сиама, Австралию, Новую Зеландию, Китай, Японию, Гонолулу, Канаду, САСШ, Мексику, Уругвай, Гон-

дурас, Аргентину, Южную Африку.

Благодаря этим связям во всех этих странах удалось добиться уважения к советской науке и получить более или менее ясное представление о их научной работе (см. обзор в "Бюлетене И[нститута] с[ельско]х[оз]яйственной] экономии" за 1927 год)⁴⁹. Восемь наиболее выдающихся ученых мира (Аегебо, Brinkmann, Larsen, Orwin, и др.)⁵⁰, с разрешения и утверждения ГУСа, были приглашены в состав членов И[нститу]та и приняли это приглашение.

Каково было содержание наших взаимоотношений с этой корреспондентской сетью?

Это очень легко установить, т.к. все полученные нами письма и копии всех наших писем хранятся в делах института. В подавляющем большинстве случаев это был научный // книгообмен и обмен обычными академическими приветствиями.

В некоторых случаях мы, по просьбе наших корреспондентов, высылали им книги по интересующим их вопросам (Япония и Америка), писали статьи о наших работах в их журналах (Германия, Америка, Франция и Италия). Со своей стороны они давали нам обзоры своей научной работы и статьи (Аегебо, Brinkmann, J. Black, Baker и др.) и, что особенно важно, принимали и руководили работами наших товарищей, командированных в их страны. Это содействие мною оказывалось и очень многим из нашего коммунистического молодняка (Гордеев, Вильдо, Ужанский, Анисимов, Пискунов и пр.).

Полагаю, что создание такой сети было полезным советским делом, и боюсь, что развал этих связей, начавшийся после того, как я лично в 1929 году почти прекратил эту работу, ее основательно разрушит. Польза этой сети для социалистического земледелия видна хотя бы из того, что, опираясь на нее, я в 1929 году собрал исчерпывающие мировые сводки материалов: 1) по борьбе за урожайность, 2) по методам расчистки лесных пространств для крупного хозяйства.

Каким же образом эта сеть использовалась мною для пропаганды неонародничества, для идеологического контакта с деятелями крестьянского движения?

Это использование, которое, как я уже отметил, я считаю тяжким проступком, велось в трех формах:

а). Широком распространении во всех странах неонароднической литературы, по преимуществу моих немецких книг 1923—1925 годов. (Мы рассылали и марксистские работы наших учеников столь же широко, как и наши, но они, за исключением книги Верменичева, Наумова и Анисимова "Анализ производственных отношений льнохозяйств"⁵¹, имевшей перевод всех таблиц, были напечатаны по-русски с кратким английским конспектом. В 1925 году Дубровский на одном из

пленумов института протестовал против посылки моих книг в восточные страны, но в то время я искренне не понимал его протестов и считал эту рассылку своим авторским правом.

б). Путем опубликования за границей ряда статей о положении с[ельско]х[оз]яйственной] экономии и наших научных достижений в Германии, Франции, Италии, Америке и Японии, начиная с 1922 по 1928 год, которые помещались в местных журналах при // содействии наших корреспондентов. В статьях этих, особенно за период 1922—[19]27 годов, мною, главным образом, излагались работы неонароднической школы, что придавало ей, до некоторой степени, международное значение; особенно важно это было для Челинцева и Макарова, так как их работы на иностранных языках не печатались.

с). Опираясь на эту связь, мне лично и по моим рекомендациям и другим моим товарищам было легко устанавливать личные связи с европейскими деятелями при наших поездках за границу (поездка Строгого в Данию, поездка Минина в Чехословакию и Данию, первая поездка Студенского в Германию). Повторяю, однако, что я не отказывал в рекомендациях и коммунистическому молодняку, командируемому за границу.

Поскольку ЦК Т.К.П. в значительной степени был связан с Институтом с[ельско]х[оз]яйственной] экономии, он имел полную возможность опираться на эту систему международных связей. Однако эта возможность носила скорее потенциальный характер, т.к. перед ЦК Т.К.П. не стояло никаких актуальных задач международного порядка. К тому же у Кондратьева и Макарова были свои обширные заграничные связи, по преимуществу американские, и они, насколько помнится, в своей переписке к аппарату института не прибегали. Поэтому использование указанной системы для установления идеологического контакта с европейскими учеными должно рассматриваться как моя личная вина, тем более, что работа эта велась еще задолго до образования Т.К.П. Ниже я опишу случаи этого контакта более подробно.

II. Встречи и разговоры с иностранцами в Москве. Имея в своем распоряжении мощный аппарат международных научных связей института, я не имел стимулов искать эти связи в Москве. Кроме того, я считал политически одиозными и опасными какие-либо отношения с постоянно проживающими в Москве иностранцами и если в этом отношении мною, как будет показано ниже, делалось исключение для проф. Аухагена и Коффода, то потому, что германскую и датскую миссии я считал наименее одиозными и, к тому же, был связан и с тем, и с другим своей старой работой, о чем будет ниже подробно рассказано.

Кроме этих двух лиц мои встречи сводились исключительно к приему по просьбе ВОКСа // или заграничных научных учреждений уче-

ных, приезжающих в С.С.С.Р. с научными целями, в лояльности которых я не мог сомневаться сообразно представляемым ими рекомендациям (проф. Робинзон, проф. Бауэр, проф. Сато, проф. Прауге и А. Файнер). При всех сношениях с иностранцами я всегда, как в Москве так и за границей, был исключительно осторожен в отношении сообщения им данных о хозяйственном положении С.С.С.Р., всегда предпочитая указывать на официальный источник данных и не приводя данные по памяти. Эту осторожность мне было тем легче соблюдать, что по моему служебному положению в моем распоряжении не было никаких секретных данных. Кроме того, всегда, когда это было возможно, я стремился вести беседу в присутствии кого-либо из своих сотрудников коммунистов (беседы с Прайером, А. Файнер[ом] и проф. Сато).

Для того, чтобы выявить возможно конкретнее характер моих встреч и разговоров, я останавливаюсь на каждом из указанных выше лиц отдельно.

1. Проф. О. Аухаген.

С проф. О. Аухагеном я познакомился в 1922 году в Берлине. Через него была принята в Schmollers Jahrbuch моя первая статья. Он является автором большого предисловия к моей первой немецкой книге "Die Lehre von der bäuerlichen Wirtschaft" (Berlin, 1923). Говоря образно он является "отцом крестным" моей научной деятельности в Германии. Согласно академическим традициям, каждый раз, попадая в Берлин, я считал своим долгом посетить его с академическим визитом. Всегда сожалел, что, благодаря несомненно для меня одиозности сношений с представителями дипломатического корпуса, я не мог активно поддерживать с ним сношения в Москве.

За все время он раза два был у нас в институте, раз посещал Тимирязевскую академию. Он заходил ко мне на квартиру со своей супругой, но, к сожалению, не застал меня дома и раз пригласил меня на банкет, который германская миссия давала в честь Данцигской делегации. Считаю, что его работа в Москве, за исключением нетактичной статьи о немцах Поволжья, была вполне лояльной в отношении Советской власти.

В эпоху восстановительного периода он отчетливо разбирался во всех процессах нашего сельского // хозяйства и, в общем, благожелательно относился ко всему происходящему в сельском хозяйстве С.С.С.Р. С наступлением реконструкционного периода и разворачивания его в темпах пятилетки он, как мне кажется, растерялся и не был в состоянии понять смысл происходящего в С.С.С.Р. Если я не ошибаюсь, наш последний разговор касался возможности реализовать идею Зернотреста, вставшую на очередь летом 1928 года, в осуществимости чего он сомневался. Более двух лет я с ним не встречался.

2. А. Коффод.

Более близко я познакомился с А. Коффод[ом] в 1922/23 годах в Берлине, где он устроил от имени датского посольства большой банкет немецким и советским экономистам и агрономам. На этом банкете среди датчан, помимо Коффод[а], был Якобсон, немцы были представлены Аухагеном, Зерингом, двумя экономистами помоложе и деятелями D.L.g.⁵², с советской стороны присутствовали Осинский, Фридриксон и я. Вскоре после этого банкета Коффод организовал поездку Осинского и Фридриксона в Данию, где впоследствии Фридриксон был несколько лет нашим торгпредом. После этого банкета я несколько раз виделся с Коффодом и Якобсоном, которые достали мне очень много материалов по крестьянскому хозяйству Дании для моей работы. А. Коффод оказал большое содействие для подыскания издателя моей книги.

По возвращении в Москву, считая его очень полезным для связей Института с[ельско]х[озяйственной] экономии с Данией, я представил его кандидатуру в члены-корреспонденты института в ГУС и получил разрешение его привлечь. Года через полтора после этого Коффод переехал в Москву в Датскую миссию и стал бывать на пленумах нашего института, проходивших тогда в Земплане. К этому времени я уже установил тесные взаимоотношения с главой сельскохозяйственной Дании проф. Ларсеном, но у меня не было никаких побудительных причин отказываться от связей с Коффодом, который был очень полезен для наших работников, едущих в Данию.

В противоположность проф. Аухагену, А. Коффод относился скептически к развитию советского сельского хозяйства и стремился, подчеркивая свою старую работу в департаменте земледелия, стать на товарищескую ногу с более старым поколением наших работников. Насколько я себе представляю, наиболее тесно он был связан с группой землеустроителей — Рудин, Першин и Хауке // с одной стороны и с Н.П. Макаровым, с которым он был семейно знаком, с другой стороны.

Мои личные отношения к Коффоду за время его московского пребывания свелись к посещению двух банкетов, организованных им в датской миссии, приглашению Коффода на семейный ужин у меня дома и ряду встреч в Институте с[ельско]х[озяйственной] экономии, почти исключительно во время пленумов. Частным образом у него на квартире я ни разу не бывал.

Политическое значение могут иметь упомянутые банкеты и, отчасти, мои разговоры с Коффодом в институте. Состав приглашенных на эти банкеты был разнообразен. На том и на другом были Першин, Рудин, Аухаген, Огановский, Хауке. Кроме того, на одном был Суханов, Дубровский. Был ли Макаров на обоих из них, точно сказать не могу. Банкеты сопровождались общим разговором, пересказывающим с одной

темы на другую, на с[ельско]х[озяйствен]ные злобы дня в С.С.С.Р. и за границей. Хотя, благодаря разношерстности состава и присутствию иностранцев, разговор был несколько сдержанным, но все же излишне "товарищеским" для дипломатического банкета.

Мои личные разговоры с Коффодом в институте сводились к рассказам Коффода о Варшавском конгрессе по с[ельско]х[озяйственной] экономии, на котором никто из С.С.С.Р. не присутствовал, к его вопросам о разных людях, присутствовавших на заседаниях пленумов, о работах института и состоянии разных отраслей с[ельского] хозяйства С.С.С.Р. На последние вопросы я отвечал ссылками на официальные разные материалы уже по одному тому, что никаких других в моем распоряжении не было.

Однажды он очень упорно спрашивал меня, что было выкинуто из справочника "10 лет Советской власти в цифрах", выпущенного ЦСУ под редакцией Керженцева и моей в 1927 году⁵³, и долго не хотел верить, что выкинута только одна страница, посвященная "Итогам аграрной реформы", благодаря неудачному заглавию и неправильной редакции самой таблицы, извращающей социальную картину аграрного переворота.

Вполне допускаю, что в этих разговорах мною сказано было и что-нибудь лишнее, но не в смысле каких-либо фактических сведений, а в смысле моих суждений по адресу академической линии и марксистской критики моих работ.

3. Проф. Робинзон.

Проф. Робинзон был командирован в Москву Колумбийским университетом для изучения аграрного движения в России в 1917—1918 годах. После работ в Центроархиве он был направлен ко мне ВОКСом, и я представил // в его распоряжение все материалы института, главным образом, архив покойного Книповича (материалы Глав[ного] Зем[ельного] комитета и Наркомзема 1918 года) и Лиги аграрных реформ (Теперь оба этих архива сданы в Центроархив.) Эти материалы дали для его работы много интересного, и он проработал в институте месяца три. Никаких политических разговоров я с ним не вел и давал только по его просьбе комментарии к ряду документов 1917—1918 годов в тех случаях, если мог что-либо пояснить.

4. Стефан Бауэр.

Председатель "Ферейна социальной политики" базельский профессор С. Бауэр был приглашен в Москву в 1927 году по случаю какого-то торжественного праздника Московским университетом и явился ко мне по указанию ВОКСа с грудой рекомендаций немецких профессоров. На его обслуживание мне пришлось затратить несколько дней, во время которых мы довольно хорошо познакомились. Он был в со-

торге от Москвы и активно выступал на Конгрессе друзей Советского Союза. В начале 1928 года узнав, что я нахожусь в Париже, он прислал мне приглашение от Базельского экономического общества выступить с докладом о положении сельского хозяйства в С.С.С.Р. Посоветовавшись с нашим итальянским посольством, я принял это предложение и около 10 января 1928 года читал в Базеле свой доклад, являвшийся апологетикой восстановительного периода в нашем сельском хозяйстве⁵⁴.

Советский характер доклада может быть подтвержден имеющимся у меня французским текстом самого доклада, так равно и несколькими газетными рецензиями.

Летом 1928 года Ст. Бауэр снова был в Москве, читал в институте доклад, который был организован мною совместно с ВОКСом, гостил 5 дней у меня на даче и совершил обширное турне по С.С.С.Р.

5. Проф. Прайер и проф. Сато.

За время 1926—1928 года я несколько раз принимал в институте профессора Прайера из Кенигсберга и два раза проф. Сато из Токио⁵⁵. Прием первого мной производился совместно с ученым секретарем и [института] коммунистом Кувшиновым, а при переговорах с проф. Сато переводчицей служила коммунистка Ланебер. Обоим дано исчерпывающее ознакомление с нашей научной работой. Идеологически моя принадлежность к Т.К.П. выразилась в разговорах с Бауэром в том, что всячески выдвигая восстановительный период, я ничего не упомянул о задаче реконструкционного.

6. Артур Файнер.

Зимой 1928/29 года я несколько дней посвятил приему редактора "Франкфуртер Цейтунг" немецкого экономиста А. Файнера, которого, помимо приема в институте совместно с Д.Г. Лурье, возил по московским учреждениям и угощал ужином у себя дома. Наши беседы касались всех сторон советской жизни и быта и, так как они имели место уже после моего полного разрыва с прошлыми моими позициями, они ни в коей мере не отразили на себе идеологии Т.К.П.

III. Мои встречи и беседы за границей.

Наиболее резко идеология Т.К.П. в ее неонародническом секторе сказалась в некоторых из моих бесед с профессорами и общественными деятелями Западной Европы во время моей поездки зимою 1927/28 года (беседы с Оже-Лярибом, Лескюром, Тапирином и Шломером).

Эти беседы не носили политического характера, и, само собою понятно, в них ни слова не упоминалось о Т.К.П. Их содержание сводилось к выяснению взглядов на роль крестьянского хозяйства в современной экономике, на возможные формы его будущего развития и перехода на высшую степень социально-экономического развития. Как раз в это время вышла моя книга "Основные идеи с[ельско]х[озяй-

ственной] кооперации", а за границей был напечатан мной ряд статей на тему о кооперативных формах вертикальной концентрации сельского хозяйства, и этот круг идей и являлся темой для бесед с профессорами, связанными с крестьянским движением своих стран.

В нижеследующем изложении я, перечислив все свои встречи, подробно остановлюсь на беседах, имевших именно этот характер.

В Германии я был всего только несколько дней, виделся с проф. M. Sering[ом], проф. O. Augagen[ом] и J. Marschak[ом]. Проф. Aereboe был болен, поэтому из его окружения я ограничился пространной беседой с Fr. Schlomer[ом], посвященной, с одной стороны все усиливающемуся интересу самого проф. Aereboe к крестьянскому хозяйству, его выступлениями по этому поводу и, с другой стороны, выдвижению новых идей в моей кооперативной книге.

В заключение разговора я просил Fr. Schlomer'a переговорить с моим издателем P. Rague о возможности издания этой книги на немецком языке. Переговоры эти не увенчались успехом, т.к. издательство нашло книгу коммерчески трудной и предложило мне издать мои "Оптимальные размеры с[ельско]х[озяйственных] предприятий", которые и вышли в 1930 году в совершенно переработанном виде. Шломмер очень заинтересовался многими // из моих кооперативных теорий и взяла на себя ознакомиться с ними проф. Aereboe. При соответствующей беседе с M. Sering'ом, он очень хорошо принял мою теорию оптимальных размеров, кооперативные же построения считал для Германии неприемлемыми.

Во Франции, с учеными которой у меня ранее не было никаких личных связей, я посетил Ch. Gid'a, Aftalion'a, Hetier, Simian[a], Lescure, Risler'a и Auge-Laribe. С большей частью этих профессоров наши беседы ограничивались лишь чисто академическими темами, за исключением Ch. Gid'a и, главным образом, Auge-Laribe. Ch. Gid' в общем относясь сочувственно к советской кооперации, строго придерживался старых канонів кооперативной теории, и мне в большинстве случаев приходилось почтительно молчать. Совершенно иной характер носила моя продолжительная беседа с Auge-Laribe. Auge-Laribe — руководитель левого антикатолического союза крестьянской кооперации, автор известной книги "Французский крестьянин до войны и теперь", является представителем вновь нарождающегося своеобразного французского народничества. Он попросил меня, глава за главой, вкратце изложить содержание моей книги и записал себе основные ее положения. В заключение беседы он указал, что моя теория кооперативной концентрации сельского хозяйства при некотором согласовании ее с линиями развития французского хозяйства может быть хорошей социально-экономической программой-максимум для руководимого им кооператив-

ного] движения.

В Италии я не смог встретиться ни с проф. Serpieri, ни с проф. Voriga, с которыми вел переписку, и ограничился визитами к Achil Loria и работой над экономикой Египта в Римском международном агрономическом институте. Поэтому, за исключением короткого разговора с представителем Голландии о судьбах с[ельско]х[озяйственной] кооперации, [я] ни с кем бесед на идеологические темы не имел.

В Швейцарии, помимо моего уже упомянутого выше доклада в Базеле, я виделся с вице-президентом экономического общества Fr. Schtutski, проф. Salin[ом], проф. St. Bauer[ом], и Dr. Taperin[ом], который по поручению E. Laur'a приехал из Цюриха на мой доклад. Dr. Taperin был единственно возможным собеседником на крестьянские темы из всех перечисленных. Я ему передал экземпляр своей кооперативной книги для E. Laur'a и вкратце изложил ее содержание, но его отношение к изложенному уяснить не мог. С самим же E. Laur'ом, с которым у меня научная связь прочно была установлена в 1912 и 1922 годах, // мне, к сожалению, увидаться не удалось.

Во время моей поездки в Дерптский университет (Юрьев, Эстония) для чтения курса организации хозяйства осенью 1928 года я виделся с проф. Корр[ом], который был мне ранее известен, т.к. в 1925 году Дерптский университет не имел в своем составе специалиста по с[ельско]х[озяйственной] экономике, присылая мне на отзыв его диссертацию. Он оказался большим поклонником книг Н.П. Макарова и был проникнут идеями неонародничества в самых его первобытных формах. Я оставил ему ряд своих книг, но не углублял наших бесед, т.к. сам переживал тяжелый кризис своих убеждений.

Подводя итоги изложенному, я должен признать свою работу по использованию в интересах своей идеологии созданной мною обширной системы научных связей Института с[ельско]х[озяйственной] экономики тяжким проступком в условиях той ожесточенной классовой борьбы, которая происходит в настоящее время в С.С.С.Р.

Эта система связей и созданное ею мое видное положение в международных с[ельско]х[озяйственных] кругах могло дать Т.К.П., в случае необходимости в том, значительную поддержку общественных с[ельско]х[озяйственных] кругов Европы и Америки.

Единственное, что может искупить эту мою вину, это то, что значительная часть этой же системы связей может быть использована для строительства социалистического земледелия и пропаганды за границей, что, отчасти, уже было мною осуществлено в 1929—1930 годах.

«Подпись»

А. Чаянов
Допросил Агранов

Протокол допроса Чаянова А.В. от 16. IX. [19]30 г.

Я, А. Чаянов, на допросе у начальника секретного отдела ОГПУ Я.С. Агранова показал нижеследующее.

Как я уже указывал в своем показании от 25 августа 1930 года, я лично после своего ухода из с[ельско]х[оз]яйственной кооперации в 1926 году не был органически связан ни с одним операционным хозяйством страны. Поэтому я не принимал непосредственного участия в разработках по законодательству и вообще в практической деятельности. Сообразно этому, мое влияние на ход советского законодательства и управления хозяйством страны, идущее вразрез с директивами правительства, могло выразиться:

1) в эпизодически составленных лично мною записках и проектах по поручению наркоматов, что имело место, как я показал 25. VIII. 30, в трех случаях;

2) в обсуждении мною с товарищами по Т.К.П. тех законопроектов и мероприятий, разработка которых была возложена на них, сообразно их служебным обязанностям.

Обращаясь к первому типу моей деятельности, я должен отметить, как это уже было мною указано, три случая своих выступлений: 1) составление пятилетнего плана капитальных вложений в систему с[ельско]х[оз]яйственной кооперации, опубликованного мною в сборнике "С[ельско]х[оз]яйственная кооперация и финансы" (М., 1926); 2) разработка порайонной программы научной работы опытных станций Р.С.Ф.С.Р.; 3) разработка вопроса о соотношении цены и себестоимости с[ельско]х[оз]яйственных продуктов, выполненная по поручению Н[ар]к[ом]торга и стремящаяся защищать так называемую систему восстановительных цен⁵⁶.

Формальная сторона каждого из моих действий подробно указана в показании от 25. VIII. 30, в дополнении которого считаю необходимым остановиться на выяснении того, в чем именно эти мои действия противоречили указаниям директивных органов:

а). Пятилетка капитальных вложений в систему с[ельско]х[оз]яйственной кооперации была разработана так, что вся сумма многомиллионных вложений вливалась почти исключительно в систему районных кооперативных союзов и крупных по радиусу охвата товариществ по первичной переработке сельскохозяйственного сырья. Для 1925 года это не являлось большим криминалом, но все же, по сути дела, должно было тормозить колхозное движение и делать его побочным // руслом кооперативного движения, ибо, поскольку капитальные вложения и индустриализация пошли бы по линии общекрестьянской системы, колхозы могли бы использовать этот могучий рычаг, только вступая наряду с мелкими крестьянскими хозяйствами рядовыми членами в местные

кооперативные товарищества. Таково было мое глубокое убеждение, и не только мое, но и многих кооперативных работников. У меня оно держалось вплоть до 1928 года и печатно высказано в книге "Основные идеи с[ельско]х[оз]яйственной кооперации". И только идея района сплошной коллективизации в 1929 году вытеснила эту старую точку зрения, сильно препятствующую развитию колхозной системы.

б). Районные программы научной работы опытных полей по 5-летке исходили из идеи дальнейшего развития наметившихся эволюционных тенденций крестьянского хозяйства каждого из этих районов. Говоря иначе, наука и опытное дело, работая по этому плану, не только не являлись революционерами социальной структуры и организации сельского хозяйства, но фиксировали существующую систему распыленных крестьянских хозяйств, поддерживая и частично улучшая технику мелкого хозяйства.

В 1926/27 гг., когда этот план мною разрабатывался, это было, по сути дела, основной и всеобщей идеей. Тенденции директивных органов создать новую революционную технику для совхозов и колхозов не воспринимались системой опытного дела, выразителем мнения которой я в этой работе являлся.

Кроме того, как я это теперь вижу, технические принципы, выдвигаемые опытным делом, не являясь новой техникой крупного хозяйства, в тоже время были по своей дороговизне и сложности мало доступны массовому крестьянскому хозяйству, а поэтому объективно были техникой только зажиточных слоев деревни. Однако и в момент составления или, точнее, объединения программ опытного дела я этого субъективно не понимал. Эта тяжкая ошибка не была раскрыта при утверждении плана Госпланом Р.С.Ф.С.Р.

с). Обоснование моей запиской системы восстановительных цен базировалось мною на утверждении необходимости строить цены по бухгалтерским себестоимостям, а себестоимости исчислять, оценивая труд по стоимости его воспроизводства. Метод оценки труда по стоимости его воспроизводства практически сводился к тому, что годовой потребительский бюджет семьи, исчисляемый на основе бюджетных исследований 1925—[19]26 годов, делился на число рабочих дней, реализуемых этой рабочей семьей в течение года.

Говоря иначе, применение этого метода являлось бы // фиксацией потребления крестьянскими массами реальной заработной платы на высоком уровне той эпохи, к которым относятся наши бюджетные исследования. Субъективно именно эта цель мною и преследовалась в работе, и излагалась.

Метод был отвергнут. Размышляя впоследствии над тем, что бы произошло объективно, если бы он был принят, я в конце концов по-

нял, что увеличение бумажноденежной оплаты с[ельско]х[озяйствен-ных] продуктов привело бы только к большому раскрытию ножиц, и политика цен Наркомторга, опирающаяся на реальную конъюнктуру каждого сезона и активную покупательную силу населения, должна быть признана совершенно правильной.

Этими тремя случаями и ограничилось мое соприкосновение до начала 1929 года с практической хозяйственной жизнью страны.

Переходя к деятельности моих товарищей по Т.К.П. и моего участия в обсуждении их проектов, я должен отметить, что и здесь мое участие не могло быть особенно велико, т. к. место моей работы и жизни (Петровское-Разумовское) было настолько отдалено от Земплана и Наркомфина, что я весьма редко мог соприкасаться с ними в практической работе.

Однако могу отметить ряд случаев, когда мне приходилось принимать участие в обсуждении или слышать рассказы о таковом обсуждении.

В моей памяти сохранились следующие вопросы, относящиеся к периоду 1925—[19]28 годов, связанные с правительственными мероприятиями:

1). Одно время горячо обсуждался вопрос о принципах единого сельскохозяйственного налога. При этом особенно большое внимание обращалось на два элемента: с одной стороны, на темпы возрастания прогрессии при переходе к более зажиточным группам и, с другой стороны, те формы приравнивания скота к посеву, которые, по нашему мнению, делали невозможным многокоровные хозяйства вообще. Многие из моих коллег принимали участие в различных комиссиях и больших заседаниях по этому вопросу, но, кажется, ничего практического не достигли.

2). Одно время в Земплане весьма сильно прорабатывался вопрос о необходимости крестьянских хозяйств, как способа борьбы с их парцелляцией. На одно из расширенных заседаний президиума Земплана по этому вопросу был привлечен и я. Инициаторы мероприятия Хауке и Рудин выдвигали идеи, которые, в сущности, фактически фиксировали средний тип крестьянского хозяйства и способствовали пролетаризации бедняцких слоев. Так как я был всегда резко против проведения принципа единонаследия, в каких бы // он формах ни предлагался (см. мою брошюру "Крестьянское хозяйство и земельный режим"⁵⁷, мою записку в НК РКП РСФСР о недробимости), то я не принял в дальнейшем никакого участия в этих работах и [в] специальной комиссии Хауке по этому вопросу.

Не принимал я никакого участия и в более широком обсуждении Земельного кодекса вообще и не присутствовал на посвященных этому

вопросу заседаниях Комакадемии, где выступали Кондратьев и Макаров. Насколько помнится, мои товарищи по Т.К.П. стояли на принципе нейтралитета государства в отношении форм землепользования и для разных районов допускали его хуторские и отрубные формы. Это нашло отражение в ряде постановлений и изданий Земплана, один из томов трудов которого был задержан распространением и частью перепечатан.

3). Несколько раз приходилось присутствовать и отчасти принимать участие в обсуждении вопросов о специальных мероприятиях, направленных к стимуляции крестьянских хозяйств в отношении специальных культур (льна, хлопка, свеклы и пр.). Проектировалось повышение цен, усиленное снабжение районов промтоварами, скидка с сельскохозяйственного налога и пр. Точно содержание этих разговоров я не помню, но в общем эти мероприятия считались большим завоеванием и их считали необходимым распространить на главнейшие товарные районы в отношении их основных товарных продуктов.

4). Одно время темой для больших дискуссий явился вопрос о системе кредитования крестьянского хозяйства, возможности применения к нему классового принципа и о так называемых фондах бедняцких кредитов. Какие актуальные предложения по этому вопросу делались, хорошо не помню. Мое участие ограничивалось тем, что я представил в Институте с[ельско]х[озяйственной] экономики Н.П. Макарову возможность начать серию больших экспедиционных исследований по вопросу об эффективности мелкого кредита крестьянам.

Далее смутно помню обсуждение вопроса о кредитовании совхозов системой С[ельско]х[озяйственного] банка в основные и оборотные капиталы, бесконечные споры Челинцева и Макарова о будущем бедняцких хозяйств и, кажется, больше ничего. По каждому из этих вопросов работники Земплана разрабатывали предложения, но их точная редакция и судьба для меня не известны, ввиду крайней отдаленности моей от работ Земплана, что, я думаю, может заверить Л.С. Марголин, долго работавший в нем и активно боровшийся с идеологией Т.К.П.

<Подпись>

А. Чаянов

Допросил Я. Агранов

<Письмо А.В. Чаянова от 21 октября 1930 г.>

<Резолюция>

Т. Сольц. Обязательно приобщите к делу. Я. Аг[ранов]. 3 / XI

Тов. Евдокимов!

Если можете, то простите меня за ту ложь, которую я допустил в разговоре с Вами. Как Вам известно из дела, я не мог до ареста сооб-

щит о контрреволюционных организациях не только потому, что не хотел подвести товарищей, но и потому, что сам не оторвался от контрреволюционной работы.

Я не считаю возможным приводить какие-либо смягчающие объяснения, я просто прошу о помиловании.

Прошу сохранить мне жизнь и клянусь весь остаток ее посвятить социалистическому земледелию, для которого объективно я уже немало сделал.

Вопрос идет теперь уже не о том, чтобы не толкать падающего, а о том, чтобы поднять упавшего.

Когда вы на фронте берете 12-дюймовую пушку у противника, то вы не бросаете ее в пропасть, а обращаете // ее жерлом против противника.

Я стою в первом десятке мировых ученых своей специальности и многое могу для Вас сделать; поступите со мной так же, как поступаете с отбитыми у контрреволюции пушками. Я сделаю для дела социализма все, что смогу.

«Подпись»

21. X. [19]30. А. Чаянов

а. 127 об. **Протокол допроса профессора Чаянова Александра Васильевича
2 ноября 1930 г.**

Допросил н[ачальни]к 3-го отд[еления] ОГПУ Славатинский.

Я, А.В. Чаянов, на допросе у А.С. Славатинского показал нижеследующее:

1. За период 1929 и 1930 годов я был на трех совместных заседаниях ЦК Т.К.П. и ЦК Промпартии, два из которых происходили в Госплане С.С.С.Р., и одно на квартире Рамзина. Из состава присутствовавших на этих совместных собраниях могу отметить со стороны Т.К.П. Кондратьева, Макарова, Юровского, кажется, Рыбникова, со стороны Промпартии Осадчего, Шенина, Рамзина, Ларичева (?). Расчленив состав по отдельным собраниям вряд ли сумею.

2. Первое из этих собраний в начале 1929 года было посвящено заслушиванию информационного доклада П.П. о международном положении С.С.С.Р. и взглядов капиталистических держав на возможность интервенции. Ниже, в специальных разделах об интервенции, содержание этого заседания будет подробно изложено.

3. Второе из этих собраний в конце 1929 года было посвящено выявлению взглядов сторон на Красную Армию и полит[ическую] работу в ней. Нами было указано, что мы, считая Красную Армию национальной армией, не можем ставить перед собой задачи ее разложения или понижения ее боевой мощи. Однако в то же время считали необходи-

мым иметь массовую базу в случае наступления кризисной конъюнктуры и иметь в составе Красной Армии более или менее массовые потенциальные связи. Для этого нами велась работа в тер[риториальных] частях, на курсах для комсостава и имелись некоторые связи по военно-академической линии.

Представители Промпартии указывали, что, не ведя массовой работы, они стремятся создать свои ячейки в узловых военно-технических центрах и научно-технических институтах, обслуживающих армию, для проведения своих программных положений о создании кризисной конъюнктуры в стране.

4. Третье из этих собраний в самом начале 1930 года было посвящено вопросу о состоянии деревни в связи с коллективизацией и раскулачиванием. Промпартия наиболее интересовалась возможностью стихийного взрыва крестьянских восстаний и отношением к ним со стороны Т.К.П.

а. 127 об. Не отрицая возможности стихийных восстаний, // мы указывали на бесцельность и вредность крестьянских восстаний в условиях нормальной работы государственного аппарата. Поэтому, не включая в свою программу организацию восстаний, Т.К.П. и не принимала мер к их организации. Однако мы указывали, что в случае создания помимо желания Т.К.П. кризисной конъюнктуры гражданской войны, она может быть поставлена перед необходимостью организации массового крестьянского движения вплоть до вооруженной борьбы всеми имеющимися в ее распоряжении средствами против всех возможных противников. Учитывая возможность такой конъюнктуры, Т.К.П., стремилась к разворачиванию массовых связей в деревне, не придавая им явно политический характер.

Попутно затрагивался и вопрос об отношении к террористическим формам борьбы, которые Промпартия считала возможным фактором создания кризисной конъюнктуры. Мы указывали, сообразно нашей установке на эволюционный путь смены режима, на невозможность для нас той установки в существующей политической конъюнктуре. Вопрос этот мы не считали, однако, predetermined в ту или другую сторону в условиях гражданской войны, раз она станет фактом.

5. Отношение Т.К.П. к интервенции нельзя признать однородным. Все члены ЦК Т.К.П. относились к интервенции резко отрицательно, полагая, что интервенция, как это наглядно видно из истории интервенции 1918—[19]20 годов, всегда будет преследовать только свои интересы, не считаясь с интересами "туземцев".

Затем мы сознавали, что успех интервенции означает отторжение Украины и Белоруссии и разрушение нашей экономической и политической системы страны, а главное, что переворот при помощи интервенции означает полную реставрацию с возвратом помещиков и сведе-

нием крестьянства и его организации к положению, бывшему до 1917 года. К тому же была ясна та жалкая роль, которую будет играть Т.К.П. в режиме после интервенции.

Необходимо, однако, признать, что в составе Т.К.П. при ее разношерстности могли быть элементы и с достаточно выраженными интервенционными настроениями.

Еще более запутанным вопрос становился в том случае, когда мы задавались мыслью установить линию возможной политики Т.К.П. в том случае, если бы, вопреки программным положениям Т.К.П., кризисная конъюнктура и интервенция все же имели бы когда-нибудь место. Вопрос этот мало обсуждался и не получил окончательного решения.

Я лично думаю, что вопрос этот расколол бы ряды // Т.К.П., и часть ее стремилась бы найти себе место в условиях фактически сложившихся интервенционных конъюнктур, левая же часть Т.К.П. несомненно оказала бы интервенции вооруженное сопротивление совместно с компартией.

6. Информационное сообщение о международном положении С.С.С.Р. и видах на интервенцию, сделанное Рамзиным и Осадчим (?) на совместном заседании Т.К.П. и Промпартии и частные разговоры по этому поводу, которые мне сейчас трудно расчлениить, дают следующую картину, которая составила у Промпартии на основе информации со стороны эмигрантских центров и переговоров с французскими деятелями.

Основным мотивом для интервенционных намерений со стороны капиталистических кругов было разочарование в надеждах на внутренний крах советской системы и ясно выраженная опасность, что промышленное укрепление С.С.С.Р. превращает ее в более и более мощный фактор мировой политики, который становится опасным не только по линии Коминтерна, но и по линии экономической мощи и военной мощи и при дальнейшем развитии станет угрожающим.

В то же время у нас не сложилось убежденности, что информаторы Промпартии трактовали интервенцию как окончательное решение и точно установленную меру. Слишком неопределенными и многочисленными были варианты проектов.

Как я уже писал в предыдущем показании, указывались варианты организации интервенции Лигой наций в случае выступления С.С.С.Р. при попытке вооруженного присоединения Литвы к Польше; Черноморский вариант десанта на Кубань в случае массовых восстаний на Кубани; использование лимитрофов и т.д. По моему глубокому убеждению, только первый из этих вариантов мог иметь под собою почву.

<Подпись>

2. XI. [19]30. А. Чайнов

Допросил н[ачальник]к 3-го отделения СО ОГПУ Славатинский

Протокол допроса профессора Чайнова Ал[ексан]дра Васильевича от 3 ноября 1930 г.

Допросил нач[альник] 3 от[деления] СО ОГПУ Славатинский.

1. Связь Трудовой крестьянской партии с Промышленной партией.

За период 1929—1930 г. я лично был на трех совместных заседаниях центральных комитетов Трудовой крестьянской партии и Промышленной партии.

Два из этих заседаний имели место в Госплане С.С.С.Р. и одно — на квартире Рамзина.

Трудовая крестьянская партия была представлена на этих заседаниях Н.Д. Кондратьевым, Н.П. Макаровым, А.И. Юровским и мною, А.В. Чайновым; на одном из этих заседаний присутствовал и А.А. Рыбников, однако, утверждать это не могу.

Промышленная партия и на том же заседании была представлена Рамзиным, Осадчим, Шениным и, кажется, Ларичевым.

Первое из таких совместных заседаний было в начале 1929 года. На том заседании представители Промышленной партии Рамзин и Осадчий сделали доклад о международном положении С.С.С.Р. Они проинформировали собрание о мотивах, которые побуждают капиталистические круги за рубежом выдвигать вопрос об интервенции.

Судя по сообщениям Рамзина и Осадчего, источниками информации Промышленной // партии об интервенции являлись эмигрантские зарубежные центры и общественные и политические круги Франции.

Судя по сообщениям Рамзина и Осадчего, основным стимулом к усилению интервенционистских стремлений за рубежом является убеждение капиталистических кругов в том, что надежды на внутренний крах советской системы являются безумными, и промышленно-хозяйственный рост С.С.С.Р. начинает становиться угрожающим не только в плоскости деятельности Коминтерна, но и в плоскости превращения С.С.С.Р. в мощный политический и экономический фактор международной жизни. В силу этого в руководящих общественно-экономических кругах Франции мысль об интервенции становится все более актуальной.

Параллельно этой информации представители Промышленной партии указывали, что, по их убеждению, интервенция является неизбежным фактом, с которым необходимо считаться всем политическим партиям С.С.С.Р., в том числе и Трудовой крестьянской партии.

Не помню, на том ли заседании или в каких-либо других встречах нас, т.е. членов Т.К.П., с представителями этой партии и другими политическими группировками вроде группы Громана-Суханова, нам сообщались вопросы возможности военной интервенции.

После информирования собравшихся по вопросу об интервенции Рамзин и Осадчий отвечали // на задаваемые им вопросы.

Второе совместное заседание центральных комитетов Т.К.П. и П.П. было посвящено вопросу об отношении двух наших партий к Красной Армии и к политической работе в ней.

Специальных докладов по этому поводу от Т.К.П. и П.П. не было, однако в ходе совместного обсуждения, мы, представители Т.К.П., изложили следующую точку зрения (по этим вопросам говорили Кондратьев, Рыбников, Макаров и я). Красная Армия является национальной армией — в силу этого мы не могли считать своей задачей ее разложение или снижение ее боевой мощи. Однако, считая необходимым иметь на случай кризисной конъюнктуры, то есть при анархии, массовых выступлениях и разложении государственного аппарата, что могло бы иметь место, как следствие общего народнохозяйственного политического кризиса в С.С.С.Р., массовую базу в Красной Армии. Трудовая крестьянская партия вела работу в территориальных частях, на курсах переподготовки комсостава и имела некоторые связи по военно-академической линии. Поскольку я вспоминаю, каких-либо конкретных материалов об этой области работы Т.К.П. мы представителям Промышленной партии на том заседании не сообщали. И, таким образом, излагали им свои общие установки. Представители П.П., кто именно точно не помню, сообщили нам на том же заседании, что Промышленная партия создает свои ячейки в узловых военно-политических центрах и научно-технических организациях, обслуживающих Красную Армию. Для проведения в жизнь своих // программных установок по расшатыванию боеспособности Красной Армии для того, чтобы в нужный момент, т. е. при интервенции, иметь свои боевые силы.

Представители Промпартии на том заседании точно также ничего конкретного не сообщали о своей работе в Красной Армии, в том смысле, что они не называли имен и воинских частей. Повторяю, что на том заседании в качестве представителей Промпартии были те же лица, о которых я говорил в начале своего показания.

Третье наше совместное заседание имело место в самом начале 1930 года в Госплане С.С.С.Р. Заседание это было созвано под видом какого-то согласительного заседания, на которое участники его были вызваны по телефону.

Из членов ЦК Промпартии на этом заседании были Л.К. Рамзин, Осадчий и Шенин. От ЦК Т.К.П. — Н.Д. Кондратьев, Н.П. Макаров, А.А. Рыбников (?) и я, А.В. Чаянов. Возможно, что кроме этих лиц на заседании были и другие члены Т.К.П.

Заседание это, так же, как и первые два, было созвано по инициативе Промпартии. Предметом обсуждения на этом заседании являлся

вопрос о состоянии деревни в связи с коллективизацией и раскулачиванием. Члены Центрального комитета Промпартии на этом заседании стремились получить от нас, как от представителей Трудовой крестьянской партии, возможно более широкую информацию о вероятности массовых крестьянских восстаний, и о нашем отношении к таковым.

По этому вопросу говорили Кондратьев, Макаров и я. Общий смысл наших выступлений сводился к следующему.

При создающейся ситуации в деревне на фоне коллективизации и раскулачивания мы считали вспышки массовых крестьянских восстаний вполне вероятными. В данный момент мы считали эти крестьянские восстания бесцельными и вредными потому, что всякие изолированные локальные восстания будут подавлены. К тому же крестьяне не имеют технических военных средств. Поэтому мы считали, что ничего, кроме кровопролития и разрушения материальных ценностей такие крестьянские восстания дать не могут. Поэтому Трудовая крестьянская партия в данное время организацию восстаний не включала в свою тактическую программу. Однако мы указали представителям Промпартии, что в случае кризисной конъюнктуры с возникновением гражданской войны Трудовая крестьянская партия будет поставлена перед необходимостью организации широкого массового крестьянского восстания, вплоть до вооруженной борьбы всеми имеющимися в ее распоряжении средствами. Учитывая вероятность такой конъюнктуры, Трудовая крестьянская партия стремилась к разворачиванию своих массовых связей с деревней, не придавая им явно политического и организационного характера, в частности, путем использования системы информации крестьян-опытников.

Указанные выше общие установки Т.К.П. по вопросу о крестьянских восстаниях ни в коей степени перечисленных выше членов Центрального комитета Промпартии, т.е. Рамзина, Осадчего и Шенина, не удовлетворяли.

Они заявляли нам, что с их точки зрения необходимо уже теперь стимулировать рост повстанческих настроений в деревне. Наряду с этим они выдвигали вопрос о необходимости применения террористических форм борьбы против руководителей хлебозаготовительных отрядов, комиссий по раскулачиванию и других местных представителей соввласти в деревне. Никаких конкретных решений на этом объединенном заседании принято не было, ввиду отмеченных выше расхождений Т.К.П. и П.П. по вопросам, связанным с крестьянским движением. Это заседание продолжалось примерно часа 1,5-2.

Показание записано с моих слов правильно и мне прочитано.

<Подпись>

А. Чаянов. 3. XI. [19]30

Допросил н[ачальник] 3-го от[деления] СО ОГПУ Славатинский

А. 132
 Протокол допроса Чайнова А.В. от 5. XI. [19]30

Допросил нач[альник] СО ПП ОГПУ по СВК Каплан.
 Я, А.В. Чайнов, на допросе у начальника СО ОГПУ П.П. Средне-
 волжской области т. Каплан[а] показал нижеследующее:

1). Мною, А.В. Чайновым, начиная с 1926 года в качестве директора Института с[ельско]х[оз]яйственной экономики производилось систематическое продвижение учеников своих, Макарова, Рыбникова и других товарищей по институту на провинциальные кафедры. Одной из целей этого продвижения было расширение круга лиц, проводящих в массы с[ельско]х[оз]яйственной интеллигенции нашу идеологию.

Среди этих учеников был и Г.А. Студенский, который долго не хотел ехать в провинцию, но которого в конце концов мы уговорили. Однако, убедившись, что в Самаре он сможет получить широкое поприще для образования собственного института и собственной школы, могущей конкурировать с московской группой, он начал крайне интенсивно работать, группируя вокруг себя молодежь и так создавая свою школу.

2). На получение Г.А. Студенским заграничных командировок ни я, ни мои товарищи появлять не могли, т.к. они имели местный самарский источник, и Г.А. Студенский пользовался им шире, чем любой из нас. Однако, для первой его поездки в Германию мною было сделано все, чтобы обеспечить ему полный успех и содействие. Мною были даны ему рекомендательные письма к Я. Маршаку, А. Сабошникову, проф. Аегероу, М. Sering[у] и др., составлен маршрут и указано все, чтобы изучить как крестьянские, так и капита//листические хозяйства. Помню, что именно эти поездки и наблюдение европейской жизни окончательно поставили его на рельсы буржуазной экономики, представителем которой являлась у нас школа Кондратьева. Для последующих поездок он уже не нуждался в рекомендациях с моей стороны.

3). В небольшом количестве моих личных бесед с Г.А. Студенским я слышал с его стороны чрезвычайно большой скептицизм в отношении методов социалист[ической] реконструкции земледелия, уверенность в превосходстве капиталистических американских методов работы. Он полагал, что исторически С.С.С.Р. будет вынужден перейти в той или иной форме к этой методе. Причем я не помню, чтобы он конкретизировал те формы политической смены, которые обеспечили бы этот переход.

4). Относительно участия Г.А. Студенского в партийной жизни Т.К.П. в Москве я могу показать очень мало, т.к. помимо его участия в первых собраниях руководящей группы партии я только смутно помню, что он присутствовал, примерно зимой 1928/29 года на некоторых собраниях в институте и Земплане, где обсуждались партийные дела, но с полной уверенностью утверждать это не могу.

Что же касается его работы в Самаре с группой "близких ему учеников", то, насколько я осведомлен, им велась так же работа, какая велась мною в НИИСХЭ по подготовке кадров идеологически близких Т.К.П., и велась весьма успешно.

«Подпись»

5. XI. [19]30. А. Чайнов. Москва

Допросил н[а]ч[альник] СО ПП ОГПУ СВК Д. Каплан

А. 133 «Протокол дополнительных показаний А.В. Чайнова 5 ноября 1930 г.»

Я, А.В. Чайнов, на допросе у нач[альника] СО П.П. ОГПУ Средней Волги т. Каплан[а] показал нижеследующее:

Г.А. Студенского я знаю со студенческих лет как очень талантливого и выдающегося юношу. Ближе я с ним познакомился, когда он сделался сотрудником Института с[ельско]х[оз]яйственной экономики и увлекся кругом неонароднических идей, которые он отстаивал во время моей заграничной командировки в 1922/23. По возвращении моем в Москву я пригласил его своим старшим ассистентом в Академию, в качестве которого он и работал. В это же время начался его отход от неонародничества в сторону Кондратьева, и наши отношения стали более сдержанными, и встречи реже, хотя мы продолжали видеться до 1930 года.

По основному типу его мирозерцания и мышления считаю Г.А. Студенского типичным представителем идеологии кондратьевской линии Т.К.П. Эту свою идеологию он стремился проводить в своей педагогической работе в Тимир[язевской] академии и в Самарском институте, в печати в С.С.С.Р. и за границей и в руководимом им Кинельском институте, в котором он организовал такую же работу по подготовке кадров крестьянского движения, которую я вел в И[нститу]те с[ельско]х[оз]яйственной экономики в Москве. Из его ближайших сотрудников у меня в Москве один раз был Киселев, который произвел на меня впечатление человека, вполне стоящего на базе своего учителя.

Во время своих наездов в Москву Ген[надий] Ал[ексеевич] Студенский вращался, по преимуществу, в кругах Т.К.П. (Жиркович, Чубаков и пр.) и не мог не знать о ее существовании и работе, тем более, что он был на первых собраниях, положивших начало самой партии в 1927 году. Поэтому в одном из своих первых показаний я указал, что в институте по линии Т.К.П. работал среди других также и Студенский. О том, какое точно организационное место он занимал в партии по Самаре, и насколько велика была его партийная осведомленность, я ничего сказать не могу. Мою личную связь с ним, хотя и спорадически, я уже отметил.

«Подпись»

А. Чайнов

P.S. К настоящему объему показаний постараюсь дать дополнительные данные, если что-либо вспомню.

Допросил н[а]ч[альник] СО ПП ОГПУ СВК Д. Каплан. 5 / XI. [19]30 г.

А 135 Протокол допроса профессора Чаянова Александра Васильевича от 24 / I [19]31 г.

Допросил н[а]чальник 3-го отд[еления] СО ОГПУ Славатинский.

Для обобщения своих прежних показаний я показываю следующее:

1.

а). Структура Т.К.П.

Общественное течение сельскохозяйственных кругов, оформившееся в последние годы в организацию Т.К.П., своими корнями восходит к 1917 году и даже к более ранним дореволюционным годам. Этот генезис определил собою в основных чертах и структуру Т.К.П. До революции, в первые ее годы, а в некоторых отраслях работы и в эпоху первых лет нэпа, существовали крепко спаянные долгими годами совместной работы группы руководящих работников, считавших руководимую ими работу своим делом, а созданные ими учреждения — своими детищами, построенными сообразно идеологическим установкам их руководителей. По мере развития революции и втягивания различных учреждений и отраслей работы в систему советских учреждений эти группы бывших руководителей постепенно оттеснялись с руководящих постов на исполнительскую работу, что особенно усилилось при переходе от восстановительного периода к реконструкционному.

Эти группы оставались, однако, в пределах тех учреждений и отраслей работы, где они некогда были руководителями дела и стремились в меру возможностей отстаивать свои позиции и направляли работу учреждений в сторону своих взглядов и программных положений. На почве этой борьбы происходила консолидация старых работников в особые группы, носящие уже более или менее организованный характер.

Таким образом сложились группы в области сельско[х]озяйственной кооперации, агрономии, сельско[х]озяйственного кредита, опытного дела, землеустройства и пр. С течением времени, по мере развития социалистического строительства, мелкобуржуазная идеология этих кругов все больше и больше расходилась с линией социалистического строительства, а сами группы объективно превращались в контрреволюционные организации. Этим историческим процессом основная структура Т.К.П. была объективно дана еще до ее формального зарождения.

В 1927—[19]28 годах в процессе работы центральных, областных

и губернских групп старых работников произошло их смыкание, и возникла сложная система Т.К.П., представляющая собой сохранившийся остов местных и центральных руководящих кадров дореволюционной и нэповской структуры сельско[х]озяйственных органов страны.

Местные периферийные группы были сконсолидированы областными руководящими группами, ставшими впоследствии областными комитетами, которые, в свою очередь, контактировали с центральными работниками и руководящим центральным комитетом Т.К.П.

Необходимо отметить, однако, что в значительной степени консолидация периферии шла не через области, а по непосредственным связям в пределах специальности: кооператоры — на центральную кооперативную ячейку союз[ных] союзов, земработники — на группу Наркомзема, землеустроители — на своих центральных работников и т. д. Поскольку я лично был мало связан с периферийной работой, я затрудняюсь дать полный разворот организационной схемы, т. к. сам был связан только с академическими кругами, ориентировавшимися на Институт сельско[х]озяйственной экономики, и, отчасти, с работниками опытного дела.

б). Контакты Т.К.П. с другими контрреволюционными организациями.

В своей работе, как по проведению своих программных установок, так равно и в подготовке борьбы за власть в случае наступления кризисной политической конъюнктуры ЦК Т.К.П. стремился установить в той или иной форме контакт с другими контрреволюционными течениями и группировками, работавшими в других областях народнохозяйственной и общественной жизни. Наиболее тесным этот контакт или даже блок был с группой Суханова—Громана, включившего в свой состав в значительной степени меньшевистские элементы. С этой группой нас связывали старые связи по Чупровскому обществу, работе Земского и Городского союза и, при незначительных принципиальных расхождениях, эта группа была наиболее тесно связана с Т.К.П., иногда почти сливаясь с ней. Наиболее тесно увязан с этой группой был Н.Д. Кондратьев, лично связанный с Громаном и Сухановым.

В значительно более далеких отношениях Т.К.П. стояла к Промпартии, которую от нас отделяли глубокие принципиальные отличия как в области программы, так равно и в тактике, что являлось различиями в природе классовой базы той и другой организации. Связь эта была начата контактом Н.Д. Кондратьева с Пальчинским и моими связями с Рамзиным и некоторыми другими членами Промпартии (Хренников, Ларичев и др.). Первоначально эти связи носили характер нащупывания индивидуальных программных положений, затем, после выявления больших принципиальных различий, они установились в форме посе-

щения мною в 1927 и 1928 годах в информационных целях собраний руководящей группы Промпартии и контактной работе особого объединенного центра, куда помимо представителей Промпартии от Т.К.П., входили Кондратьев и Макаров и, если не ошибаюсь, Громан от возглавляемой им группы. В 1928 и 1929 году этот контактный центр имел два или три заседания. В 1929 году, кроме того, по инициативе Промпартии имели место три контактных совместных заседания руководящих групп Т.К.П. и П.П., что знаменовало собой углубление контрреволюционности работы Т.К.П. Кроме того, имел место личный контакт членов Т.К.П. и Промпартии в процессе их совместной работы. Из других общественных групп, насколько мне приходилось слышать, в некоторых областных организациях был весьма тесный контакт с с-ровскими или бывшими с-ровскими работниками, но точных показаний по этому поводу я дать не могу.

По линии заграничных связей Т.К.П. была связана с наиболее близкой ей идеологически и политически левой эмигрантской группой Республиканского демократического блока, в частности, группами Кусковой, бывших кооперативных работников и левых кадетов. Эти связи поддерживались во время заграничных командировок членов Т.К.П., в частности, поездок Юровского, Садырина, Минина и моих. Контакт этот носил информационный характер и его ни в коем случае нельзя рассматривать как какое-либо руководство Т.К.П. со стороны эмигрантских центров. Наибольшее политическое значение имела поездка Юровского и его встреча с П.Н. Милюковым. Помимо этого, если не ошибаюсь, Н.Д. Кондратьев имел связи с С. Масловым в Праге.

Помимо указанных эмигрантских связей многие из нас имели личные связи с заграничными иностранными учеными и общественными деятелями. В этой области специальная работа производилась мною, для чего // мною, начиная с 1923, по 1924 год была развернута сеть около 60-80 постоянных корреспондентов во всех странах мира. Эти корреспонденты, являясь учеными агрономами-экономистами, в некоторой своей части были также и идеологами крестьянских движений своих странах (Э. Лаур в Швейцарии, Оже-Лариб во Франции, Брдли в Чехословакии, Боргедал в Норвегии, Танахаши в Японии и пр.), сообразно чему при соответствующей необходимости эти мои личные связи могли дать Т.К.П. опору общественного мнения с[ельско]х[оз]яйственных кругов заграничных стран. Считаю необходимым отметить, что эти связи совершенно не носили политического характера и только в отдельных случаях устанавливали некоторый идеологический контакт.

в). Периферия Т.К.П.

Из моего показания по первому пункту (а) ясен генезис периферийных ячеек Т.К.П., в состав которых помимо старых с[ельско]х[оз]

зайственных] работников инкорпорировалась идеологически близкая молодежь, бывшая в сфере влияния различных деятелей Т.К.П.

Насколько я могу себе представить, в состав периферии Т.К.П. входили идеологически чрезвычайно пестрые элементы и периферийные организации, объединявшие все слои так называемой дореволюционной с[ельско]х[оз]яйственной] общественности и включали в свой состав бывших с-ров, н-сов, кадетов, "кооператоров" и огромное количество лиц с расплывчатым, неопределенным политическим лицом. Этот большой разнородной обуславливал собою весьма широкий идеологический диапазон мнений и убеждений. В общем, была классовая мелкобуржуазная платформа от чисто фермерских установок [до] неонароднических кооперативных утопий. Поэтому следует считать, что всех этих людей Т.К.П. объединяла только на определенный исторический отрезок времени, и при возможности для них более широкого политического действия вся эта масса нашей периферии должна была резко дифференцироваться. Я мало знаком с деталями организационной структуры периферии: частью она была организована в группы при учреждениях. Приходилось слышать об организационных увязках в пятерки. Думаю, что формы организационной структуры были различны.

г). Состав областных организаций Т.К.П.

Областные организации Т.К.П. к моменту ее ликвидации находились в разных формах организационного разворота. Мне известно о существовании крупных организаций в Центрально-Черноземной области, на Украине, на Северном Кавказе, в Ленинградской области. Были группы Т.К.П. в Нижнем Новгороде и Самаре.

В состав областной руководящей организации, как я могу судить по более знакомой мне через А.М. Минина воронежской организации, входили центральные работники об[ластных] з[емельных] у[правлений], секций губ[ла]нов, крупных с[ельско]х[оз]яйственных учреждений вроде с[ельско]х[оз]яйственных вузов и опытных станций. Из работников областных организаций я лично имел связи по Воронежу с А.Н. Шениным и Лещевым, по Украине с Тумановским и Коротковым, по Ленинграду с Кузьминым, по Самаре со Студенским, знаю, что в Нижнем Новгороде работал Лотошников. Наиболее тесная увязка // в виде личных встреч раза 2-3 в год была с А.Н. Мининым. Думаю, что о личном составе более подробные сведения могут дать Кондратьев, Макаров и Тейтель, т. к. связи областей шли по линии Наркомзема.

д). Установки ЦК Т.К.П. на интервенцию.

В разные фазы развития Т.К.П. отношение ее руководящих кругов к интервенции было неодинаково. В общем и целом ЦК Т.К.П. не мог считать интервенцию "своим" методом политической борьбы. Помимо принципиальных соображений национального порядка, опыт интервен-

ции 1918—[19]20 годов (из членов ЦК Т.К.П. в эту эпоху никто не примыкал к интервенционным течениям) показал всю бессмысленность этого метода политической борьбы, тяжкие последствия ее для страны и политических группировок демократического типа. Удавшаяся интервенция означала бы для крестьянства ликвидацию всех его революционных завоеваний, а для Т.К.П. — жалкое положение "туземной демократической декорации" для международных капиталистических акул. Так же Промпартия в случае удавшейся интервенции расправилась бы с нами не хуже, чем Цанков со Стамбульским. Все это было нам отчетливо ясно, и мы не имели никакого стимула делать ставку на интервенцию.

Однако зимой 1928/29 года сообразно информации, получаемой нами от группы Суханова—Громана и Промпартии, ЦК Т.К.П. вынужден был считаться с тем, что не интервенция даже, а подлинная война с Польшей и ее союзниками может в ближайшее время стать реальным фактом, и одной из задач этой войны со стороны капиталистических кругов будет свержение Советской власти. Сознание этой возможности заставляло нас определить наше отношение к этому факту. Хотя военное поражение Красной Армии мы считали маловероятным, но все-таки должны были предвидеть и эту возможность и считаться с тем обстоятельством, что в результате военного поражения в стране может сложиться политическая конъюнктура, близкая конъюнктуре 1917/18 года, и тогда для того, чтобы обеспечить себе роль политического фактора, Т.К.П. должна была превратиться из интеллигентской партии в массовую, органически связанную с крестьянским активом. Соответствующая установка и была нами принята.

Зимой 1929/30 года под влиянием политической конъюнктуры в деревне, создавшейся в результате хлебозаготовок, коллективизации и раскулачивания, нам стало казаться, что в случае параллельного народнохозяйственного кризиса, который мы ошибочно считали почти неизбежным, и военным выступлением Польши и ее союзников наступление общего политического кризиса является почти непредотвратимым. А это, в случае военного поражения, приводило к кризисному состоянию, разложению Красной Армии, хаосу, стихийным крестьянским восстаниям и кризисной конъюнктуре, подобной [конъюнктуре] 1917/18 года.

Принимая все это, а следовательно, и военное наступление как неотвратимый факт, мы сочли необходимым признать, что Т.К.П. может быть поставлена в условия, когда она будет вынуждена возглавить стихийное повстанческое движение крестьян, если таковое возникнет в условиях описанной конъюнктуры и в общем признать необходимость готовиться // к активным политическим действиям до организа-

ции вооруженной борьбы включительно. При этом не исключалась возможность, что исторически сложится такая политическая конъюнктура, при которой Т.К.П. впоследствии придется вести вооруженную борьбу с интервентами.

Говоря иначе, ЦК Т.К.П. имел установку не на интервенцию как таковую, которая в случае своего успеха приводила Т.К.П. к тем печальным последствиям, которые изложены мною в начале показания, а установку на то кризисное политическое состояние в стране, наступление которого мы считали почти непредотвратимым в результате выявления ряда ожидавшихся нами факторов, а в том числе и военного наступления Польши в случае его успеха.

Однако и эта позиция, несомненно, должна быть признана глубоко контрреволюционной и преступной.

Должен в то же время отметить, что обсуждение этих вопросов и всякие наметки в этой области всегда были крайне неуверенны и противоречивы, и мое изложение стремится выявить ту равнодействующую, которая соответствовала состоянию умов зимы 1929/30 года. Считаю необходимым отметить, что для меня остается совершенно неожиданным, что фактическое начало военных действий раскололо бы ряды Т.К.П., и значительная часть наших кадров, в силу хотя бы просто национальных побуждений, всегда свойственных мелкобуржуазным кругам, стала бы с исключительной активностью бороться до конца с иноземным нашествием.

Последовавшее вскоре известное выступление Сталина, смягчив агрессивное настроение деревни, привело к значительному спаду описанных "пораженческих", если можно так выразиться, настроений Т.К.П.

е). Установки ЦК Т.К.П. на повстанчество.

Вопрос об отношении к крестьянским восстаниям вставал перед ЦК Т.К.П. неоднократно, и всегда ЦК Т.К.П. считал крайне вредным всякие стихийные вспышки крестьянских восстаний, связанных с хлебозаготовками и другими нажимами на деревню, т.к. при отсутствии всяких военно-технических средств у крестьянства они неизбежно приведут к жестокому подавлению их и бесполезному уничтожению крестьянского актива даже в том случае, если бы эти восстания захватили значительный район. Вообще-нам казалось, что при нормальном действии государственного аппарата С.С.С.Р. и подавляющих военно-технических средствах, бывших в его распоряжении, такие крестьянские восстания являются бессмысленными.

Однако, когда перед нами встала реальная возможность наступления кризисного состояния и необходимость для Т.К.П. задуматься над организацией открытого политического выступления до вооруженной

борьбы включительно, вопрос о крестьянском движении и его повстанческих формах естественно стал на очередь.

ЦК Т.К.П. отлично понимал, конечно, что исторически Т.К.П. может не столько организовать крестьянские восстания, сколько при соответствующей политической конъюнктуре возглавить стихийное повстанческое движение и придать ему организованные формы.

Ставя перед собою задачу превращения Т.К.П. в массовую партию, мы предвидели, что в будущем некоторые из его крестьянских ячеек будут, при соответствующей политической конъюнктуре, превращаться в повстанческие группы и сделаются центрами кристаллизации повстанческих движений.

л. 137 об.

Для нас наиболее сложным и трудноопределяемым являлся вопрос о моменте возможного начала повстанческого движения.

Среди местных работников существовало мнение, что Т.К.П. при наступлении кризисной конъюнктуры должна поддержать всякое стихийно возникающее повстанческое движение, если оно будет иметь шансы на успех. В январе 1930 года настроение деревни многим казалось таковым, что в случае начала войны можно было ожидать взрыв стихийных восстаний в момент мобилизации. Высказывались также мнения, что резкое кризисное состояние может наступить при первых же поражениях Красной Армии, и стихийное массовое повстанческое движение сможет углубить этот кризис.

Однако, состояние массовой организации Т.К.П. и объективная обстановка единственно исторически возможным вариантом делали выступление уже в момент полного разворота кризиса, т. е. только в условиях аналогичной политической и военной конъюнктуры 1917—[19]18 годов и только при разложении Красной Армии становилось возможным массовое вооружение повстанческих частей за счет армейских запасов и пополнение их за счет кадров самой Красной Армии.

Всякое преждевременное выступление имело сомнительный успех в смысле усиления кризиса, неизбежно приводило [бы] к гибели крестьянского актива и самой Т.К.П.

ж). *Практическая контрреволюционная деятельность Т.К.П.*

1). Подготовка кадров, идеологически стоящих на платформе Т.К.П., велась членами Т.К.П., работавшими в научных институтах, в с[ельско]х[озяйственных] вузах и техникумах. Так, например, Дояренко и Фабрикант вели эту работу в ТСХА, Тумановский — в Харькове, Студенский — в Самаре, Кондратьев, Макаров и я, А. Чаянов, — в руководимом мною Институте с[ельско]х[озяйственной] экономики и т. д.

Мне ближе всего знакома работа по подготовке профессорских кадров, бывшая моей главной партийной работой и совершавшаяся в порядке работы в аспирантуре Института с[ельско]х[озяйственной]

экономии. В результате этой работы, которую вели с различными группами аспирантов помимо меня также Кондратьев, Макаров, Рыбников, Фабрикант и другие члены и [институ]та, нами были продвинуты на кафедры провинциальных вузов: Студенский — в Самару, Жиркович — в Москву, Строгий — в Баку, Конюков — в Краснодар, Тумановский — в Харьков, Горенский — в Минск. В предыдущем мною даны исчерпывающие подробные показания о методах и формах этой борьбы.

2). Извращение генеральной линии советской политики, могущее считаться вредительством, хотя оно и не принимало формы материального вредительства в тесном смысле этого слова, совершалось по служебной линии различными ячейками и связанными с ними контрреволюционными организациями, стремящимися провести свои установки в деятельности этих учреждений, наиболее крупные из известных таковых извращений имели место: 1) в системе с[ельско]х[озяйственного] кредита, где систематически нарушалась классовая линия кредитования; 2) в системе с[ельско]х[озяйственной] кооперации, где, как например в маслодельной кооперации, работа ориентировалась на многокоронные слои крестьянства, и многие из кредитов направлялись не по тому политическому руслу, на которое они были отпущены; 3) в планирующей работе Земплана Наркомзема Р.С.Ф.С.Р., // выразившейся во многих случаях (засушливые кредиты⁵⁸, племенное дело, семеноводство и др.) в выдвигании индивидуального частного сектора сельского хозяйства; 4) в направлении научной работы опытных станций в сторону разработки и проблем важных по преимуществу для организации индивидуальных и более сильных хозяйств; 5) в землеустройстве, где, например в западных губерниях, проводились хуторские тенденции; 6) в разработке вопросов политики цен, стремящейся увеличить доходы частного товаропроизводителя.

Во всех этих случаях работа производилась или ячейками Т.К.П. соответствующих учреждений или примыкающими специальными дочерними организациями, напр[имер] в землеустройстве и кооперации. В некоторых случаях, напр[имер] политике цен и других, вопросы обсуждались на заседаниях ЦК Т.К.П.

3). Формирование повстанческих групп представляло собою одну из последних фаз развертывания массовой организации Т.К.П. Работники Т.К.П., работавшие в опытном деле, агрономии и с[ельско]х[озяйственных] кооперативах, имевшие возможность по роду своей деятельности иметь связи с крестьянами-опытниками, кооперативным крестьянским активом и пр., стремились, согласно данной им директиве, завязывать по стержню своей агрономической и кооперативной работы личные связи с наиболее активными крестьянами. По мере укрепления и выверки этих связей намечалось переводить эти связи с чисто агро-

номических в идеологические, а затем образовывать активно-политические крестьянские группы. Некоторым из последних активно-политических групп предполагалось придать значение повстанческих групп.

Насколько мне известно, в большинстве районов эта работа только еще начиналась, и как будто бы они наиболее активно развертывались на Украине и Кубани. Главнейшим препятствием к формированию будущих ячеек, могущих развернуться при наступлении кризисной конъюнктуры в повстанческие группы, являлась почти полная невозможность сколько-нибудь массового снабжения оружием. Количество скрытого оружия, оставшегося у населения после гражданской войны, было немного и только в районах бывшей территории гражданской войны, а других источников оружия в условиях нормальной жизни страны у Т.К.П. не было. Поэтому приходилось ограничиться подготовкой людских кадров. Помню разговоры о руководящем на местах командном составе. О количественном размахе работы на местах ничего сообщить не могу. Не думаю, чтобы они были значительны, т.к. работа только ставилась на очередь.

А. 138 об.

4). О военной работе Т.К.П. я могу сообщить: не ставя перед собой задачи разложения Красной Армии, ЦК Т.К.П. считал необходимым иметь связи в красноармейских кругах. Такие связи намечались прежде всего по линии военно-академической, причем при обсуждении этого вопроса назывались имена, между прочим, Верховского и Свечина; были ли они втянуты в работу Т.К.П., категорически утверждать не берусь. Кроме того, насколько мне известно, военные связи были у В.В. Шера, с которым ЦК Т.К.П. поддерживал контакт. Я не могу также отрицать военных // связей у Рыбникова, но лично мне они не известны. Кроме этого, работники Т.К.П. в областных и периферийных организациях вели работу на курсах по переподготовке комсостава и на курсах в тех частях и получали возможность завязывать и там личные связи.

II.

Подводя итоги работы Т.К.П. и моего личного в них участия, я признаю себя виновным:

1. В том, что я состоял членом Центрального комитета Трудовой крестьянской партии, ставившей своей задачей борьбу с генеральной линией социалистического строительства и, при условии наступления соответствующей политической конъюнктуры, свержение Советской власти и замену ее демократической республикой.

Мои идеологические и принципиальные расхождения с Кондратьевым и другими членами ЦК ни в коем случае не снимают с меня ответственности за всю деятельность ЦК Т.К.П. в целом, поскольку я не отошел от своего участия в нем и от контрреволюционной работы по

его поручению.

2. В том, что я в качестве директора Института с[ельско]х[озяйственной] экономии работал лично и организовал работу других членов Т.К.П. по подготовке профессорских и ученых кадров, стоящих на идеологической и политической платформе Т.К.П., и содействовал размещению их по вузам и научным институтам.

3. В том, что я в качестве директора Института с[ельско]х[озяйственной] экономии использовал аппарат института для завязывания международных связей с рядом академических деятелей, являющихся в то же время идеологами крестьянского движения своих стран и тем подготовая для Т.К.П. поддержку общественного мнения с[ельско]х[озяйственных] кругов Европы и других стран.

4. В том, что я стоял на базе неонародничества, вел до 1928 года широкую идеологическую борьбу против идей генеральной линии с[ельско]х[озяйственной] политики соц[иалистического] строительства не только в С.С.С.Р., но и, путем издания своих книг и статей, в Германии, Японии и САСШ.

5. В том, что я во время своей поездки за границу в 1927 году входил в сношения с эмигрантами, входящими в состав Республиканского демократического блока (Осоргиным, Ленской, Стенцел[ем] и Мокеевым).

А. 139

6. В том, что, принимая участие в 1926—[19]28 годах в разработке пятилетнего плана работ опытного дела Р.С.Ф.С.Р., я разрабатывал экономические основы районных программ, ориентировался исключительно на индивидуальный // сектор сельского хозяйства, совершенно игнорируя его социалистический сектор, и провел этот план, совместно с другими членами Т.К.П., через правит[ельственные] органы.

7. В том, что в ряде работ, сделанных по поручению хозорганов, я в области политики цен на с[ельско]х[озяйственную] продукты (хлопок, сах[арная] свекла) стремился, правда безрезультатно, увеличить доход индивидуальных товаропроизводителей, поддерживая принцип восстановительных цен и неприкосновенности уровня благосостояния крестьянских потребителей.

8. И, наконец, в самом тяжком своем преступлении — в поддержании по поручению ЦК связей Т.К.П. с Промпартией в большей мере, чем кто-либо другой из членов ЦК Т.К.П.

Эти свои действия я считаю, в условиях строительства социализма и мировой борьбы трудящихся против капитализма, тяжким преступлением, достойным тяжчайшей кары.

Я не считаю возможным приводить какие-либо смягчающие мою вину обстоятельства, т.к. ничто не может служить смягчающим обстоятельством этому преступлению.

Поэтому единственным основанием для моей просьбы о помилова-

нии, помимо моего глубочайшего раскаяния, может служить моя искренняя уверенность в том, что я не являюсь непоправимым врагом социалистической революции и чувствую себя в силах принести пользу делу социалистического строительства.

За последние месяцы перед арестом мое личное ознакомление с методами крупного социалистического хозяйства убедило меня в том, что мелкое крестьянское хозяйство, изучению и защите которого я отдал всю свою жизнь, в ближайшее десятилетие обречено на гибель. А это вырывает из-под моих ног все те идеологические основы, на которых я стоял всю свою жизнь, и во имя которых я вел свою преступную работу.

Несомненно, тот факт, что я и при наличии этого сознания продолжал свое участие в контрреволюционной работе, еще более углубляет тяжесть моей вины.

Однако этот объективный крах идеологических основ моей жизни в то же время дает мне уверенность в том, что я смог бы тем более искренне принимать участие в строительстве социалистического хозяйства.

Мой многолетний опыт научной творческой работы и, наконец, те обширные объективно полезные работы, которые мною уже были сделаны для социалистического земледелия, позволяют мне просить о помиловании и обещать, // что в том случае, если я буду возвращен к жизни и работе, всю свою энергию, все свои знания и все свои силы отдать социалистическому земледелию и тем искупить те тяжкие преступления, которые совершены мною против пролетарского государства.

<Подпись>

А. Чаянов

Допр[осил] н[ачальни]к 3-го отд[еления] СО ОГПУ Славатинский

24. I. [19]31 г.

Разослано " " / I [19]31 г.

1. тов. Менжинскому,	4. тов. Евдокимову,
2. " Ягоде,	5. " Агранову,
3. " Мессингу,	6. " Прокофьеву.

<Письмо А.В. Чаянова от 27 января 1931 г.>

Секр[етный] отд[ел], А.С. Славатинскому.

Уважаемый Александр Сергеевич!

Прошу Вас о трех вещах:

1). Во избежание недоразумения вставить в 4-й пункт декларационной части моего сводного показания, где говорится о книгах и статьях за границей, после слов "книги и статьи" слова "неонароднического содержания". Иначе можно подумать, что я в них вел прямую критику советской политики и ее идей, чего не было.

2). Прочсть прилагаемое большое письмо, посвященное вопросу, возможное недоразумение в котором для меня особенно было бы тягостно.

3). Если Вы не отказываете мне в свидании с матерью, о чем еще раз прошу, передайте ей, чтобы она принесла на свидание для меня карту Москов[ской] губ[ернии], дабы мог я кончить свои работы по топографии Москвы (т. 3-59-52, Е.К. Чаянова).

<Подпись>

Ваш А. Чаянов

27. I. [19]31

<Второе письмо А.В. Чаянова от 27 января 1931 г.>

Секретный отдел ОГПУ, А.С. Славатинскому.

Уважаемый Александр Сергеевич!

Я позволяю себе написать Вам это письмо для того, чтобы у Вас не было сомнений в категоричности моего отказа от неонароднических позиций. Этим я не хочу выдвигать для себя смягчающих обстоятельств, т.к., по моему мнению, потеря идеологического базиса углубляет для меня, а не облегчает мою вину. Я пишу для того, чтобы показать, что мои напряженные работы по совхозному строительству были не маскировкой, а попыткой после полного идеологического, научного и политического краха найти себе место в жизни.

1). Прежде всего, когда хотят маскироваться, то пишут декларации или письма в редакцию, а не создают путем многомесячного труда капитальные научные исследования, разрушающие до основания старые теории автора и объективно являющиеся этапом в литературе данной научной специальности.

Моя книга "Организация крупного хозяйства эпохи социалистической реконструкции земледелия" как раз и является таким капитальным трудом (520 с.) — первым и пока единственным в международной литературе о крупном механизированном хозяйстве вообще и социалистическом в частности.

Возможно, что в нем есть ошибки, пусть даже извращения идей совхозного строительства, но все же совершенно очевидно, что ее автор не может стоять на позициях неонародничества.

2). В 1930 году мною выпущена книга об оптимальных размерах хозяйства и в Японии японский перевод моей немецкой книги "Sozial-agronomie"; и та, и другая содержат обширные главы о подавляющем преимуществе крупного социалистического хозяйства. Это сделано в странах, где изданы переводы всех моих крупнейших неонароднических работ, где имеется ряд крупных работ о моих теориях (Скальвайт, Курт Риттер, Танахаши и пр.), где мои теории излагаются в университетских курсах (Оппенгеймер).

Опубликование моих новых книг там — это сжигание в международном масштабе всех неонароднических кораблей. Я бы мог предъявить Вам письмо моего немецкого редактора Шломмера, тщетно протестовавшего против этого.

3). В этом же году в своей переписке с Оксфордским университетом в Англии, в копиях, хранящихся в Институте крупного хозяйства, я говорил о значении колхозов в С.С.С.Р., доказывал и доказал, что дни мелкого крестьянского хозяйства сочтены, и оно будет заменено крупным — или капиталистическим, или социалистическим. Мои письма обсуждались в руководящих с[ельско]х[озяйственных] кругах Англии и, по сообщению проф. Орвина, предполагались к опубликованию в выдержках.

4). Мои наиболее яркие три статьи о совхозах Зернотреста опубликованы в "Соцземледелии" под псевдонимом, что вряд ли могло быть сделано, если бы я стремился афишировать свой разрыв с неонародничеством.

5). Наконец, Вы можете взять у моей бывшей жены, если она их сохранила, те письма, которые я писал ей с совхозов Зернотреста. Нужно быть чудовищем лицемерия, чтобы писать такие письма, не веря в торжество идеи крупного механизированного хозяйства.

Ведь это же все факты, Александр Сергеевич, но я уже не говорю о десятках // других, которые не столь очевидны, конечно.

Теперь еще об одном. Конечно я не могу и не хочу смягчать свою вину указанием на то, что у меня не было времени для контрреволюционной работы. В данном случае не во времени дело. Но вот для суждения о степени осведомленности моей в делах Т.К.П. необходимо принять во внимание и время, которое я мог затрачивать на связи с ней.

Баланс моего времени, начиная с весны 1929 года по день ареста, можно примерно следующим образом исчислить в 10-часовых рабочих днях, принимая, что один печатный лист оригинальной работы по новым материалам требует при всей технике минимум 40 часов, а сводный печатный лист — 20 часов.

Написанные за это время книги	Число листов	Затрата на 1 лист в 10-часов[ых] раб[очих] днях	Всего дней (10-часовых)
"Организация крупного хозяйства"	33	4	132
(Тройная корректура книги)	33	0.5	16
"Топография г. Москвы"	10	4	40
"Справочник формул и расчетных таблиц для крупных			

хозяйств"	8	2	16
"Организация территории крупного хозяйства" (новый текст в них)	3	4	12
Оргплан совхозов "Миальцы" и "Сормовский пролетарий", моя личная работа в них	10	2	20
В газетных и журнальных стат[ьях]	4	2	8
"Методика эскизного проектирования зерносовхозов и их учет"	6	4	24
Отчет Зернотреста	3	2	6

[Итого]			274
Поездка по совхозам Зернотреста			15
Лекции: 3 курса по 10 лекций, считая с подготовкой по 5 ч. на лекцию			25
Работа в И[нститу]те крупного хозяйства вместе с поездками туда в течение min. 120 физических дней			60
Всего десятичасовых дней			374

Говоря иначе, на Зернотрест, отдых и всю Т.К.П. 40-50 дней, из которых на Т.К.П. пошло совсем немного. Все это, конечно, нисколько не уменьшает моей вины по линии ЦК Т.К.П. и связей с Промпартией, но все же для суждения о моей деятельности все это надо принять во внимание.

Я повторяю, что не хочу никоим образом смазывать приведенным материалом свою ответственность, но мне кажется, что при анализе следственного материала он может способствовать пониманию моей деятельности в целом, почему я и решил его вам направить.

<Подпись>

Ваш А. Чаянов
27. I. [19]31

<Письмо А.В. Чаянова, дата не указана>

Начальнику III отд[еления] СО ОГПУ А.С. Славатинскому.

Уважаемый Александр Сергеевич!

Во время нашей последней встречи 23.I.[19]31 Вы сообщили мне,

что прекращение свиданий для меня вызвано исключительно общим для всех распоряжением по внутренней тюрьме. 20.II.1931 г. уже в Бутырьках т. Сидоров мне сообщил, что с переводом меня в Бутырки свидания мне будут разрешены.

На основании всего этого я позволяю себе просить Вас дать мне свидание с моей матерью Е.К. Чаяновой, а т.к. она сама за старостью лет не может проявить какую-либо активность, очень прошу не отказывать уведомить ее (по телефону) 3-59-52 или по адресу: ул. Воровского, Хлебный пер. д. 9, кв. Верховинцевых), что свидание разрешено и [указать] место, где она может получить пропуск. Очень прошу об этом. Мне сейчас очень плохо, Александр Сергеевич. Единственная моральная поддержка, которая для меня возможна, это видеть мать и услышать о детях, о которых я ничего не знаю уже более 3-х месяцев.

Хотелось бы мне также дать несколько указаний для того, чтобы было собрано и не пропало то огромное научное наследство, которое осталось от моей прошлой жизни.

<Подпись>

Ваш А. Чаянов.

P.S. Был бы безгранично благодарен Вам за разрешение работать в камере и получать из дома книги при передачах, как это было во внутренней тюрьме.

л. 160

Протокол допроса профессора Чаянова Александра Васильевича от 21 / II [19]31 г.

Допросил ст[арший] уполном[оченный] 3 СО ОГПУ Фильченков.

Заведующий экономическим отделом Ново-Зыбковской областной опытной станции Сем[ен] Дан[илович] Семенов известен мне по его докладу о работах Ново-Зыбковской опытной станции в области хронометража трудовых процессов крестьянских хозяйств, сделанному им в Институте с[ельско]х[оз]яйственной экономии на заседании под моим председательством при организации отдела труда и [нситу]та в 1929/30 году. Доклад оставил у всех присутствующих очень хорошее впечатление, и предполагалось привлечь С.Д. Семенова к постоянной работе в институте. До этого мне приходилось встречать С.Д. Семенова на различных совещаниях экономистов-опытников и иметь с ним несколько бесед. По всем вероятностям, во время этих бесед мною давались ему методические указания, отражавшие мои неонароднические установки, бывшие одной из идеологических ветвей идеологии Т.К.П.

Насколько я себе представляю, идеологический С. Семенов был близок к идеологическим установкам агрономических кругов периферии Т.К.П. Однако, мне совершенно неизвестно, был ли он организационно увязан с каким-либо из центров Т.К.П., кроме идеологической увязки со

мною, принимавшим большое участие в руководстве экономическими отделами опытных станций.

<Подпись>

А. Чаянов

Допросил ст[арший] уполном[оченный] 3 СО ОГПУ Фильченков

Протокол допроса профессора Чаянова Александра Васильевича от 3 / III 31 г.

Допросил ст[арший] уполном[оченный] 3 отд[еления] СО ОГПУ Фильченков.

Иван Дионисович Лопатин мне был известен еще в бытность его студентом, затем мне приходилось его встречать в бытность его курским губернским агрономом. Под моим руководством им выполнены исследования о предельных (минимальных) площадях, на которых могут работать рентабельно различные с[ельско]х[оз]яйственные машины. В 1925 году у него создались недоразумения в Курске, и он приехал в Москву в поисках работы. Зная его по его ученым работам и по его хорошей репутации губ[ернского] агронома, сохранившего старые земские традиции, я пригласил его ученым секретарем Института с[ельско]х[оз]яйственной экономии и своим ассистентом, дав для увеличения его оклада ему сдельную нагрузку исследовательской работы.

В этой форме сотрудничества он работал со мной в 1925—1926 год[ах] (может быть и часть 1927 года), после чего у нас начались трения на почве, с одной стороны, его невнимательного отношения к своим обязанностям по институту, вызванным его многочисленными совместительствами (РКИ и пр.) и тем, что часто он брался за работу, которую по своей подготовке он не мог выполнять, благодаря чему работу пришлось переделать (возможно, что в этом частью и моя вина, т.к. я поручал ему работу, не проверив его знаний).

В дальнейшем он ушел из института, но остался моим ассистентом, сохраняя в своей работе полную автономию. Наши отношения становились все более и более напряженными, и в 1928 и 1929 годах он вступил в близкое сотрудничество с В.Н. Лубяко, добился выделения для него особой кафедры счетоводства, а затем, составляя учебные планы 1929 года, перевел к себе и с[ельско]х[оз]яйственную таксацию.

Эти напряженные отношения за 3 последние года, в которых возможно виноват и я, заставляют меня быть осторожным в характеристике Лопатина, дабы не проявить пристрастность, полагая его хорошим, но очень самонадеянным академическим работником, к земско-агрономическому облику // которого примешивается несколько деляческий элемент. Необходимость иметь сравнительно высокий семейный бюджет толкает его на совместительства и заставляет разбрасы-

л. 163 об.

ваться. Думаю, что в крепких и твердых руках он может хорошо работать, хотя ждать от него увлечения работой как таковой, по-моему, не приходится. Впрочем, я могу и ошибаться.

В последние годы он работал в теснейшем контакте с В.Н. Лубяко, и я думаю, что к Лубяко и следует обратиться за его характеристикой.

<Подпись>

А. Чайнов

Допросил ст[арший] упол[номоченный] 3 отд[еления] СО ОГПУ
Фильченков

А. 164

<Письмо А.В. Чайнова, дата не указана>

Пом[ощнику] начальн[ика] III отд[еления] СО ОГПУ т. Сидорову.

Уважаемый товарищ!

В дополнение к моим устным просьбам 18.II.[19]31 настоящим сообщая:

1. Наиболее активной формой моей работы, о которой я Вас просил, могла бы быть разработка методики промышленного проектирования оргплана одного из совхозов ОГПУ. Если это несвоевременно, то я мог бы продолжить свою работу о южном интенсивном хозяйстве, четыре главы которой я написал во внутренней тюрьме.

2. По затронутому Вами вопросу о перемене моего компаньона по камере я должен, конечно, признать, что мне, говоря по правде, очень тяжело жить с моим соседом в его теперешнем состоянии и, если Вы действительно можете посадить меня с человеком не из инженерно-технической среды, а главное, более бодрым и не раздавленным судьбой, я был бы Вам несказанно благодарен.

3. Главным же для меня остается свидание с матерью Еленой Константиновной Чайновой (т. 3-54-52). Я скоро три месяца без свиданий и ничего не знаю о детях и семье. Поэтому очень бы просил по возможности ускорить выдачу обещанного Вами разрешения на свидания и передачи.

<Подпись>

Ваш А. Чайнов

P.S. Прогулки я уже получил, книги, наверное, получу на днях, большое спасибо.

А. 165

<Письмо А.В. Чайнова от 30 апреля 1931 г.>

Крайне срочно.

2-е отделение СПО ОГПУ, Д.С. Фильченкову.

Уважаемый Дмитрий Сергеевич! Мне всегда бывает несколько сложно обращаться к Вам с просьбами, но я настолько был взволнован и растерян Вашим сообщением о разговоре Вашем с моей женой, что у

меня как-то из головы выпало то самое существенное и важное, о чем хотел я говорить с Вами 25.IV.[19]31 и для чего просил о вызове.

Дело идет о возможности для меня в будущем в Европе и Америке выступать с защитой принципов социалистич[еского] земледелия. Для успеха этой работы, начатой мною в 1930 году, у меня достаточно крупное научное имя на Западе. Необходимо только, чтобы эти мои будущие выступления не обвинялись бы в том, что они являются вынужденными. А для этого достаточно сейчас отметить, что я разорвал с неонародничеством в начале 1929 года.

По этому поводу мною написано подробно мотивированное заявление, и я очень прошу Вас при первой возможности, когда Вы или кто-либо из Ваших сотоварищей будут в Бутырках, вызвать меня для передачи его.

Позволяю себе дальше сообщить Вам, что при обратной переброске меня в Бутырки мне не возвратили из конторы внутренней тюрьмы ни рукописей, ни книг, ни детских писем и даже ничего из взятых вещей (ком[ната] № 1282), и я очутился в Бутырках без передач пищевых и даже денежных. Если к этому прибавить Ваше сообщение о моей жене⁵⁹ и то, что обещанное Вами на 28.IV.[19]31 свидание не состоялось, то Вы легко поймете, что мое моральное равновесие, с таким трудом восстановленное, рассеялось, как дым, и я после тяжелого обморока 29.IV.[19]31 вернулся почти к своему февральскому состоянию и впал в какое-то безотчетное отчаяние. Поэтому прямо умоляю Вас дать мне в возможно ближайшее время обещанное свидание с матерью и, если это политически возможно, и она согласится, с женой.

У меня больше нет никаких сил, и я как о милости прошу Вас об этом всем.

Простите меня, дорогой Дмитрий Сергеевич, но я дошел психически до последней черты. Помогите мне.

<Подпись>

Ваш А. Чайнов. 30. IV. [19]31

А. 166

Постановление

1931 г. апреля 6 дня уполномоченный 2-го отд[еления] СПО ОГПУ Соловьев, рассмотрев следственный материал по делу № 102 735, нашел, что гр[ажданин] Чайнов Александр Васильевич материалами следственного производства и собственным признанием изобличается как участник контрреволюционной нелегальной организации, именовавшейся "Трудовая крестьянская партия" и ставившей своей целью свержение Советской власти и замену ее буржуазной республикой.

В соответствии с общими установками Т.К.П. Чайнов принимал участие во вредительской деятельности Т.К.П. и в ее деятельности, направленной к подготовке интервенции.

По собственному признанию Чаянова, он являлся членом Центрального комитета Т.К.П. и осуществлял руководство деятельностью всей организации.

Из вышеизложенного устанавливается, что гр[аждани]н Чаянов А.В. достаточно изобличается в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58/11, 58/7 и 58/4 УК, а потому на основании 128 ст. У.П.К. постановил: гр[аждани]на Чаянова А.В. привлечь в качестве обвиняемого по 58/11, 58/4, 58/7 ст.ст. УК.

Уполномоченный 2 отд[еления] СПО ОГПУ Соловьев.

Согласен: п[омощник] нач[альника] 2 отд[еления] СПО ОГПУ Славинский.

Утверждаю: зам[еститель] нач[альника] СПО ОГПУ Запорожец.

Настоящее постановление мне объявлено.

Подпись:

А. Чаянов.

А. 167

<Письмо А.В. Чаянова от 18 апреля 1931 г.>

2 отделение СПО ОГПУ.

С[таршему] у[полномоченному] Д.С. Фильченкову.

Уважаемый Дмитрий Сергеевич!

Обращаюсь к Вам с двумя просьбами:

1). Моя работа о водном хозяйстве социалистического земледелия в ее теоретической части, которая могла быть сделана без материалов, закончена целиком.

Мне не хотелось бы терять творческую инерцию работы, особенно чему прошу Вас в первый Ваш заезд в Бутырки вызвать меня хотя бы на 5 минут, чтобы я мог уговориться с Вами о ее продолжении и передать Вам уже переписанную набело рукопись.

2). Кроме того, я очень прошу Вас дать мне очередное свидание с матерью (Еленой Константиновной Чаяновой, т. 3-59-52, адр[ес]: ул. Воровского, Хлебный пер., 9).

В связи с наступлением лета мне хочется принять хотя бы маленькое участие в обсуждении вопроса, куда девать на лето моих детей. А кроме того, за последние дни я все больше и больше теряю последние силы и, как никогда, нуждаюсь в моральной поддержке. Поэтому прошу Вас, Дмитрий Сергеевич, не отказать мне в этой просьбе.

<Подпись>

Ваш А. Чаянов

18. IV. [19]31 г. Бут[ырская] тюрьма

P.S. 13.IV.[19]31 мною, согласно Вашему указанию, было послано Вам подробное изложение моей работы (план). Не знаю, получили ли Вы ее.

<Письмо А.В. Чаянова от 29 апреля 1931 г.>

Во II отделение С.П.О. ОГПУ Д.С. Фильченкову.

Поскольку можно предположить, что в процессе отбывания мною наказания мне будет предоставлена возможность продолжать мои научные работы в области организации социалистического земледелия, начатые мною за полтора года до ареста, я позволяю себе коснуться одного обстоятельства, связанного с моментом опубликования приговора и являющегося важным не только для меня лично, но имеющим также некоторое более широкое общественно-политическое значение.

Дело идет о моем научном положении за границей. Как это известно следствию, в целом ряде стран (Германии, Англии, Японии, САСШ и пр.) я пользуюсь достаточным научным авторитетом и репутацией одного из наиболее крупных специалистов в области организации хозяйства. Объективными признаками этого являются пять моих книг, напечатанных в Германии (1923—[19]30), две книги, опубликованные в Японии (1927—[19]30), ряд статей, посвященных изложению и анализу моих работ (Skalweit, Kurt Ritter, Jenny, Brdlik, Tanahachi и др.). Ссылка на них — в работах, посвященных изучению крестьянского хозяйства (Münzenberg, Schlommer и др.). Полемика Leihert[а] и Mises[а] против моей теории учета социалистич[еского] хозяйства и, наконец, изложение моих теорий в основных учебниках политической экономии, вроде курса Оппенгеймера и книги Зомбарта.

Вам известно, что за последний перед арестом год я много выступал за границей в защиту социалистического земледелия (книги, вышедшие в 1930 году в Германии и Японии, моя переписка с Оксфордским университетом по поводу колхозного движения и пр.).

Поскольку мне будет разрешена научная работа, я не сомневаюсь, что в ближайшее время мною будет выполнен ряд работ по вопросам социалистического земледелия.

За время моего пребывания в Бутырской тюрьме мною почти закончена большая работа о водном хозяйстве в социалистическом земледелии. Опубликование этих работ за границей помимо научного их значения может иметь значение авторитетной в научном отношении пропаганды принципов социалистического земледелия.

Однако для того, чтобы эта работа имела надлежащий авторитет и пропагандистское значение, совершенно необходимо, чтобы никто не мог рассматривать их как работы, вынужденные тюремными условиями. По счастью, мой разрыв со старыми неонародническими позициями, произошедший более чем за год до ареста, имел своим объективным выражением не только мои статьи и книги в С.С.С.Р., но также и вышеупомянутые мои выступления за границей, а также мои личные беседы в Москве с А. Файнером и С. Бауэром. Поэтому европейские и

американские с[ельско]х[озяйственные] круги, знакомые с моими новыми работами в области социалистического земледелия, будут считать их логическим продолжением моих работ и выступлений 1929—[19]30 годов, а перемену моего курса тем, чем это было в действительности, т.е. переходом одного из крупных идеологов крестьянского движения, под давлением практики Зернотреста и других фактов социалистической реконструкции сельского хозяйства, на позиции социалистического земледелия.

Однако для того, чтобы эта позиция была бы совершенно непоколебимо утверждена, было бы, как мне думается, совершенно необходимо, чтобы одновременно с опубликованием приговора, если не в тексте самого приговора, то в статьях, которые будут сопровождать его, было бы отмечено, что мой разрыв с неонародничеством и постепенный переход на новые идеологические позиции имел место еще в 1929 году и представляет собою капитуляцию перед очевидными фактами действительности человека, ведшего ранее решительную борьбу с идеологией крупного социалистического хозяйства.

Это обстоятельство даст мне в будущем прочную исходную базу для возможности самой широкой борьбы за принципы социалистического земледелия в странах Европы и Америки.

«Подпись» 29. IV. [19]31.
Москва

А. Чаянов

«Письмо А.В. Чаянова от 30 апреля 1931 г.»

Срочно. 2-е отделение СПО ОГПУ, Д.С. Фильченкову.
Уважаемый Дмитрий Сергеевич!

Убедительно прошу Вас при первой возможности, когда Вы или кто-нибудь из ваших сотоварищей по 2-му отделению СПО будет в Бутырках, вызвать меня на допрос, дабы я мог передать написанное мною заявление, связанное с некоторыми обстоятельствами моего дела и имеющими чрезвычайно большое значение для меня.

«Подпись»

Ваш А. Чаянов

P.S. Обещанного Вами на 28.IV.[19]31 свидания я не получил.

30. IV. [19]31

«Письмо А.В. Чаянова от 8 мая 1931 г.»

2 отделение СПО ОГПУ, Д.С. Фильченкову.
Уважаемый Дмитрий Сергеевич!

Я решаюсь еще раз обратиться к Вам и просить Вас прислать мне мои рукописи и книги, взятые у меня 22.IV.[19]31 во в[утренней] тюрьме, как это Вы обещали еще 25.IV.[19]31. Прошу также оказать

Ваше содействие в получении всех моих вещей, взятых тогда же из ко[мнаты]. Я позволяю себе беспокоить Вас просьбой о вещах, потому что по состоянию своего здоровья вынужден большее время лежать, а при отсутствии подушки очень затекает голова.

Прошу также предоставить мне свидание с матерью, обещанное Вами еще на 28.IV.[19]31 и не состоявшееся по причинам, до сих пор мне неясным.

Наконец, наиболее убедительно прошу Вас или кого-либо из Ваших сотоварищей, которые будут в Бутырках, вызвать меня на допрос, дабы я мог передать им большое заявление, очень важное для меня и написанное еще 29.IV.[19]31.

Прошу у Вас извинить меня за совершенно нервический тон моего письма от 3.V.[19]31, если оно дошло до Вас, но то моральное состояние полного выбития из колеи, в котором я сейчас нахожусь, вполне объясняет его.

«Подпись»

Ваш А. Чаянов. 8. V. [19]31

«Письмо А.В. Чаянова от 24 июня 1931 г.»

2 СПО ОГПУ, С.М. Сидорову.

Уважаемый Сергей Михайлович!

Вчера я кончил свою работу о стат[истических] группировках, решив, наконец, проблему в отношении функций третьей степени.

Теперь, как я Вам сообщал, на очереди главнейшая из моих работ "Учет и определение эффективности социалистического хозяйства в земледелии", подробный план и историю которой я при сем прилагаю.

Однако, ввиду ее сложности и необходимости ряда материалов, я без предварительной беседы с Вами даже и начать ее не могу.

17.VI.[19]31 Вы мне сказали, что в ближайшее время Вы сможете уделить мне время для такой беседы. Очень Вас прошу об этом, тем более, что в теперешнем моем одиночном бытии мне очень трудно быть без постоянной интенсивной работы.

Мне очень совестно постоянно обращаться к Вам с просьбами, но все же я очень прошу Вас вызвать меня хотя бы на несколько минут в Ваш очередной приезд в Бутырки.

«Подпись»

Ваш А. Чаянов
24. VI. [19]31

«Письмо А.В. Чаянова от 4 июня 1931 г.»

Во 2-е отделение СПО ОГПУ от А.В. Чаянова.

Настоящим позволяю себе довести до Вашего сведения о состоянии моего научного наследства и текущем положении научных работ,

полагая, что это может иметь значение при определении способов моего использования в порядке отбывания мною наказания.

1). Методика проектирования крупных предприятий социалистического земледелия.

Последние полтора года перед арестом я по преимуществу посвятил работам по переносу методов промышленного проектирования на сельскохозяйственное. Обоснованные методы мною изложены в книге "Организация крупного сельского хозяйства эпохи социалистической реконструкции земледелия". Работы были в полном развороте.

2). Учет социалистического хозяйства и определение эффективности затрат.

Первые итоги изложены в той же книге — эту тему, в связи с разработкой методов экспертизы совхозов и колхозов, считал бы для себя важнейшей задачей. В научной литературе по этому вопросу ничего нет. В 1929 г. я в методических целях экспертировал 6 совхозов Московской области и имею очень много для развертывания методики.

3). Организация водного и южного хозяйства вообще.

Большая и, по-видимому, весьма результативная работа, сделанная мною в этой области в тюрьме, поневоле в сфере чисто теоретической. Насыщение их конкретным материалом является объективно необходимым, ввиду большого народно-хозяйственного значения найденных выводов.

Таковы три главнейшие темы в пределах моей основной специальности. Кроме них:

4). Анализ возможности раскрытия не только корреляционных, но и функциональных зависимостей методами статистических группировок.

Работа выполнена мною в тюрьме, ввиду ее исключительно // большого научного интереса, тема работы осталась бы неоконченной.

5). Историческая топография г. Москвы и района. Итог моей 15-летней работы над первоисточниками, дающими на базе социально-экономического развития города историю каждого его района с XIV века по эпоху октябрьских боев. Единственная сводная база для научного краеведения Москвы и окрестностей. Первый том (18 печатных листов) был готов к печати, остальные готовы к текстованию.

Таковы пять основных моих работ.

Как мне представляется, было бы нецелесообразным оставить эти работы неоконченными и неопубликованными.

Кроме них, в моих портфелях и, очевидно, среди бумаг, взятых при обыске, находилось около десятка других моих важных работ и огромное количество набросков, записок, даже материалов, собранных за 20 лет научной работы буквально со всего мира, экстракт целых библио-

тек, уникальные данные, никогда не бывшие в печати, и др.

Все это как-то нужно сохранить, и дать мне возможность, как и прежде, делать общим достоянием.

На основании всего вышеизложенного прошу 2 СПО, когда кто-либо из его ответственных работников будет в Бутырках, вызвать меня для более подробной беседы на изложенную тему.

<Подпись>

А. Чаянов

4. VI. [19]31. Москва

<Письмо А.В. Чаянова от 21 июня 1931 г.>

2 СПО, С.М. Сидорову.

А. Чаянов.

План исследования на тему "Учет и методы определения эффективности социалистического хозяйства и земледелия".

I. Введение. Учет и методы его в социалистическом хозяйстве. Взгляды Ленина и других руководителей социалистического строительства на значение учета в эпоху социалистической реконструкции народного хозяйства.

II. Общая часть.

А. Целевая установка и организационная структура социалистического и капиталистического хозяйства и различных переходных форм эпохи социалистической реконструкции земледелия.

1) Капиталистическое хозяйство. Свойственная ему организационная структура и форма, кругообращение капитала по II тому "Капитала" К. Маркса. Теории буржуазных экономистов (Девенпорта, Никлиша и др.) и их критика.

2) Хозяйственная формация переходного периода:

а) социалистический сектор в первые годы переходного периода;

б) развернутое плановое хозяйство с решительным преобладанием социалистического сектора в народном хозяйстве в эпоху после XV съезда партии.

3). Законченные формы социалистической организации народного хозяйства на базе полного изжития частнохозяйственного сектора и категории рыночной цены.

В. Основы хозяйственного расчета в каждый из упомянутых периодов.

1). Формы расчета различных модификаций прибавочной стоимости капиталистического хозяйства. Категории капиталистической амортизации, процента на капитал, ренты и предпринимательской прибыли, закл[ючительный] баланс капиталистического предприятия, политика компаний по использованию капиталов.

2). Форма хозяйственного расчета в различные фазы социалисти-

ческой реконструкции народного хозяйства. Полемика Варги, Струмилина и др. в 1920 г. Полемика Мизеса, Касселя, Леихтерта и др. в европейской литературе. Теории последних лет (Любошиц и др.). Установки генеральной линии партий.

3). Основные показатели эффективности социалистического хозяйства и их значение как в априорном плановом, так и в апостериорном отчетном аспекте:

а) промзадание отдельного социалистического предприятия, как плановая ордерная выписка из общего плана народного хозяйства;

б) показатели количественного и качественного выполнения плана. Цепная связь степеней выполнения и методы ее иллюминирования при учете;

с) показатели производительности труда;

д) показатели норм расширенного воспроизводства народно-хозяйственного капитала, инвестированного в данную хозяйственную единицу;

е) показатели себестоимости;

ф) показатели технической эффективности производственного аппарата;

г) показатели (социальные: заработная плата, культурные и бытовые показатели и пр.). Их особое значение для учета колхозов.

4). Синтетическое суждение об эффективности работы отдельных предприятий и отраслей социалистического хозяйства. Систематический коэффициент.

л. 178 об.

III. Специальная часть.

A. Отдельные элементы учета и анализ эффективности.

1). Исчисление степени выполнения плана. Иллюминирование последующих сдвигов стандарта плана и влияние случайных "объективных причин" (метеорологические условия, саранча, град и пр.).

2). Анализ баланса предприятий социалистического сектора переходного периода и его отличие от анализа баланса капиталистических предприятий.

3). Анализ кругообращения капитала социалистического хозяйства и норм расширенного воспроизводства капитала. Проблема учета эффективности вложений в социалистическом хозяйстве. Так называемая "социальная рентабельность", ее правильное и неправильное понимание.

4). Понятие производительности труда в марксистской теории. Формулы американских и европейских буржуазных экономистов и их критика. Методика расчета производительности труда, проектируемая в социалистическом секторе советского народного хозяйства.

5). Вычисление и анализ себестоимости социалистического хозяй-

ства. Себестоимости сопряженных продуктов. Методы и расчленение амортизации и общих расходов. Мера точности исчисления себестоимостей и методы их приближенного расчета. Априорная и апостериорная себестоимости и вероятности их совпадения.

6). Анализ производственной и организационной структуры хозяйства методами построения и анализа "решетки себестоимостей".

7). Технические показатели: коэффициенты относительных выходов коэффициента использования топлива, коэффициента использования машин и стационарного оборудования (их амортизационных квот).

8). Социальные показатели: реальная заработная плата, коммунальные услуги, санитарное состояние, бытовые и культурные показатели "standart of life"⁶⁰ как один из важнейших показателей при учете колхозов.

B. Экспертиза хозяйства и методы синтетического суждения в целом.

Последовательность процесса экспертизы, состав показателей, их исчисление и обработка. Методы построения синтетического показателя, акцентирование его формул руководящими органами. Суждение о качестве организационного руководства хозяйством путем наблюдения постоянности и тождественности результатов на многих различных, но однородных участках хозяйства (методы Грекова и др.). Переоценки и экспертизы при слиянии и реорганизации предприятий. Экспертиза реконструкционных вариантов.

IV. Заключение. Эволюция значимости отдельных показателей по мере отмирания частнохозяйственного сектора и категории рыночной цены с переходом к законченным формам социалистического хозяйства.

<Подпись>

21. VI. [19]31. А. Чаянов.

P.S. Некоторые вопросы этой темы мною начаты разработкой еще в 1920 году (статьи). Особенно много над этими темами [я] работал в 1929 и 1930 году: работы по учету зерносовхозов, по экспертизе 8 совхозов Моск[овской] области, статья "Методы оценки успешности работы совхозов" в "Социалистическом земледелии"⁶¹ и особая глава в моей книге "Организация крупного хозяйства". Однако все это были мои первые попытки. Работы рассчитаны на 6-8 месяцев.

А. Ч.

ПРИМЕЧАНИЯ

Материалы следственного дела А.В. Чаянова представляют собой документ необычный. О нём нельзя судить, используя мерки, с которыми обыкновенно подходят к творческому наследию ученого — научному, литературному, эпистолярному. Тексты допросов (записанные, напомним, рукой самого Чаянова) невозможно безоговорочно разделить на две части: собственно чаяновскую и продиктованную следствием. Общепринятые критерии авторства так же, как и традиционные способы проверки достоверности рукописей, здесь бессильны.

И всё же содержание протоколов, хотя и образующее синкретический сгусток неоднородных сведений, допускает условное "рассечение" на два пласта. В первый пласт входят свидетельства личной трагедии А.В. Чаянова, отразившей действия и картины трагедии общенациональной. Среди последних — мрачный разгул беззакония и террора под вывеской разоблачения мифических заговоров и "контрреволюционных партий" — Трудовой крестьянской, Промпартии, "меньшевистского блока" и т. п. Второй пласт источника составляют фрагменты, дополняющие наши представления об основных направлениях аграрнонаучной мысли 20-х годов, выдающейся деятельности А.В. Чаянова на посту директора Научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономики и позициях учёного в напряжённой, перерастающей в идеологическое противостояние полемике с оппонентами.

Предлагаемый ниже справочный аппарат ориентирован главным образом на тех, кто интересуется аграрной историей и проблемами "второго пласта". Именной указатель, к сожалению, не охватывает всех имён, упомянутых в тексте. Сведения о многих сотрудниках НИИСХЭ не сохранились: часть их работала временно (некоторые приняли участие только в одной из экспедиций), судьбу многих оборвали трагические события 30-х годов и второй мировой войны. Кроме того, в примечаниях отсутствуют справки об отдельных иностранных связях А.В. Чаянова, так как русское написание имён не всегда позволяет точно установить их принадлежность.

Следует указать на высокую вероятность разного рода неточностей, которые могли появиться из-за особенностей архивного хранения печатаемого оригинала, не позволивших провести сверку непосредственно перед изданием.

Составители благодарят проф. Садаму Кодзиму, любезно предоставившего сведения о японских контактах А.В. Чаянова, канд. ист. наук В.А. Телицына и канд. экон. наук Р.Г. Янбых за помощь в работе.

¹ *Тимирязевская сельскохозяйственная академия.* Основана в 1865 году. До 1889 года называлась Петровская земледельческая и лесная академия, в 1890—1894 гг. — Петровская сельскохозяйственная академия, в 1894—1917 годах — Московский сельскохозяйственный институт, в 1917—1923 гг. — опять Петровская сельскохозяйственная академия, с 1923 года до наших дней — Сельскохозяйственная академия им. К.А. Тимирязева. Академия в 20-е годы

имела три подразделявшихся на отделения факультета: агрономический, сельскохозяйственно-инженерный и экономический. По числу слушателей в 20-е годы академия превосходила все самые крупные сельскохозяйственные школы мира. В 1925 г. здесь под руководством 61 профессора, 138 преподавателей и 32 ассистентов занимались около 31 тыс. студентов. Академия имела свою вспомогательную ферму, льняную, селекционную и машиностроительную станции, множество лабораторий и кабинетов.

² *РАНИОН* — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук. Существовала в 1924—1930 гг. Помимо прочего, была призвана способствовать переходу ученых общественных наук на позиции марксизма.

³ *Льноцентр* — Центральное товарищество льноводов. Учреждено в сентябре 1915 г. Основной задачей имело содействие кооперативным организациям льноводов в переработке и выгодном сбыте льна, правильной постановке дела, а также в приобретении семян, удобрений, машин, кормов и т. п. На 1 мая 1918 г. в состав товарищества входили 4 центральные кооперативные организации, 54 союзных объединения и 150 тыс. кооперативов. Общее число пайщиков составляло в это время около 2 млн человек. В 1917—1918 гг. льняная кооперация собрала 19% всего русского льняного волокна. 1 июля 1920 г. деятельность Центрального товарищества льноводов была прекращена, а его функции переданы Центросоюзу. Впрочем, Льноцентр просуществовал до начала коллективизации, возобновив свою работу уже в 1922 г.

⁴ *Институт сельскохозяйственной экономики* — Научно-исследовательский институт сельскохозяйственной экономики, возник из основанного А.В. Чаяновым в 1919 году Высшего семинария сельскохозяйственной экономики и политики при Петровской сельскохозяйственной академии. Деятельность семинария носила преимущественно научно-исследовательский характер, его заседания постоянно посещали всего 18 научных сотрудников. В 1921 году совет Петровской академии учредил при Высшем семинарии научно-исследовательские курсы сельскохозяйственной экономики и политики, которые имели целью подготовку кадров научных работников и преподавателей. Заведующим курсами был назначен А.В. Чаянов. Лекции на курсах читали Л.Н. Литошенко, С.Н. Прокопович, В.Я. Железнов, Н.Д. Кондратьев, П.А. Вихляев. После учреждения курсов (оставшись под управлением совета Петровской академии лишь в учёно-учебной части) семинарий получил административно-хозяйственную самостоятельность, что на рубеже 1921 и 1922 гг. привело к его реорганизации в Научно-исследовательский институт сельскохозяйственной экономики и политики. В 1923 году по возвращении из заграничной командировки А.В. Чаянов закончил административное оформление института, который, хотя и подчинялся непосредственно Главнауке, по вопросам подготовки преподавательского персонала находился в ведении Главпрофобра. В начале 1924 года ГУС утвердил положение о НИИСХЭ. НИИСХЭ состоял из действительных штатных и нештатных членов, иногородних и иностранных членов, научных сотрудников первого и второго разрядов, аспирантов и ассистентов и вспомогательного персонала. В качестве штатных действительных членов А.В. Чаянов пригласил в институт Н.П. Макарова, П.П. Маслова, В.Я. Железнова, П.Н. Першина, В.Н. Григорьева, Л.Н. Юровского, Л.Н. Литошенко, А.О. Фабриканта, Б.С.

Ястремского, А.Ф. Фортунатова. Кроме того в работе института в разные годы принимали участие Н.Д. Кондратьев, А.А. Рыбников, А.Н. Челинцев, Н.С. Четвериков, А.Л. Вайнштейн, Г.С. Студенский, Д.И. Опарин, Б.Н. Книпович, Н.Н. Суханов-Гиммер, А.В. Громан, В.А. Тейтель, в качестве иногородних членов Н.Н. Черненко и В.Н. Варгин. В качестве внештатных действительных членов ГУС утвердил Ф. Азребо (Германия), В. Брдлика (Чехия), А.А. Кофода (Дания), А.Н. Минина (Воронеж), А.К. Филипповского (Киев), А.Г. Дояренко, М.П. Орлова, В.Р. Вильямса, А.А. Берзина, М.А. Ларина, Л.Н. Крицмана, В.В. Осинского, Е.А. Преображенского. В число зарубежных членов позднее также входили О. Бакер, Г. Уоррен и Г. Робинзон (США), Т. Бринкманн (Германия), О. Ларсен (Дания), Г. Орвин (Англия). Деятельность НИИСХЭ была организована в форме кабинетов. Первоначально их было десять по следующим специальностям: сельскохозяйственная экономика, организация сельского хозяйства, сельскохозяйственная таксация и счетоводство, агрономическая помощь, сельскохозяйственная кооперация, география сельского хозяйства и сельскохозяйственное районирование, конъюнктура сельского хозяйства, землеустройство и аграрные отношения и сельскохозяйственный кредит. В период существования института число кабинетов менялось от 11 до 8, что было связано с наличием штатами и имеющимися помещениями. Тематика деятельности кабинетов в целом осталась без изменений. При институте была организована библиотека, которая к 1927 году насчитывала 100 000 томов. Издательством института был налажен выпуск научных трудов. В 1927—1928 гг. выходил "Бюллетень НИИСХЭ".

Согласно положению, задачей института была организация научных исследований в области экономики сельского хозяйства, в том числе по заданиям Наркомзема, Госплана и других государственных и кооперативных организаций, а также подготовка аспирантов для последующей преподавательской и научной деятельности. В 1924—1927 годах институт фактически был лидирующей организацией в области экономики и организации сельского хозяйства. За этот период было проведено около двух десятков экспедиций, в том числе обследование льняного района Волоколамского уезда, съёмка экономического профиля по меридиану Москвы и по 54 параллели, экономическое и социологическое обследование свеклосеющих крестьянских хозяйств, повторное обследование воронежских деревень, описанных в начале века земским врачом А.И. Шингарёвым в книге "Умиравшая деревня" и многие другие. Вышло в свет около 50 выпусков научных трудов института, в которые были включены научные разработки ученых — членов НИИСХЭ, результаты экспедиций, переводы с иностранных языков работ зарубежных авторов по экономике сельского хозяйства, в том числе Тюнена, Азребо, Норса, библиографические издания.

В 1926 году (при активном участии коммунистов — работников НИИСХЭ) был поднят вопрос об усилении марксистского влияния в институте и о борьбе с идеологией неонародничества, главным апологетом которого противники объявили А.В. Чаянова. В 1927 году была назначена комиссия по проверке института, началась административная перетряска, имевшая целью убрать из руководства института и из института вообще "все чуждые марксизму элементы". В 1928 г. Чаянова отстранили от руководства НИИСХЭ, а ещё через

год НИИСХЭ был реорганизован в Научный институт крупного хозяйства и сельскохозяйственной экономики, членом коллегии которого А.В. Чаянов оставался до момента своего ареста. В 1930 году институт был подвергнут "чистке" и то, что от него осталось, получило название Научно-исследовательского колхозного института. (Сост. по данным: ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 203. Л. 123—125; Д. 211. Л. 2—12; Ф. А—2307. Оп. 2. Д. 229. Л. 101; Ф. А—298. Оп. 1. Д. 5. Л. 1; Д. 22. Л. 66.)

⁵ Сельскосоюз — Всероссийский закупочный союз сельскохозяйственной кооперации. Создан 17 декабря 1918 г. с целью объединения кооперативных организаций, занятых закупкой, переработкой и сбытом сельскохозяйственной продукции, для организации совместной закупки сельскохозяйственных орудий и материалов. В январе 1920 г. Сельскосоюз был превращен в одну из секций Центросоюза; самостоятельно возобновлен 17 мая 1921 г.

⁶ Институт крупного хозяйства — имеется в виду Научный институт крупного хозяйства и сельскохозяйственной экономики. См. прим. 4.

⁷ Чаянов А.В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. 2-е изд. М., 1927.

⁸ Чаянов А.В. От классовой крестьянской кооперации к социалистической реконструкции сельского хозяйства // Экономическая жизнь. 1929. № 38; Чаянов А.В. О судьбах неонародничества // Сельскохозяйственная газета. 1930. 16 янв.

⁹ Чаянов имеет в виду одну из своих последних написанных и подготовленных к печати работ, которая не была опубликована и исчезла во время следствия. См. также вступительную статью.

¹⁰ Здесь имеется в виду проверка Научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономики, проведенная ГУСом в 1927 году, и её последствия.

В декабре 1926 года ГУСом было принято решение об обследовании НИИСХЭ. В начале января 1927 г. была утверждена комиссия по обследованию в составе: К.А. Попов (председатель), Л.Н. Крицман, Я.А. Яковлев, И.Я. Мещеряков, Н.И. Ванаг, А.Ф. Цитович, И.А. Теодорович. 11 апреля комиссия отчитывалась перед научно-политической секцией ГУСа о результатах проверки. В своём докладе К.А. Попов не мог не отметить, какую большую и значимую работу вёл институт, но внимание комиссии было направлено, главным образом, на то, что "коммунисты не в состоянии обеспечить партийного влияния на работу в институте", что "собираемые путем исследовательских экспедиций материалы служат не только для практических целей советских государственных органов, но и для обоснования чуждых марксизму взглядов в области теории сельского хозяйства и экономической политики в деревне", а аспирантами руководит "исключительно беспартийная профессура, в частности и в особенности проф. Чаянов".

Президиум научно-политической секции ГУСа постановил "взять более решительный курс на обеспечение коммунистического влияния в институте", для чего заменить марксистами входивших в правление и коллегию института ведущих ученых-аграрников, при приеме новых аспирантов повысить требования к их общемарксистской и экономической подготовке, для ведения учебных семинаров привлечь аграрников из институтов марксистской ориентации —

Института красной профессуры, аграрной секции Комакадемии, Международного аграрного института, частично — Института экономики. Для выполнения последнего решено было содействовать переводу института из Подмоскья, где находилась Тимирязевская академия, и в помещениях которой был расположен институт, в Москву. НИИСХЭ в тот момент уцелел просто потому, что не было достаточно ученых промарксистской ориентации, которыми можно было бы заменить профессорский состав института, а реорганизовать его, т. е. фактически ликвидировать, тогда ещё не хватало духу. (Хотя намерения такие уже вынашивались и через короткое время были осуществлены.) По этой же причине — из-за нехватки кадров — Чаянов оставался директором института целый год после проверочного "обследования". (ГАРФ. Ф. А — 298. Оп. 1. Д. 5. Л. 1; Д. 16. Л. 16—20.)

¹¹ Анисимов Я., Верменичев И., Наумов К. Производственная характеристика крестьянских хозяйств различных социальных групп / Под общ. рук. и ред. А.В. Чаянова. М., 1927; Сулковский М. Классовые группы и производственные типы крестьянских хозяйств / Предисл. Л. Крицмана. М., 1930; Шубаев К. От вымирания к возрождению. М., 1927.

¹² Термин "восстановительные цены" употреблялся по отношению к приближенным к себестоимости ценам, более высоким в сравнении с ценами 1921 года. В данном явно надиктованном пассаже прослеживается попытка свалить на ученых-немарксистов ответственность за колебания цен, явившиеся результатом просчетов в экономической политике.

¹³ Имеется в виду публикация немецким издательством Р. Parey следующих чаяновских работ: *Tschajanow A. Die Lehre von der bäuerlichen Wirtschaft*. Berlin, 1923; *Tschajanow A. Die Sozialagronomie. Ihre Grundgedanken und Arbeitsmethoden*. Berlin, 1924; *Tschajanow A. Die Landwirtschaft des Sowjetbundes: ihre geographische, wirtschaftliche und soziale Bedeutung*. Berlin, 1926; *Tschajanow A. Die optimalen Betriebsgrößen in der Landwirtschaft*. Berlin, 1930.

¹⁴ Имеются в виду следующие публикации:

1. Чаянов А.В. Организация крестьянского хозяйства / Пер. с нем. [по изд.: *Tschajanow A. Die Lehre von der bäuerlichen Wirtschaft*. Berlin, 1923] Исобе Хидетоши и Сутино Тодао. Токио, 1927. На яп. яз. Из содерж.: Предисл. авт. для яп. читателей, датир. 25 окт. 1925 г.; Краткая автобиограф. справка. (См. также: Чаянов А.В. Организация крестьянского хозяйства / Пер. с нем. [с учётом изм. и доп. русского изд. 1925 г.]. 2-е изд. Токио, 1957. На яп. яз.);

2. Чаянов А.В. Общественная агрономия: Основные идеи и методы работы / Пер. с нем. [по изд.: *Tschajanow A. Die Sozialagronomie: Ihre Grundgedanken und Arbeitsmethoden*. Berlin, 1924] Исобе Хидетоши и Сутино Тодао. Токио, 1930. На яп. яз. Из содерж.: Предисл. авт. для яп. читателей, датир. 27 мар. 1930 г. (См. также: Чаянов А.В. Общественная агрономия: Основные идеи и методы работы. 2-е изд. Токио, 1947. На яп. яз.)

¹⁵ Группа Громана (группа Суханова—Громана, бюро меньшевиков и т. п.) — названия, применявшиеся в ОГПУ по отношению к кругу лиц, репрессированных в 1931 г. по инсценированному органами процессу, получившему название "процесса Союзного бюро меньшевиков".

¹⁶ Инженерно-промышленный центр, Инженерно-технический центр, Промпартия — здесь названия, употреблявшиеся следователями ОГПУ в от-

ношении круга инженеров, которые были репрессированы по делу т. н. Промпартии. См. подробное стенографический отчет о процессе в кн.: *Процесс Промпартии*. М., 1930, а также: Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ. М., 1990. Ч. 1. Гл. 10.

¹⁷ Неразборчиво по тексту.

¹⁸ Торгово-промышленный союз — организация предпринимателей, созданная на I Всероссийском торгово-промышленном съезде в марте 1917 г. для объединения представителей торгово-промышленных кругов. Во главе союза стоял совет. Союз просуществовал до октября 1917 г. В 1921 г. в Париже оказавшиеся за границей русские промышленники и финансисты вновь учредили организацию под названием Русский торгово-промышленный и финансовый союз. До конца 30-х гг. союз проводил ежегодные экономические совещания, на которых обсуждались вопросы развития российской и зарубежной экономики, оказывал финансовую поддержку науке и просвещению в среде русской диаспоры.

¹⁹ Чаянов А.В. Оптимальные размеры сельскохозяйственных предприятий. 3-е изд. М., 1928; Макаров Н.П. Организация сельского хозяйства. М., 1926.

²⁰ Чаянов говорит о статье, в которой рассматриваются вопросы вертикальной кооперации процесса переработки сельскохозяйственной продукции и обсуждаются дифференциальные оптимумы для различных её видов: Чаянов А.В. Местные комбинаты по первичной переработке сельскохозяйственных продуктов // *Сельское хозяйство на путях восстановления*. М., 1925. С. 732—752. Эта статья была переведена на немецкий (*Die volkswirtschaftliche Bedeutung der landwirtschaftlichen Genossenschaften* // *Weltwirtschaftliches Archiv*. Jena, 1926. Bd. 24, H. 2. S. 275—298), а затем на японский язык и, кроме того, появилась в журнале "Studies of Agricultural Economie" (Vol. 5, № 2). В Италии вышла чаяновская статья, также касающаяся этих вопросов. См.: *L'evolution future de l'economie rurale* // *Scientia*. Bologna. Vol. 40. P. 239—249.

²¹ Союз городов — крупная всероссийская организация, игравшая значительную политическую роль накануне и после Февральской революции 1917 г. Союз городов был основан в 1914 г. на съезде городских глав в Москве, своей задачей ставил помощь правительству во время первой мировой войны. После Октябрьской революции Союз городов был упразднен, а всё его имущество и капиталы — переданы в государственную собственность.

²² Земский союз — всероссийская организация, созданная в июле 1914 г. для помощи правительству в организации снабжения русской армии. Входил в объединённый комитет Земского и Городского союзов. Упразднён в 1918 г. советским правительством.

²³ Чупровское общество — Общество памяти А.И. Чупрова существовало при Московском университете в 1912—1917 гг. как научное общество, объединявшее видных экономистов, статистиков, экономистов-аграрников. Заседания Чупровского общества носили характер обсуждения научных докладов по секциям — финансовой, статистической и т. п. А.В. Чаянов выступал на заседаниях Чупровского общества с докладами о положении кооперативного льноводства и состоянии рынка льна в годы первой мировой войны. Наиболее активной была статистическая секция Чупровского общества, издававшая в

1914—1917 гг. журнал "Статистический вестник".

²⁴ Комиссия по изучению дороговизны была создана в Обществе памяти А.И. Чупрова для исследования проблем инфляции военных лет. (См. подробнее предисл. к вып. 1 и всё изд.: *Труды комиссии по изучению современной дороговизны*. М., 1915—1916. Вып. 1—4.) В этом издании опубликованы статьи А.В. Чаянова: *Чаянов А.В. Лен* // *Труды...* М., 1915. Вып. 2. С. 173—208; *Чаянов А.В. Состояние льняного рынка с марта по ноябрь 1915 года* // *Труды...* М., 1916. Вып. 4. С. 31—46.

²⁵ Речь идёт о книге: *Прокопович С.Н. Крестьянское хозяйство по данным бюджетных исследований и динамических переписей*. Берлин, 1924.

²⁶ *Старые связи* — Чаянов принимал заметное участие в сильно политизированном в 1917 — начале 1918 г. кооперативном движении (именно кооператоры предложили его кандидатуру для избрания депутатом Учредительного собрания). Он активно выступал на страницах периодических изданий, среди которых была газета "Власть народа", издававшаяся Е.Д. Кусковой под редакцией Э.А. Гуревича — будущего чаяновского тестя. Очевидно, в этот период ему пришлось особенно тесно сотрудничать с С.Н. Прокоповичем, Е.Д. Кусковой, З. Стенцель (Ленским), Е. Ленской, М. Осоргиным. С В.Н. Зельгеймом он, вероятно, имел контакты и раньше, так как они вместе — Зельгейм с 1910-го, а Чаянов с 1915 г. — преподавали на кооперативных курсах университета им. Шанявского.

²⁷ *Дерптский (Юрьевский) университет* — ныне университет в г. Тарту (Эстония).

²⁸ Здесь ошибка, случайная или преднамеренная, так как Н.П. Макаров с июня 1920 по июнь 1924 г. находился за границей: в Америке, Чехославии и Германии.

²⁹ Чаяновым подразумевается книга: *Литошенко Л.Н. Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства*. М., 1923.

³⁰ "Дни" — ежедневная газета под редакцией А.Ф. Керенского. Выходила с 1921 г. по 1922 г. под названием "Голос России", с 1923 г. по 1927 г. под названием "Дни". Издавалась в Берлине и Париже.

³¹ Точнее: *Челинцев А.Н. Теоретические основания организации крестьянского хозяйства*. Харьков, 1919; *Макаров Н.П. Крестьянское хозяйство и его интересы*. М., 1917; *Макаров Н.П. Крестьянское хозяйство и его эволюция*. М., 1920. Т. 1; *Чаянов А.В. Основные идеи и методы работы общественной агрономии*. М., 1918; *Чаянов А.В. Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации*. М., 1919; *Кремнев Иван* [Чаянов А.В.] *Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии*. М., 1920; *Чаянов А.В. Оптимальные размеры земельных хозяйств* // *Труды Высшего семинария сельскохозяйственной экономики и политики*. М., 1922. Вып. 7.

³² В рамках издательского плана НИИСХЭ были подготовлены к печати следующие книги: *Лаур Э. Введение в экономику сельского хозяйства* / Пер. с нем. Л.К. Солдатов. М., 1925; *Бринкман Т. Экономические основы организации сельскохозяйственных предприятий* / Пер. с нем. Л.К. Солдатов; Предисл. А.В. Чаянова. М., 1926; *Тюнел И. Изолированное государство* / С предисл. и под ред. А.А. Рыбникова. М., 1926; *Норс Э. Сельское хозяйство Америки и европейский рынок*. М.; Л., 1925; *Крцимовский Р. Развитие основных принципов*

науки о сельском хозяйстве в Западной Европе. М., 1927.

³³ В серии трудов НИИСХЭ вышло около двух десятков работ А.В. Чаянова (см., напр.: *Н.Д. Кондратьев, Н.П. Макаров, А.В. Чаянов, А.Н. Челинцев: Указ. лит.* / Сост. Т.Н. Камзолова, А.Н. Непомнящая. М., 1988. С. 36—42). Помимо своих работ Чаянов имеет в виду следующие работы своих коллег: *Макаров Н.П. Организация сельского хозяйства*. М., 1926; *Стугенский Г.А. Очерки по теории крестьянского хозяйства*. М., 1923; *Стугенский Г.А. Очерк сельскохозяйственной экономии*. М., 1925; *Стугенский Г.А. Рента в крестьянских хозяйствах и принципы его обложения*. М., 1925; *Стугенский Г.А. Опыт исследования организации крестьянского хозяйства Центрально-Черноземной области*. М., 1926; *Стугенский Г.А. Проблемы организации крестьянского сельского хозяйства*. Самара, 1927; *Стугенский Г.А. Проблемы экономики и географии сельского хозяйства: Опыт исследования на примере Северной Америки*. М., 1927; *Котов А.А. Рынки и перспективы кожевенного сырья в СССР*. М., 1925; *Котов А.А. Сущность аграрного и сельскохозяйственного кризисов*. М., 1927. (Часть из упомянутых изданий не имеет надзаголовка "Труды НИИСХЭ", но подготовлена с использованием материалов, собранных авторами в ходе выполнения институтских работ и включённых в отчеты о деятельности НИИСХЭ (РГАЭ. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 211. Л. 32—33).)

³⁴ Вероятно, Чаянов говорит о московском съезде агрономов 1922 г., труды которого полностью не опубликованы. См.: *Труды 3 (1) Всероссийского съезда агрономов в Москве 1—11 марта 1922 года*. М., 1922. Вып. 1.

³⁵ См. прим. 34.

³⁶ *Сельскосовет* — Совет объединенной сельскохозяйственной кооперации, созданный одновременно с Сельскосоюзом Учредительным собранием Всероссийского закупочного союза сельскохозяйственной кооперации. Учреждение Сельскосовета было связано с попыткой согласования деятельности различных видов сельскохозяйственной кооперации для защиты кооперативных интересов и организации кооперативного представительства в правительственных и других учреждениях. После слияния потребительских и сельскохозяйственных обществ Сельскосовет прекратил свою работу и возобновил её только в 1921 г. вслед за восстановлением самостоятельности сельскохозяйственной кооперации.

³⁷ [Чаянов А.В. *Передовая ред. ст.*] // *Сельскохозяйственная кооперация в системе госкапитализма*. М., 1924. С. 7—19.

³⁸ [Чаянов А.В.] *План финансирования сельского хозяйства СССР (без Украины)* // *Сельскохозяйственная кооперация и финансы*. М., 1925. С. 81—99.

³⁹ Работы по изучению себестоимости были начаты в НИИСХЭ ещё в 1926 году, но результаты их были опубликованы позже: *Чаянов А.В. Себестоимость сырьевых культур* // *Себестоимость продуктов сельского хозяйства: Сб. ст. и материалов под ред. проф. Н.П. Макарова*. М., 1929. (Тр. НИИСХЭ; Вып. 29).

⁴⁰ *Чаянов А.В. Себестоимость сахарной свеклы*. М., 1928. (Переизд.: *Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство: Избр. тр.* М., 1989. С. 160—193.)

⁴¹ Чаянов имеет в виду статью: *Зиновьев Г. Манифест кулацкой партии* // *Большевик*. М., 1927. № 13. С. 33—47. В статье резкой критике подвер-

гаются предложения Н.Д. Кондратьева по нормализации темпов капитального строительства и сбалансированному развитию отраслей народного хозяйства.

⁴² Гондарева И.И. Счетоводный анализ крестьянского хозяйства. М., 1928. (Тр. НИИСХЭ; Вып. 30).

⁴³ Ставраков Н.Н. Практическое руководство по составлению вариантов схем организационного плана совхоза: Сост. на примере конкретного хозяйства животноводственно-полеводственного направления "Бороденки" Мосгубсельтреста / С предисл. проф. А.В. Чайнова. М., 1929.

⁴⁴ Совхозы ОГПУ — вероятно, имеются в виду подсобные хозяйства ОГПУ.

⁴⁵ Чайнов А.В. Методы составления организационных планов крупных сельскохозяйственных предприятий в условиях советской экономики // Бюлетень Государственного НИИСХЭ. М., 1928. № 1—4. С. 5—14.

⁴⁶ См. прим. 25, 29, и работы Студенского: Студенский Г.А. Очерки по теории крестьянского хозяйства. М., 1923. С. 68 и след.; Студенский Г.А. Очерки сельскохозяйственной экономики. М., 1925. С. 376; Студенский Г.А. Интенсивность и псевдоинтенсивность в крестьянском хозяйстве. Самара, 1927. С. 23—29.

⁴⁷ Верменичев И. О разложении неонародничества // На аграрном фронте. 1929. № 2. С. 33—42; Милютин В.П. Борьба на аграрном фронте и реконструкция сельского хозяйства: [Доклад] // Труды первой Всесоюзной конференции аграрников-марксистов 20—27 декабря 1929 г. М., 1930. Т. 1. С. 17—63; [Резолюция] // Труды... Т. 1. С. 451—458.

⁴⁸ Tschajanow A. Gegenwärtiger Stand der landwirtschaftlichen Ökonomik in Russland // Schmollers Jahrbuch, 1922. 46 Jg. S. 731; Tschajanow A. Die neueste Entwicklung der Agrarökonomik in Russland // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Tübingen, 1923. Bd. 50, H. 1. S. 577—613.

⁴⁹ Краткий обзор центров экономической мысли в области сельского хозяйства в Европе и других странах // Бюлетень НИИСХЭ. М., 1927. № 1—2. С. 53—61.

⁵⁰ К 1927 году их было уже 9, см. прим. 4. (Краткий отчет Государственного Научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономики. М., 1927. С. 3.)

⁵¹ См. прим. 11.

⁵² D.L.g. — вероятно, имеются в виду Deutsche landwirtschaftliche Gesellschaften — немецкие сельскохозяйственные общества.

⁵³ Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. 1917—1927 / Под ред. Чайнова А.В.; Вступ. ст. Керженцева П. М., 1927.

⁵⁴ В Базельском архиве сохранились письма А.В. Чайнова, которыми он обменивался со Шт. Бауером в связи с организацией этой поездки и подготовкой доклада. Копии писем находятся у сына А.В. Чайнова — В.А. Чайнова.

⁵⁵ Сохранились воспоминания профессора Сато о встрече с Чайновым в Москве в 1927 г. Ссылка на эту встречу есть в записной книжке Сато, изданной в Токио в 1967 г. По свидетельству Сато, во время беседы речь шла о положении совхозов и колхозов в СССР, причём у Сато не осталось чувства уверенности в их благополучных перспективах.

⁵⁶ См. работы А.В. Чайнова, указанные в сносках 37—39 и работу: Чай-

нов А.В. Экономика сельского хозяйства как основа построения программ опытных учреждений. М., 1929.

⁵⁷ Природа крестьянского хозяйства и земельный режим // Труды 3 Всероссийского съезда Лиги аграрных реформ. М., 1918. Вып. 1. С. 1—10.

⁵⁸ Засушливые кредиты — т. е. кредиты, выделенные на преодоление последствий засухи.

⁵⁹ Здесь, вероятно, речь идет о вынужденном покаянном письме жены А.В. Чайнова — О.Э. Гуревич, написанном ею в конце апреля 1931 года, где она отмежевывалась от "контрреволюционной деятельности" своего "бывшего" мужа.

⁶⁰ Standart of life — уровень жизни (англ.).

⁶¹ Чайнов А. Методы оценки успешности работы совхозов // Сельскохозяйственная газета. 1929. 4 июня.

СПИСОК ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ТЕКСТЕ И ПРИМЕЧАНИЯХ СОКРАЩЕНИЙ И АББРЕВИАТУР

- В.К.П., ВКП(б) — Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков);
 ВОКС — Всесоюзное общество культурных связей с границей (1925—1958);
 ВСНХ — Высший совет народного хозяйства (1917—1932);
 вуз — высшее учебное заведение;
 ГИЗ — Государственное издательство;
 ГИОА — Государственный институт опытной агрономии;
 Госплан РСФСР — Государственный плановый комитет Российской Федерации;
 губплан — губернская плановая комиссия;
 ГУС — Государственный ученый совет (высший методический орган народного комиссариата просвещения);
 Земплан — плановая комиссия Наркомзема;
 зерносовхоз — зерновой совхоз;
 Зернотрест — объединение зерновых совхозов;
 ИСХЭ — см. НИИСХЭ;
 к-д — кадет, конституционный демократ;
 Комакадемия — Коммунистическая академия (1923—1936);
 Лынецентр — Центральное товарищество льноводов (1915—1920);
 МБ РФ — Министерство безопасности Российской Федерации;
 МОСКО — Московское союзное объединение кооперативных объединений смешанного состава 11 губерний Центрального промышленного района;
 МОСХ — Московское общество сельского хозяйства (1820—1930);
 НКЗем, Наркомзем — Народный комиссариат земледелия;
 Наркомторг — Народный комиссариат торговли;
 НКФин, Наркомфин — Народный комиссариат финансов;
 НИИ — Научно-исследовательский институт;
 НИИСХЭ — Научно-исследовательский институт сельскохозяйственной

экономии;

НКВД — Народный комиссариат внутренних дел;

НК РКК РСФСР — Народный комиссариат Рабоче-крестьянская инспекция Российской Федерации (1920—1934);

НТС — научно-технический совет;

нэп — новая экономическая политика, период;

н-с — (энэс), член Народно-социалистической партии;

ОГПУ — Объединенное Главное политическое управление при Совете Народных Комиссаров СССР (1922—1934);

ОПШ — организационно-производственная школа;

оперод — оперативный отдел;

П.П. — Промпартия;

РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (1924—1930);

РКИ — Рабоче-крестьянская инспекция;

Р.С.Ф.С.Р. — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика;

САСШ — Северо-Американские Соединенные Штаты (современное название — США);

СВК — Средневолжский комитет ОГПУ;

Сельскосовет — Совет объединенной сельскохозяйственной кооперации;

Сельскосоюз — Всероссийский закупочный союз сельскохозяйственной кооперации;

СИО — Совет инженерных организаций;

СО ОГПУ — секретный отдел ОГПУ;

СО ПП ОГПУ — секретный отдел полномочного представителя ОГПУ;

СПО — секретный политический отдел ОГПУ;

с-р — эсер, член Партии социалистов-революционеров;

С.С.С.Р. — Союз Советских Социалистических Республик;

Т.К.П. — трудовая крестьянская партия;

ТСХА, ТСХ академия — Тимирязевская сельскохозяйственная академия;

УК — уголовный кодекс;

УПК — уголовно-процессуальный кодекс;

ФСБ — Федеральная служба безопасности;

ЦИК — [Всесоюзный] Центральный Исполнительный Комитет (1922—1936);

ЦК — Центральный Комитет;

ЦеКУБУ — Центральная комиссия по улучшению быта ученых;

ЦКК — Центральная контрольная комиссия ВКП(б);

ЦСУ — Центральное статистическое управление;

ЧК (ВЧК) — Всероссийская чрезвычайная комиссия (предшественница ОГПУ) (1918—1922);

ЭКУ ОГПУ — экономическое управление ОГПУ.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Агранов Яков Саулович (1893—1937) — офицер органов безопасности. В 1923—1924 гг. — заместитель начальника секретного отдела ОГПУ, в 1929—1931 гг. — начальник секретного отдела ОГПУ, в 1931—1933 гг. — член коллегии ОГПУ, в 1933—1934 гг. — заместитель председателя ОГПУ, в 1934—1937 гг. — заместитель Народного комиссара внутренних дел СССР, до июля 1937 г. — начальник УНКВД Саратовской области. Награжден двумя орденами Красного Знамени. Расстрелян в 1937 г. за фальсификации, недозволенные методы ведения следствия, необоснованные аресты.

Анисимов Яков Анисимович (1897—1938) — экономист-аграрник, преподаватель ТСХА и Московского межевого института, сотрудник Комакадемии. Аспирант НИИСХЭ с 1926 г. В 1927 г. под руководством А.В. Чаянова совместно с И. Верменичевым и К. Наумовым опубликовал работу, посвященную характеристике социальных групп российского крестьянства. В 30-х годах руководил Научно-исследовательским совхозным институтом. Расстрелян в 1938 г.

Арано (Arano) Д. (годы жизни не установлены) — аргентинский экономист-аграрник, профессор Национального университета Буэнос-Айреса.

Астров Александр Иванович (годы жизни не установлены) — преподаватель механики и практической гидравлики, заведующий кабинетом практической механики ТСХА.

Аухаген (Auhagen) Отто Георг (1869—1945) — немецкий экономист-аграрник. Учился в Геттингене, Берлине и Страсбурге, где получил ученую степень (1894). С 1906 г. занимал профессорскую кафедру берлинского сельскохозяйственного института. В 1900—1906 гг. работал экспертом по сельскому хозяйству германского посольства в Петербурге, а в 1927—1930 гг. — германского посольства в Москве. В 1911—1913 гг. руководил научными поездками немецких ученых по России. Автор работ в области аграрной политики и исследования проблем экономики русского сельского хозяйства.

Афталион (Aftalion) Альбер (1874—1956) — французский экономист, профессор Лилльского университета. Специализировался на проблемах циклической динамики, первый сформулировал принцип акселерации, получивший широкое применение в западной экономической теории. Главный труд Афталиона "Периодические кризисы перепроизводства" (1913) переведен на русский язык (1930. Т. 1—2).

Базаров (Руднев) Владимир Александрович (1874—1939) — экономист, философ и публицист. Работал в Госплане с 1922 г. До 1922 г. примыкал к большевизму, совместно с И.И. Степановым перевел "Капитал" Маркса. Автор работ по проблемам теоретической политэкономии, влияния циклов капиталистического производства на процесс восстановления народного хозяйства в СССР, вопросам развития советского хозяйства и финансов.

Бауер (Bauer) Штефан (1865—1934) — швейцарский экономист, социал-политик. Профессор университетов в Базеле и Чикаго, в 1901—1925 гг. — генеральный секретарь Международного объединения законодательной защиты рабочих и одновременно Международного рабочего секретариата в Базеле.

Бекер (Baker) Оливер (1883—1949) — американский экономист-гео-

граф, доктор (1921), профессор, почетный доктор Гейдельбергского университета, иностранный член НИИСХЭ. Занимался исследованиями фермерских хозяйств, редактировал издание атласа американского сельского хозяйства (1914—1936). Автор многочисленных трудов по вопросам сельскохозяйственной географии.

Блэк (*Black*) Джон Дональд (1883—1960) — видный американский ученый-аграрник, один из наиболее плодотворных и влиятельных американских ученых межвоенного и послевоенного периода. Основные работы: "Introduction of Production Economics" (1926); "Agrarian Reform in the United States" (1929); "Production Organisation" (1929); "Economics for Agriculture" (1952).

Боргегаль (*Borgedal*) Пауль (1888—1971) — норвежский экономист-аграрник, профессор Высшей сельскохозяйственной школы в Осло (1930—1945).

Бородин А.А. (годы жизни не установлены) — аспирант НИИСХЭ с 1926 г. Член методического бюро НИИСХЭ, преподавал в ТСХА.

Бородин И.А. (годы жизни не установлены) — аспирант НИИСХЭ с 1926 г., преподавал на колхозных курсах при ЦК ВКП(б).

Брагина Фрида Георгиевна (годы жизни не установлены) — аграрник, сотрудничала с НИИСХЭ в 1927 г., работая временно и вне штата. После 1927 г. занимала различные должности в Колхозном институте. Автор работ "Стахановцы овощных совхозов" (М., 1937); "Выращивание ползающих лесных полос (техника и организация работ)" (М., 1957).

Брайкевич Михаил Владимирович (? — 1940) — инженер-экономист, принимал участие в деятельности Временного правительства. В 20-е гг. эмигрировал, руководил лондонским Русским экономическим обществом.

Брдлик (*Brdlik*) Владислав (1879—1945) — чешский экономист, аграрник, иностранный член НИИСХЭ. Работал директором Информационного института, входил в правление Национального банка Чехословакии. Автор ряда работ по развитию сельского хозяйства (в частности свекловодства), один из составителей чешской сельскохозяйственной энциклопедии. Разрабатывал социально-экономические основы аграрной реформы в Чехословакии 1919—1920 гг.

Бринкман (*Brinkmann*) Теогор (1877—1951) — немецкий экономист-аграрник, профессор сельскохозяйственного института в Бонне (с 1911 г.), иностранный член НИИСХЭ. Автор работ по экономике сельского хозяйства. На русский язык была переведена его книга "Экономические основы организации сельскохозяйственных предприятий" (М., 1926. Предисл. А.В. Чаянова), вышедшая в серии трудов НИИСХЭ.

Бурыяненко Н.А. (даты жизни не установлены) — ассистент Чаянова. В 30-е годы написал несколько работ по механизации трудоёмких процессов в колхозах.

Варга Евгений Самуилович (1879—1964) — экономист. В 1918 г. — профессор политической экономии Будапештского университета. После падения Венгерской советской республики (1919) эмигрировал в СССР. В начале 20-х годов пытался обосновать командно-административную систему управления экономикой периода военного коммунизма. Занимался проблемами социального хозяйственного учёта, дал отзывы на работы А.В. Чаянова, посвя-

щённые этой теме. Впоследствии разрабатывал политико-экономическую теорию капитализма. В 1927—1947 гг. возглавлял Институт мирового хозяйства и мировой политики АН СССР.

Вайнштейн Альберт Львович (1892—1970) — экономист, доктор экономических наук (1961), профессор (1962). Окончил физико-математический факультет Московского университета (1914). С 20-х гг. в том числе под руководством А.В. Чаянова проводил экономико-статистические исследования; решал задачи по оптимизации сельскохозяйственного производства. В дальнейшем, применяя математические методы, исследовал проблемы национального дохода. Занимал ряд должностей в Конъюнктурном институте при Наркомфине СССР и ЦЭМИ АН СССР (60-е гг.).

Верменичев Иван Дмитриевич (1899—1940) — экономист-аграрник, преподаватель ТСХА и Института народного хозяйства (20-е годы). Ученик А.В. Чаянова, аспирант НИИСХЭ с 1926 г. Впоследствии отрёкся от своего учителя, а в 1928—1930 гг. опубликовал ряд статей с резкой критикой представителей организационно-производственной школы. В 1937—1938 гг. — начальник ЦУНХУ.

Верховский Александр Иванович (1886—1941) — подполковник царской армии, военный писатель. В 1917 г. командовал войсками Московского военного округа. После подавления корниловского мятежа — генерал-майор, военный министр последнего состава Временного правительства. С 1917 г. в отставке. С 1920 г. — преподаватель, с 1927 г. — профессор Военной академии РККА.

Вильдо Юга (Юлий) Иосифович (1900—1926) — экономист-аграрник. После окончания Тимирязевской академии (1924) работал в НИИСХЭ, выступал с лекциями на кооперативных курсах Центросоюза. В 1925 г. был сотрудником Госплана РСФСР. Выполняя поручение управления Сахаротреста, провёл совместно с Ф. Цылько и С. Ужанским обследование свеклосеющих хозяйств, результаты которого были опубликованы уже после его смерти в 1927 г.

Газдаров М.Ц. (даты жизни не установлены) — аспирант НИИСХЭ с 1926 года.

Гонтарева Инна Ивановна (1896—1981) — специалист по экономике и организации сельского хозяйства, преподаватель ТСХА, заведующая библиотекой НИИСХЭ. Во второй половине 20-х гг. опубликовала несколько работ, среди которых наиболее известны книги "Лабораторные занятия по организации сельскохозяйственных предприятий и ценностным вычислениям в сельском хозяйстве" (М., 1925. В соавт. с В.И. Лебедевым; Под рук. А.В. Чаянова) и "Счетоводческий анализ крестьянского хозяйства" (М., 1928). Участвовала в составлении словаря-справочника "Математика и кибернетика в экономике" (1975).

Горецкий Гавриил Иванович (1900—?) — экономист-географ, аспирант НИИСХЭ. Специалист по экономической географии Белоруссии. Возглавлял экспедицию НИИСХЭ по исследованию 54 параллели на белорусской территории. Под руководством Чаянова и Рыбникова занимался вопросами экономического влияния Москвы на сельское хозяйство области. Исключён из состава аспирантов в 1929 г. как "антимарксист". Осуждён по делу ТКП в 1931 г.

Гордеев Г.С. (даты жизни не установлены) — заведующий учебной час-

тию НИИСХЭ, член коллегии института.

Громан Владимир Густавович (1874—1940 (?)) — экономист, статистик. До революции член РСДРП(м). Закончил Московский университет. За участие в революционном движении был сослан в Вятку, где работал земским статистиком. Разрабатывал методы выборочных обследований и статистические подходы к характеристике инфляционных процессов. В 20-е годы был ответственным работником Госплана СССР, входил в состав действительных членов НИИСХЭ. Занимался вопросами текущего планирования, организовал при Госплане Конъюнктурный совет. В 1931 г. осуждён по делу так называемого Союзного бюро меньшевиков.

Дубровский Сергей Митрофанович (1900—1970) — историк-экономист. В 1924—1927 гг. — профессор Тимирязевской академии по кафедре истории аграрных отношений, в 1925—1927 гг. — декан экономического факультета той же академии. Член коллегии НИИСХЭ. Один из организаторов Международного аграрного института, с 1925 г. — заместитель директора и член президиума Крестьянского интернационала. Выступал с политической критикой концепций А.В. Чаянова и других представителей организационно-производственной школы. Входил в число организаторов журнала "На аграрном фронте". С конца 50-х годов работал в Институте истории АН СССР. Автор капитальной монографии по истории Столыпинской реформы.

Дояренко Алексей Григорьевич (1874—1958) — агроном, агрофизик, педагог-новатор. Окончил Петербургский университет, Петербургскую консерваторию и Петровскую академию. С 1905 г. возглавлял и редактировал "Вестник сельского хозяйства", а с 1924 г. — "Научно-агрономический журнал". В 1918 г. при опытном поле Академии организовал практический курс полеводства для крестьян Московской губернии, сочетавший лекции и практические занятия. Был репрессирован в 1930 г., в заключении написал "Письма о науке будущего". После освобождения продолжал научно-агрономическую работу в Вятке и Саратове. Реабилитирован в 1987 г.

Евдокимов Ефим Георгиевич (1891—1940) — в 1929—1931 гг. начальник СО ОГПУ. Впоследствии репрессирован по "Делу о заговоре в органах НКВД".

Жданович Сергей Алексеевич (1897— ?) — экономист-аграрник. Сначала аспирант, а затем научный сотрудник НИИСХЭ. Провёл самостоятельное исследование на тему "Развитие рыночного свиноводства в Белоруссии". В 1928 г. исключён из аспирантуры НИИСХЭ с мотивировкой "за неуспеваемость", но фактически за "антимарксистское направление в работе" (РГАЭ. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 203. Л. 160).

Железнов Владимир Яковлевич (1863—1933) — экономист, статистик, профессор ТСХА. Действительный член НИИСХЭ, где заведовал кабинетом сельскохозяйственного кредита. В 1917 г. возглавлял Петровскую академию. На протяжении 20-х гг. занимал должность консультанта Института финансово-экономических исследований. Автор научных трудов по политэкономии, экономике сельского хозяйства.

Жуг (Gide) Шарль (1848—1932) — французский экономист, теоретик и практик кооперации, профессор университетов в Бордо, Монпелье и Париже. Начал свою карьеру как профессор экономики в различных правоведчес-

ких университетах Франции (1876). Главные труды: "Principles d'economie politique" (1883); "Economie sociale" (1903); "History of economic Doctrines" (1909; 1948. With C. Rist).

Журкович Иван Никитович (1894 — ?) — экономист-аграрник, бывший член партии социалистов-революционеров, бывший офицер. Заведующий секцией Конъюнктурного института при Наркомфине СССР, научный сотрудник НИИСХЭ, доцент ТСХА, работал экономистом Колхозцентра СССР. Исследовал семейный крестьянский обиход по материалам бюджетных обследований картофелеводческих хозяйств. Предложил оригинальный метод построения индексов цен на крестьянскую продукцию. Репрессирован по делу ТКП.

Зельгейм Владимир Николаевич (годы жизни не установлены) — деятель русской дореволюционной кооперации, преподавал на кооперативных курсах университета им. Шанявского. Член совета Всероссийского кооперативного съезда в Москве 25—27 марта 1917 г. Товарищ министра земледелия Временного правительства. Работник Цетросоюза. С начала 20-х годов в эмиграции.

Зеринг (Sering) Макс (1857—1925) — немецкий экономист, профессор университетов Бонна (1885) и Берлина (1889—1925). Будучи убежденным сторонником мелкого крестьянского хозяйства, энергично проводил свои идеи в руководящих германской аграрной политикой правительственных органах. Активно способствовал осуществлению мероприятий в области внутренней колонизации и подготовке специального законодательства о крестьянском единонаследии. Считался знатоком русских аграрных отношений и участвовал в научной (1912 г.) поездке германских учёных для ознакомления с положением русской деревни после разрушения общины.

Зиновьев Григорий Евсеевич (настоящие фамилия и имя — Радомысльский Овсей-Герш Аронович) (1883—1936) — видный партийный и государственный деятель. Большевик с 1903 г. С 1917 г. председатель Петроградского совета. Участник Брестских переговоров. С 1919 г. Председатель исполкома 3-го коммунистического интернационала и член ЦК ВКП(б). Репрессирован в 1934 г., в 1936 г. — расстрелян. Реабилитирован в 1988 г.

Зомбарт (Sombart) Вернер (1863—1941) — немецкий экономист, социолог, историк. Проф. в Бреславле и Берлине. Противник учения Маркса, приписывал к левому крылу буржуазной экономической науки. Вслед за М. Вебером решающую роль в развитии общества приписывал изменениям в психике людей, их ментальности; наиболее существенным признаком различных хозяйственных систем считал господствующий в них "хозяйственный дух". Один из авторов теории "организованного капитализма".

Ивин Иван Андреевич (даты жизни не установлены) — временный внештатный сотрудник НИИСХЭ, статистик. Участвовал в экспедиции НИИСХЭ по заданию Сахаротреста. Автор статей по организации труда в колхозах.

Итье (Hitier, H.) (годы жизни не установлены) — французский экономист-аграрник, преподавал в Коллеж де Франс на факультете права. Автор работы "L'exploitation d'un domaine rurale" (Paris, 1926. (Librairie Agricole de la Maison Rustique)).

Кавторин Василий Васильевич (даты жизни не установлены) — экономист-аграрник. Выпускник Петровской академии. Работал в кооперации инструктором Центросоюза, преподавал в Московском зоотехническом инсти-

туте экономику птицеводства. Аспирант НИИСХЭ с 1924 г. В послевоенное время — доцент Всесоюзного сельскохозяйственного института заочного образования. Автор работ по экономическим основам птицеводства, а также книги "Методические указания по курсу «Организация социалистических сельскохозяйственных предприятий»" (1957) и составленных вместе с Н.П. Макаровым "Рабочих таблиц по анализу хозяйственной деятельности социалистических сельскохозяйственных предприятий" (1965).

Каминский Григорий Наумович (1895—1938) — советский партийный и государственный деятель. В 1917—1920 гг. активно способствовал установлению советской власти в Туле, был председателем Тульского губкома и губисполкома. С 1920 г. находился на партийной работе в Баку, где был назначен секретарём ЦК Азербайджана и председателем Бакинского совета. После 1922 г. продолжал свою деятельность в Москве, занимая ответственные посты в Земплане. Исполнял обязанности председателя ЦК профсоюзов "Всероботземлес", заместителя председателя правления Союза союзов сельскохозяйственной кооперации, председателя "Колхозцентра" (1928—1930). С 1930 г. секретарь МГК ВКП(б), затем нарком здравоохранения РСФСР и СССР.

Кассель (Cassel) Густав (1866—1945) — шведский экономист, профессор Стокгольмского университета. Автор многочисленных работ по широкому кругу проблем: от теории денег и цен до вопросов международной торговли.

Кафенгауз Лев Борисович (1885—1940) — экономист, статистик. Окончил юридический факультет Московского университета (1910). В дореволюционный период работал в статистическом отделении Московской городской управы (1911—1914), затем заведовал статистическим отделом Московского управления по топливу. Возглавляя центральный отдел статистики ВСНХ (1919—1930), одновременно преподавал в Московском университете и Коммерческом институте. Автор научных трудов по экономике и статистике промышленности. Репрессирован в 1930 г. Реабилитирован в 1987 г. Главный научный труд Л.Б. Кафенгауза "Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX — 30-е гг. XX века)" (М., 1994) увидел свет только после его реабилитации.

Керженцев (псевдоним, настоящая фамилия *Лебедев*) **Платон Михайлович** (1881—1940) — советский партийный, государственный деятель, публицист, историк. В разные годы занимал ответственные посты в "Правде" и "Известиях", был полпредом в Швеции (1921—1923) и Италии (1925—1926). С 1928 по 1930 г. исполнял обязанности заместителя заведующего агитпропом ЦК ВКП(б), с 1930 г. замещал председателя президиума Комкадемии. Автор работ по истории, вопросам марксизма-ленинизма и культуры.

Киселёв Алексей Александрович (1879—?) — экономист-аграрник, окончил Киевский политехнический институт (1907). Ассистент-преподаватель Самарского сельскохозяйственного института, сотрудник Г.А. Студенского. Занимался общественной агрономией и организацией сельского хозяйства. В 1931 г. осуждён по делу ТКП на 3 года; после окончания срока заключения вернулся к агрономической работе. В 1957 г. реабилитирован.

Кисурин И.Я. (годы жизни не установлены) — ассистент А.В. Чаянова. В 30-е годы работал во Всесоюзном научно-исследовательском совхозном институте ВАСХНИЛ. Автор нескольких работ по организации зерновых совхозов,

вышедших в 30-е годы.

Книпович Борис Николаевич (1890—1924) — экономист-статистик. Учился на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. После высылки из страны за участие в студенческом движении продолжил образование в Мюнхене, где занимался под руководством Л. Брентано. С 1914 г. работал в экономическом бюро Всероссийского земского союза, после Февральской революции — в Общегосударственном продовольственном комитете, Министерстве земледелия и Экономическом совете при Временном правительстве. С ноября 1918 г. управлял отделом сельскохозяйственной экономики и статистики Наркомзема. Преподавал в НИИСХЭ и ряде других учебных заведений. Автор работ по аграрной политике, сельскохозяйственному районированию, сельскохозяйственной эволюции, проблемам дифференциации крестьянства.

Конгратьев Николай Дмитриевич (1892—1938) — выдающийся экономист, статистик. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1915). В 1917 г. участвовал в разработке буржуазной аграрной реформы Главного земельного комитета. Товарищ министра продовольствия во Временном правительстве (октябрь 1917-го). После Октябрьской революции — профессор Тимирязевской академии (ТСХА), директор Конъюнктурного института при Наркомфине СССР. Работал в Центральном товариществе льноводов. Под его руководством разрабатывался план развития сельского хозяйства на 1923—1928 годы. Активно сотрудничал с А.В. Чаяновым, хотя и расходился с ним во взглядах на пути аграрных преобразований. Возглавлял кабинет сельскохозяйственной конъюнктуры в НИИСХЭ. Арестован в 1930 г. по делу ТКП, расстрелян в 1938 г., реабилитирован в 1987 г.

Конюков Иван Алексеевич (даты жизни не установлены) — экономист-аграрник, внештатный научный сотрудник НИИСХЭ. В 20-е годы преподавал сельскохозяйственную экономику в Кубанском сельскохозяйственном и Кубанском педагогическом институтах. Автор работ по вопросам экономики сельского хозяйства.

Коротков Иван Павлович (1890—?) — профессор Харьковского сельскохозяйственного института. В 1930 г. осуждён по делу ТКП на 5 лет.

Корсаков Константин Дмитриевич (1883—1942) — агроном. Дворянин, член партии кадетов. В течение трёх лет находился в ссылке за принадлежность к кадетской партии и антисоветскую деятельность. Был сотрудником опытного поля при Нижегородском сельскохозяйственном институте, членом МОСХ. Осуждён в 1931 г. по делу ТКП на 10 лет. В 1942 г. умер в Карлаге.

Костарев Леонид Семенович (даты жизни не установлены) — экономист-аграрник, ассистент А.В. Чаянова. После ареста своего руководителя выпустил несколько работ по организации совхозного хозяйства.

Костров Николай Иванович (1883—1945) — агроном-экономист, в 20-е годы — научный сотрудник 1-го разряда НИИСХЭ. Заведующий подотделом сельскохозяйственной экономики отдела сельскохозяйственной экономики и статистики Наркомзема РСФСР. Специалист в области сельскохозяйственной экономики и статистики, организации сельского хозяйства.

Котов Андрей Антонович (1891—?) — экономист-географ. Преподавал в Институте народного хозяйства, Петровской академии, был сотрудником

НИИСХЭ и НИИ землеустройства и переселения. Занимался проблемами экономико-географического районирования сельского хозяйства, колонизации Сибири, упорядочения конъюнктуры аграрных рынков, а также вопросами экономики овцеводства и мясного скотоводства.

Кофог (Коффог) Андрей Андреевич (1850—1945) — датский экономист, общественный деятель. В годы Столыпинской реформы служил в российском Департаменте земледелия. Опубликовал ряд работ, в которых убежденно пропагандировал хуторское землепользование.

Красовский Петр Иосифович (даты жизни не установлены) — видный инженер. Автор работ по технике железнодорожного транспорта, технологии автогенной сварки.

Кратинев Владимир Родионович (1894—1925) — экономист-опытник. Окончил в 1918 г. агрономическое отделение Харьковского сельскохозяйственного института. В Харькове преподавал на курсах по опытному делу, затем переехал в Москву, где работал на опытном поле Петровской академии под руководством А.Г. Дояренко. Сотрудник НИИСХЭ с 1923 г., аспирант с 1924 г. Преподавал в ТСХА и других учебных заведениях. Подготовил материалы для книги "Методы таксационных исчислений в сельском хозяйстве", которая после его смерти была доработана А.В. Чайновым и увидела свет в 1927 г.

Крестинский Николай Николаевич (1883—1938) — советский партийный и государственный деятель, большевик с 1903 г. После революции — член коллегии Наркомфина (с декабря 1917-го), заместитель главного комиссара Народного банка (1918). Впоследствии занимал ряд других ответственных постов. С 1921 по 1930 г. советский полпред в Германии. Репрессирован в 1937-м, расстрелян как член так называемого правотроцкистского блока. Постморти реабилитирован.

Крицман Лев Константинович (1820—1938) — партийный государственный деятель, экономист. Окончил химическое отделение Цюрихского университета. После Октябрьской революции работал на руководящих аппаратных должностях. В 1920—1921 гг. исполнял обязанности председателя Комиссии использования при ВСНХ и заместителя председателя Комиссии по изучению аграрной революции в России. В 1923 г., организовав аграрную секцию Коммунистической академии, стал членом её (академии) президиума. С 1928 г. находился на посту директора Аграрного института, в 1926—1929 гг. работал ответственным редактором журнала "На аграрном фронте". Выступал против учения Чайнова и организационно-производственной школы. Обосновывал трёхзвенную схему дифференциации крестьянства (бедняк—середняк—кулак), ставшую одной из основ политики раскрестьянивания в 1929—1933 гг.

Крцимовский (Krzyszowski) Рихард (даты жизни не установлены) — немецкий экономист-аграрник, профессор университета в Бреслау. Автор работ по проблемам экономики сельского хозяйства и кооперации. На русский язык при содействии Чайнова переведена его работа "Развитие основных принципов науки о сельском хозяйстве в Западной Европе" (М., 1927).

Кубанин Михаил Ильич (1898—1941) — экономист-аграрник марксистской ориентации, в конце 30-х годов — директор Аграрного института, автор работ "Классовая сущность процесса дробления крестьянских хозяйств" (1929), "Очерки по организации овощного производства в САСШ" (1933).

Кувшинов Иван Степанович (1896—1975) — агроном, экономист. Сотрудник, затем аспирант НИИСХЭ, с 1925 г. научный секретарь и член коллегии института. В 1924—1926 гг. руководил экспедицией НИИСХЭ по изучению развития совхозов в районах Поволжья, Центрального Черноземья и Северного Кавказа. На протяжении 1929 г. работал директором Воронежского СХИ. В 1930 году был назначен начальником Управления сельхозвузами, в 1933-м — начальником Управления коммунистическими учебными заведениями при ЦК ВКП(б), членом коллегии Наркомзема СССР. С 1946 г. И.С. Кувшинов возглавлял кафедру и деканат ТСХА. Написал ряд работ по вопросам экономики и организации сельского хозяйства.

Кузнецов Н.С. (даты жизни не установлены) — экономист-аграрник, сотрудник НИИСХЭ, Наркомзема и Земплана. По заданию Наркомзема под руководством Рыбникова проводил исследования влияния рынка на крестьянские хозяйства Юга России.

Кузьмин Иван Кузмич (1884—?) — ветеринар, доцент Ленинградского ветеринарного института и Ленинградской сельскохозяйственной академии, научный сотрудник Института крупного социалистического хозяйства. Занимался организацией сельского хозяйства, проблемами кооперации и коллективизации. Осужден по делу ТКП в 1931 г. на 10 лет, реабилитирован в 1959 г.

Куленинский Александр Андреевич (даты жизни не установлены) — экономист-аграрник. Учился в аспирантуре НИИСХЭ с 1925 г., преподавал в ТСХА. Принимал участие в экспедиции НИИСХЭ по заданию Маслоцентра, результаты которой опубликованы в книге: Куленинский А., Рудакова Е., Сулковский М. Классовые группы крестьянских хозяйств и их производственная характеристика на примере подсолнечных районов Саратовской губернии. М., 1930. Т. 1.

Кураев В.В. (1892—1938) — государственный деятель начала 20-х годов. С 1919 г. возглавлял кооперативный комитет Наркомзема, членом коллегии которого (и редактором журнала "Вестник Наркомзема") был назначен в октябре 1918 г. В 1921 г. перешел на работу в газету "Правда".

Курчинский Михаил Анатольевич (1876—1939) — экономист, профессор Петербургского университета. Автор работ в области истории финансового права Западной Европы. С начала 20-х годов в эмиграции, преподавал на экономическом факультете Дерптского университета.

Кускова Екатерина Дмитриевна (1869—1958) — общественная деятельница, публицист. Участвовала в собраниях саратовского народнического кружка (1892). В 1897 г. вместе со своим мужем С.Н. Прокоповичем вступила в "Союз русских социал-демократов за границей". Здесь она примкнула к "экономизму", и поэтому в 1898 г. оказалась исключённой из РСДРП. Её деятельность до революции была связана с кооперативным движением; Кускова также известна как член "Союза освобождения", Республиканско-демократического блока, Комитета помощи голодающим Поволжья. С 1922 г. находилась в эмиграции, активно сотрудничала в эмигрантской печати.

Ларичев Виктор Алексеевич (1887—?) — инженер, председатель топливной секции Госплана СССР. В 1930 г. осужден по делу так называемой Промпартии. Приговорён к расстрелу, который был заменён на 10 лет тюремного заключения.

Ларсен (Larsen) Ларс Хансен (1890—1970) — датский агроном-экономист, профессор Копенгагенской высшей школы ветеринарии и сельского хозяйства (с 1934 г.)

Лаур (Laur) Эрнст Фердинанд (1871—1964) — швейцарский экономист-аграрник, видный деятель европейского крестьянского движения. Свою деятельность начинал как учитель зимней сельскохозяйственной школы в Брюгге. С 1897 г. возглавлял секретариат Швейцарского крестьянского союза, директором которого стал в 1939 г. Профессор (1937), почетный доктор множества европейских университетов. Автор многочисленных работ по теории организации сельскохозяйственных предприятий, сельскохозяйственной таксации, аграрной политике.

Лебедев Василий Иванович (даты жизни не установлены) — экономист-аграрник. Научный сотрудник НИИСХЭ с 1923 г., аспирант — с 1924 г. Преподавал в ТСХА. Занимался организацией сельского хозяйства, сельскохозяйственной таксацией, вопросами эффективности применения сельскохозяйственных машин и орудий.

Левицкий Александр Павлович (1874—1942) — агроном с дореволюционным стажем, член МОСХ. Директор Московской областной сельскохозяйственной станции. В 1918—1925 гг. работал в Наркомземе РСФСР, занимаясь вопросами организации опытного дела (с 1918 г.) и семеноводства (с 1921 г.). В 1921 г. являлся членом экономического совещания Наркомзема, в 1922 г. стал сотрудником Земплана. Заведовал опытным делом в Московской губернии. С 1931 г. отбывал 10-летнее наказание по делу ТКП. Расстрелян немцами на оккупированной территории (1942).

Ленская Е.О. (даты жизни не установлены) — кооперативная деятельница, участница кооперативных съездов, член правления Центросоюза. Входила в группу держателей ценностей Московского народного банка. С начала 20-х годов в эмиграции. Читала лекции по кооперации на кооперативных курсах в Берлине.

Лескюр (Lescure) Жан (1882—1942) — французский экономист, историк. Профессор университета в Бордо. Автор фундаментальных исследований по истории французских, немецких, английских и американских кризисов за период с 1810 по 1922 г.

Литошенко Лев Николаевич (1886—1937) — экономист. Окончил экономическое отделение юридического факультета МГУ (1909). После 1917 г. получил звание профессора ТСХА, работал в ЦСУ. В 1924—1925 гг. заведовал кабинетом сельскохозяйственной статистики НИИСХЭ. Выступал против концепции, утверждавшей потребительский характер крестьянских хозяйств; определял природу крестьянского хозяйства как "приобретательскую". Совместно с П.И. Поповым руководил работой по составлению первого в мире межотраслевого баланса на 1923/24 г. Репрессирован (1930), расстрелян (1937). Реабилитирован в 1987 г.

Лопатин Иван Дионисиевич (1887—?) — агроном-экономист. Преподавал в ТСХА и Институте народного хозяйства. Некоторое время был учёным секретарем НИИСХЭ.

Лотошников Сергей Михайлович (1883—?) — экономист-финансист. Работал в тресте "Севвослес", занимался сельскохозяйственной кооперацией.

Лошаков М.Г. (даты жизни не установлены) — временный внештатный сотрудник НИИСХЭ, работал по договору с Сахаротрестом.

Лубяко Василий Никитович (1881—1949) — экономист-аграрник. Закончил Горький сельскохозяйственный институт и аспирантуру ТСХА. Автор учебника по организации сельскохозяйственных предприятий.

Любошиц Л.И. (даты жизни не установлены) — экономист-аграрник, с 1925 г. аспирант НИИСХЭ по специальности "конъюнктура сельского хозяйства". Интересовался вопросами полеводческой техники. С 1928 года вёл семинар по политической экономии для аспирантов НИИСХЭ. В 1929 г. был командирован в Ростовский сельскохозяйственный институт.

Макаров Николай Павлович (1887—1980) — экономист-аграрник. Окончил экономическое отделение юридического факультета МГУ (1911). С 1924 г. профессор ТСХА. В 1911—1924 гг. изучал проблемы экономики, организации и технологии сельскохозяйственного производства в США и Западной Европе. Принадлежал к организационно-производственной школе. Возглавлял кабинет сельскохозяйственной кооперации НИИСХЭ. Автор многочисленных трудов по вопросам экономики сельского хозяйства. В 1930 г. репрессирован по делу ТКП, реабилитирован в 1987 г.

Мальская Зинаида Дмитриевна (1890—1928). Заведующая экономическим отделом Московской областной опытной станции. Специалист по опытному делу и экономическим проблемам сельского хозяйства Центрально-Промышленной области, сотрудник НИИСХЭ. В 1928 г. покончила жизнь самоубийством.

Мануйлов Александр Аполлонович (1861—1929) — экономист, доктор экономических наук (1901), профессор, член Московского общества сельского хозяйства (1924). В 1883 г. окончил юридический факультет Новороссийского университета (Одесса). Сначала разделял трудовую теорию стоимости, однако после революции 1905—1907 гг. перешёл на позиции теории предельной полезности и психологической школы. В 1917 г. был министром просвещения Временного правительства. После Октябрьской революции эмигрировал, но вскоре возвратился и сотрудничал с советской властью. Участвовал в подготовке реформы русского правописания (1918). С 1924 г. входил в правление Государственного банка. Читал лекции для студентов вузов, в том числе ТСХА.

Маньков К.Т. (даты жизни не установлены) — с 1926 г. аспирант НИИСХЭ по специальности "организация сельского хозяйства". Преподавал в ТСХА.

Марголин Лев Соломонович (1895—1937) — работник Земплана, учёный секретарь Академии сельскохозяйственных наук. Арестован в августе 1937 г. по обвинению во вредительской деятельности и составлении террористических актов. 27 сентября 1937 г. расстрелян, в 1955 г. реабилитирован.

Маршак (Marschak) Яков (1898—1977) — немецкий экономист (уроженец Украины), приват-доцент Гейдельбергского университета, профессор экономики в Оксфорде и Чикаго. Пионер экономических теорий информации, организации и выбора оптимальных решений в условиях неопределённости. Один из создателей теории стоимости информации и теории стохастических решений. Автор многочисленных научных работ.

Маслов Сергей Семёнович (1887—1945 (?)) — агроном, экономист, публицист. По политическим убеждениям — правый эсер. С 1921 г. в эмиграции.

В 1922—1924 гг. редактировал периодический сборник статей общественно-политического и экономического содержания "Крестьянская Россия", выходивший в Праге.

Маслов Пётр Павлович (1867—1946) — экономист, историк, специалист в области аграрных отношений. Учился в Харьковском ветеринарном институте. В 1894 г. изучал политическую экономию на скамьях Венского университета. После II съезда РСДРП 1903 г. примкнул к меньшевикам. В противовес программе национализации выдвинул программу муниципализации земли, которую отстаивал на IV съезде партии (1906). После Октябрьской революции отошёл от политической деятельности, вёл педагогическую и научную работу. Действительный член НИИСХЭ. Профессор МГУ, автор многих работ по политэкономии социализма, аграрной теории, истории российского крестьянства.

Менжинский Вячеслав Рудольфович (1874—1934) — советский государственный и партийный деятель. По образованию юрист. Участник революции 1905—1907 гг. и Октябрьской революции в Петрограде, комиссар Временного революционного комитета (ВРК). С 1918 г. нарком финансов РСФСР. В 1919 г. нарком РКИ УССР. С 1919 г. член президиума ВЧК, с 1923 г. заместитель председателя президиума ВЧК, с 1926 г. председатель ОГПУ. Член ЦК партии с 1927 г. Член ЦИК СССР.

Мессинг Станислав Агамович (1898—1937). В 1929—1931 гг. заместитель председателя ОГПУ. Впоследствии репрессирован.

Мизес (Mises) Людвиг фон (1881—1973) — американский экономист австро-венгерского происхождения. Профессор Венского университета (1917—1938). В 1940 г. переехал в США, с 1945 г. — профессор Нью-Йоркского университета. Автор множества трудов, в том числе книг "Socialism" (1951; Пер. на рус. яз. 1995), "Theory of Money and Credit" (1953), "The ultimate foundation of economic science" (1962).

Милуков Павел Николаевич (1859—1943) — русский политический деятель, историк и публицист. Окончил Московский университет (1882). С 1886 г. приват-доцент на кафедре русской истории. В 1892 защитил диссертацию на степень магистра истории. В 1894 г. за связь со студенческим движением уволен из университета и выслан в Рязань (до 1897 г.). Несколько лет провел за границей, выступая с лекциями по русской истории в Софийском и Чикагском университетах; сотрудничал в журнале "Освобождение". По возвращении в Россию (весна 1905 г.) стал активным деятелем "Союза освобождения", членом бюро земских и городских съездов. Один из организаторов кадетской партии (с 1907 г. председатель её ЦК). Во Временном правительстве получил портфель министра иностранных дел. С 1920 г. жил и работал в эмиграции, где издавал газету "Последние новости", занимался историей и публицистикой.

Милютин Владимир Павлович (1884—1937) — экономист, советский партийный и государственный деятель. Нарком земледелия первого советского правительства. В 1925—1927 гг. — заместитель председателя Коммунистической академии. В 1928—1934 гг. — управляющий ЦСУ СССР, автор ряда экономических работ, среди которых книги "Аграрная политика в СССР" (1926), "История экономического развития СССР" (1928).

Михановская Н.З. (даты жизни не установлены) — аспирантка НИИСХЭ из Белоруссии. С 1926 г. вела исследования по продуктивному животноводству, участвовала в экспедиции, обследовавшей молокопроизводящие хозяйства Московской области. В 1928 г. исключена из НИИСХЭ вместе с С.А. Ждановичем.

Мокеев (имя, отчество и годы жизни не установлены) — деятель сибирской кооперации, в 20-х годах находился в эмиграции.

Мюнценберг (Münzenberg) Вилли (1889—1940) — немецкий политик и публицист.

Назимов И.Н. (даты жизни не установлены) — аграрник, аспирант НИИСХЭ с 1925 г., принимал участие в экспедиции по исследованию экономического профиля 54 параллели, был научным сотрудником Коммунистической академии.

Наумов Константин Ильич (1897—?) — экономист-аграрник. Заведовал отделом коллективного земледелия ЦСУ РСФСР. Как аспирант НИИСХЭ (с 1925 г.) участвовал в исследовании крестьянских хозяйств льноводного волоколамского района (совместно с Я. Анисимовым и И. Верменичевым). Уточнял способы контроля качества полевых работ в колхозах. Подготовил ряд публикаций по проблемам улучшения культурных пастбищ и совершенствования луговодства.

Норс (Nourse) Эгвин Грисволд (1883—1974) — американский экономист-аграрник, профессор, автор многочисленных трудов по экономике сельского хозяйства США. На русский язык переведены его работы "Американское сельское хозяйство и Европейский рынок" (М.; Л., 1926); "Сельское хозяйство Соединенных Штатов Северной Америки" (М.; Л., 1930).

Оже-Лариб (Auge-Laribe) Мишель (1876—1954) — французский экономист-аграрник. Постоянный представитель Франции в Международном комитете по сельскому хозяйству. Автор работ, исследующих проблемы сельскохозяйственной кооперации и кредита, эволюцию французского сельского хозяйства и историю французской аграрной политики. Известен также как создатель литературно-исторического этюда о музыканте Мессажёре.

Олеванов Павел Александрович (1898—?) — аспирант НИИСХЭ с 1925 г., затем аспирант Колхозного института. Преподавал в ТСХА. Специализировался на проблемах животноводства.

Оппенгеймер (Oppenheimer) Франц (1864—1943) — немецкий экономист, социолог, представитель социальной школы. По профессии врач. С 1909 года — приват-доцент Берлинского университета, в 1919—1929 гг. профессор университета во Франкфурте-на-Майне. Для методологии Оппенгеймера характерна правовая интерпретация экономических явлений. Автор программы преобразования общества на некапиталистической основе путем устранения крупного землевладения и создания кооперативных товариществ, в которых одновременно существуют единоличное и общее владение и труд.

Орвин (Orwin) Чарльз Стюарт (1876—?) — английский экономист-аграрник, издатель журнала Королевского сельскохозяйственного общества (1912—1927), директор Института исследований в области сельскохозяйственной экономики при Оксфордском университете.

Осадчий Пётр Семёнович (1866—1943) — крупный специалист в обла-

сти электротехники. По окончании в 1890 г. Петербургского электротехнического института работал в нём преподавателем, профессором, затем ректором. После революции был заместителем председателя Госплана (с апреля 1921 г.) и одновременно председателем Центрального электротехнического совета ВСНХ; возглавлял технический совет Днепростроя, продолжал преподавать. В 1930 г. по делу Промпартии приговорён к 10 годам лишения свободы. В 1935 г. согласно постановлению ЦИК СССР досрочно освобождён. Реабилитирован (путём снятия судимости) в 1937 г.

Осинский Н. (псевдоним, настоящие имя и фамилия — Оболенский Валерий Валерианович) (1887—1938) — государственный и партийный деятель, экономист. Член компартии с 1907 г. Учился в Московском университете (1905), затем (1907) в Мюнхене и Берлине. После Октябрьской революции — управляющий Госбанком РСФСР, первый председатель ВСНХ (до марта 1918 года). В 1918 г. работал в редакции газеты "Правда" и в отделе советской пропаганды ВСНХ. Некоторое время исполнял обязанности заместителя наркома земледелия, в 1925 г. стал членом президиума Госплана. С 1926 по 1928 г. возглавлял ЦСУ СССР. Репрессирован в 1938 г.

Осоргин Михаил Андреевич (1878—1943) — писатель, журналист. Выслан из России в 1922 г. Проживал в Париже. Редактировал журнал "Современные записки".

Пальчинский Петр Акимович (1875—1930) — горный инженер. Принимал участие в Февральской революции в качестве члена военной комиссии комитета Государственной Думы. Известен как товарищ Министра торговли и промышленности Временного правительства, затем помощник губернатора Петрограда и начальник обороны Зимнего дворца 7 ноября (25 октября) 1917 г. В 1919 г. Пальчинский был арестован ВЧК по обвинению в контрреволюционной деятельности, но освобождён по распоряжению Ленина. В советское время работал сотрудником ВСНХ, а затем Госплана СССР. Расстрелян в 1928 г. по делу о вредительстве в золото-платиновой промышленности.

Першин Павел Николаевич (1891—1970) — экономист-аграрник, специалист по проблемам землеустройства. Выпускник Петроградского университета, один из разработчиков реформы землепользования в годы революции. Профессор кафедры экономики землеустройства Московского межевого института (1923—1928) и одновременно руководитель кабинета землеустройства НИИСХЭ. Преподавал в Воронежском сельскохозяйственном институте (1929—1948). С 1948 г. академик Академии наук УССР.

Попов Константин Андреевич (1876—1949) — деятель ВКП(б), с конца 20-х гг. перешедший на научную работу. В 1919—1920 гг. — председатель чрезвычайной следственной комиссии по делу Колчака в Иркутске. С 1922 по 1928 г. — заведующий подразделом пропаганды и заместитель заведующего организационно-пропагандистским отделом ЦК ВКП(б). В 1928 г. — заместитель ректора Института красной профессуры. В конце 20-х годов — член научно-политической секции ГУСа. Возглавлял комиссию по проверке НИИСХЭ (1927). С 1929 г. — научный сотрудник Института Ленина.

Прокопович Сергей Николаевич (1871—1955) — экономист, публицист и политический деятель. Окончил Брюссельский университет (1899), вступил в Союз русских социал-демократов за границей, принадлежал к крайне пра-

вому крылу "экономизма". С 1904 г. член совета либерально-буржуазного "Союза освобождения". В 1905 г. входил в ЦК кадетской партии, откуда, впрочем, через недолгое время вышел. В 1906 г. совместно с женой Е.Д. Кусковой издавал в Петербурге журнал "Без заглавия". После Февральской революции занимал посты министра торговли и промышленности и министра продовольствия Временного правительства. Участвовал в работе Общественного комитета помощи голодающим (1921). С 1922 г. в эмиграции, где занимался экономикой и вёл публицистическую деятельность.

Рабинович Лазарь Григорьевич (1860—?). До революции — крупный промышленник, в советское время — сотрудник промышленной секции Госплана СССР, глава научно-технического совета каменноугольной промышленности. Осуждён в 1928 г. по так называемому Шахтинскому делу.

Радзивиловский Александр Павлович (он же — Израиль Моисеевич) (1904—1940) — сотрудник СО ОГПУ. Арестован в 1940 г.

Рамзин Леонид Константинович (1887—1948) — инженер, директор Всесоюзного теплотехнического института. Один из разработчиков плана ГО-ЭЛРО. В 1930 г. осуждён по делу так называемой Промпартии за вредительство, приговорён к расстрелу, заменённому 10-ю годами тюрьмы. В "шарашке" разработал конструкцию промышленного прямоточного котла ("котла Р"), за что был представлен к Государственной премии СССР (1943). В 1955 г. реабилитирован.

Rumpe (Ritter) Курт (1894—1961) — немецкий экономист-аграрник, профессор, заведующий кафедрой аграрной политики университета им. Гумбольдта в Берлине, после второй мировой войны — член академии сельскохозяйственных наук ГДР. В 20-х и 30-х годах изучал международную торговлю продуктами сельского хозяйства, сельскохозяйственную кооперацию, германскую аграрную политику и её кризис. Поместил рецензию на немецкое издание книги Чаянова о крестьянском хозяйстве в журнале "Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik" (Jena, 1924. Bd. 122, H. 5. S. 680).

Робинзон (Robinson) Морис Генри (1890—1946) — американский экономист, профессор Колумбийского университета (1914—1923), автор ряда работ по таксации и организации предприятий. Был иностранным членом НИИСХЭ.

Рудакова Евдокия Андреевна (1890—?) — экономист-аграрник. Аспирантка НИИСХЭ с 1926 г., на протяжении 1928/29 г. участвовала в деятельности коллегии НИИСХЭ. Совместно с М.В. Сулковским работала в экспедиции НИИСХЭ по обследовании районов возделывания масличных культур.

Рудин Николай Петрович (1876—?) — землеустроитель. Профессор, кандидат в члены ВЦИК, заместитель начальника управления Мелиозема НКЗ, старший консультант по землеустройству Наркомзема РСФСР. Осуждён по делу ТКП на 10 лет.

Рыбников Александр Александрович (1877—1938) — экономист-географ. В 20-х гг. профессор ТСХА. Занимался проблемами ремесленной и кустарной промышленности, промысловой кооперации, вопросами экономики и организации крестьянских хозяйств. Посвятил серию статистико-экономических работ развитию льноводства в России. После Февральской революции был членом совета Главного земельного комитета, принимал участие в выработке про-

екта аграрной реформы. Участвовал в работе сельскохозяйственной секции Госплана. Член коллегии НИИСХЭ, где возглавлял кабинет сельскохозяйственной географии. Репрессирован по делу ТКП (1930), расстрелян (1938). Реабилитирован в 1987 г.

Сагайдак Елена Васильевна (даты жизни не установлены) — научный сотрудник кабинета сельскохозяйственной географии и районирования НИИСХЭ.

Садырин Павел Александрович (1877—1938) — старый кооперативный деятель. Председатель кооперативных курсов Университета Шаняяского в Москве, участник Всероссийского съезда кооператоров, проходившего в Киеве 1—7 августа 1913 г. Участвовал в деятельности НИИСХЭ. Был председателем правления сельскохозяйственного общества в Москве, членом ЦИК СССР, работал в "Совхозхозстрое". Осуждён по делу ТКП (1931), расстрелян (1938). В 1957 г. реабилитирован.

Салин (Salin) Эггар (1892—1974) — немецкий экономист и социолог, профессор Гейдельбергского университета (1924) и университета в Базеле (1927). Последователь экономической теории Отто Шпанна, рассматривавшей экономическую историю как борьбу между коллективными и индивидуалистическими началами.

Сато Канзю (1897—1967) — японский экономист-аграрник, член Всеяпонского союза сельскохозяйственной кооперации. Профессор аграрного факультета Токийского императорского университета (1922—1936), ректор Токийского аграрного института (1939—1955). Автор многочисленных работ по проблемам кооперации сельского хозяйства. В 1912 г. издал в переводе на японский язык работу П. Кропоткина "Fields, Factories and Workshops..." (1898).

Свечин Александр Андреевич (1878—1938) — советский военный теоретик и историк. Дворянин. Окончил Академию Генштаба (1903). Участник первой мировой и гражданской войн. С октября 1918-го по апрель 1921 г. — преподаватель Академии Генштаба РККА, одновременно, с декабря 1918 г. — председатель Военно-исторической комиссии по использованию опыта первой мировой войны. Находясь на военно-педагогической работе, получил звание профессора. Занимался историей военного искусства, стратегией и её эволюцией.

Семёнов Семён Данилович (даты жизни не установлены) — агроном, заведующий экономическим отделением и отделением применения Новозыбковской сельскохозяйственной опытной станции. Интересовался вопросами экономики, кооперации, организации крестьянского хозяйства.

Серпиери (Serpieri) Аппиго (1877—1960) — итальянский экономист-аграрник и политический деятель. В своих работах рассматривал экономику сельского хозяйства как составную часть универсальной экономической науки.

Сивогризов А.Ф. (даты жизни не установлены) — аграрник, аспирант НИИСХЭ с 1925 г. Работал заместителем председателя секции районирования Наркомзема.

Сидоров Сергей Михайлович — оперуполномоченный 2-го отделения СПО ОГПУ.

Силин Александр Георгиевич (даты жизни не установлены) — эконо-

мист-аграрник, аспирант НИИСХЭ с 1926 г. Работал под руководством Н.П. Макарова. Преподавал по кафедре методологии составления перспективных планов развития сельского хозяйства ТСХА. Занимался организацией и планированием сельского (в том числе колхозного) хозяйства.

Симиан (Simiand) Франсуа (1873—1935) — французский социолог и экономист. Профессор кафедры организации труда, преподаватель истории труда в Коллеж де Франс (1932—1935). Главная работа "Le salaire, l'évolution sociale et la monnaie" (1932) посвящена анализу факторов, влияющих на эволюцию заработной платы.

Синицкий Евгений Леонтьевич (даты жизни не установлены) — агроном, преподаватель по кафедре организации хозяйства ТСХА, ассистент НИИСХЭ. Специалист в области экономики животноводства и молочного скотоводства.

Скальвайм (Skalweit) Аугуст (1879—1960) — немецкий экономист-аграрник, профессор университета в Киле. Автор работ "Agrarpolitik" (1923), "Die deutsche Kriegserfahrungswirtschaft" (1927). Автор благожелательной рецензии на немецкое издание книги Чаянова о крестьянском хозяйстве: Die Familienwirtschaft als Grundlage für ein System der Sozialökonomik // Weltwirtschaftliches Archiv. 1924. Bd. 20, H. 2. S. 231—246.

Славатинский Александр Сергеевич (1892—1938) — майор госбезопасности, помощник начальника УНКВД по Саратовской области (в 1930—1932 гг. — начальник отделения СО ОГПУ). 10 марта 1938 г. арестован вместе с Я.С. Аграновым как участник заговора в НКВД. 26 февраля 1939 г. расстрелян. Реабилитирован в 1955 г.

Солдатов Леонид Константинович (даты жизни не установлены) — экономист. Учёный секретарь НИИСХЭ (1923—1925), затем руководитель кафедры теоретической экономики Среднеазиатского сельскохозяйственного института. Переводил с немецкого работы Лаура и Бринкмана.

Соломатов Пётр Тимофеевич (1882—?) — агроном, кооператор. Член МОСХ, экономист-кооператор "Пчеловодсоюза". Репрессирован в 1931 г. по делу ТКП. Реабилитирован в 1956 г.

Сольц Арон Александрович (1872—1945) — партийный государственный деятель. В 1930—1931 гг. — член президиума ЦКК ВКП(б), член Верховного суда СССР, занимал ответственные посты в Прокуратуре СССР.

Ставраков Н.Н. (даты жизни не установлены) — студент ТСХА, автор работы "Практическое руководство по составлению вариантных схем организационного плана совхоза" (Сост. на примере конкрет. х-ва животноводственно-полеводственного направления «Бороденки» Мосгубсельтреста. М., 1929), предисловие к которой написал А.В. Чаянов.

Стамбульский (Стамболийский) Александр (1879—1923) — видный болгарский политический деятель. С 1904 г. глава Земледельческого народного союза Болгарии, президент Болгарии (1918). В 1919 г. вошёл в коалиционное правительство Тодорова, которое возглавлял с октября того же года. В результате заговора буржуазных партий и Военной лиги 9 июня 1923 г. был свергнут и зверски убит.

Стенцель З.С. (даты жизни не установлены) — деятель русской кооперации предреволюционного периода, сотрудник отдела труда Совета коопера-

тивных съездов. Принимал участие в Кооперативном съезде 1918 г. С начала 20-х годов в эмиграции.

Стрижов Иван Николаевич (1872—?) — геолог, нефтяник, минералог, член ряда научных обществ. Был управляющим железными рудниками и нефтяными промыслами нескольких предприятий на Урале и Северном Кавказе. С июля 1920 г. помощник управляющего технической частью Главного нефтяного комитета, затем технический директор Грознефти; впоследствии занимал другие руководящие посты в нефтяной промышленности. С 1923 г. профессор Московской горной академии.

Строгий Владимир Николаевич (1897—?) экономист, работал старшим экономистом планово-экономического сектора НКЗ РСФСР, был внештатным сотрудником НИИСХЭ, вёл работу по составлению конъюнктурных обзоров, семинары, курсы по подготовке и переподготовке агроспециалистов. Под руководством Лященко исследовал процессы капиталонакопления в советской деревне середины 20-х годов. По делу ТКП приговорён к 10 годам лишения свободы.

Струмилин (Струмилло-Петрашкевич) Станислав Густавович (1877—1974) — экономист, статистик, доктор экономических наук, профессор, академик АН СССР. Учился в Петербургском электротехническом институте (1897), на экономическом отделении Политехнического института, который окончил со званием кандидата экономических наук (1914). В 1918—1919 гг. заведовал отделом статистики Петроградского областного комиссариата труда, затем — отделом статистики Наркомата труда и ВЦСПС (1919—1923), параллельно работал в Госплане СССР (1921—1937), вёл научно-педагогическую работу в МГУ (1921—1923), МИНХе (1919—1930), Московском государственном экономическом институте (1931—1950). В конце 20-х годов принимал активное участие в травле А.В. Чаянова и его коллег.

Студенский Геннадий Александрович (1898—1930) — экономист-аграрник. Окончил Пензенскую духовную семинарию. В 1918—1921 гг. учился в Петровской академии, с 1921 по 1923 г. вёл научно-исследовательскую работу при академической кафедре сельскохозяйственной экономики. Был сотрудником НИИСХЭ, в конце 20-х гг. вёл научную работу в Саратове. Один из самых выдающихся учеников А.В. Чаянова. Критически развивал основные идеи организационно-производственной школы, писал по проблемам теории крестьянского хозяйства, теории земельной ренты трудового хозяйства, методики бюджетных исследований, составления организационных планов крупных сельскохозяйственных предприятий и т. д. Был репрессирован в связи с делом ТКП, в 1930 г. покончил жизнь самоубийством. Реабилитирован в 1987 г.

Сулковский Михаил Владимирович (1903—?) — агроном, учёный секретарь Аграрного института при Комакадемии. Преподавал в ТСХА. Аспирант НИИСХЭ с 1925 г. Принимал участие в экспедиции НИИСХЭ по исследованию районов выращивания масличных культур. Участвовал в травле Н.Д. Кондратьева и А.В. Чаянова. Автор статьи "Вредительство экономическое" в "Сельскохозяйственной энциклопедии" (1932. Т. 1. С. 775—777). Был репрессирован.

Суханов (Гиммер) Николай Николаевич (1882—1940 (?)) — экономист-аграрник и публицист. Учился в парижской Высшей школе общественных на-

ук (1902). С 1903 г. продолжал обучение в Московском университете. После Октябрьской революции работал экономистом различных научных учреждений. Принимал участие в работе НИИСХЭ. Был осуждён по делу так называемого Союзного бюро меньшевиков (1931).

Танахаши Хацумаро (1893—1979) — японский экономист-аграрник. Окончил Токийский университет (1918). Работал в Министерстве сельского хозяйства. Получив профессорское звание на аграрном факультете университета в Киото (1925), до 1953 г. руководил кафедрой сельскохозяйственной кооперации. Автор трудов по проблемам кооперирования. Состоял в переписке с А.В. Чаяновым.

Тейтель Александр Владимирович (1874—1937) — земский агроном, экономист, действительный член НИИСХЭ, член совета агрономического факультета ТСХА. Начиная свою деятельность с агрономии, был редактором журнала "Земский агроном". Занимался экономикой, организацией и регулированием сельского хозяйства, аграрной политикой. До 1930 г. работал в Наркомземе. После ареста по делу ТКП (1931) и ссылки, в 1934 г. возвратился в органы НКЗ. Расстрелян в 1937 г.

Теряева А.Н. (даты жизни не установлены) — с 1927 г. аспирантка НИИСХЭ по специальности "экономика сельского хозяйства".

Тумановский Сергей Николаевич (1896—?) — экономист-аграрник. Преподавал в Казанском сельскохозяйственном институте. Работал в Народном комиссариате земледелия Татарской АССР. Автор ряда работ об экономических основах возделывания полевых культур (в том числе написанных вместе с А.В. Чаяновым и А.Н. Челинцевым).

Тюнен (Thünen) Иоганн Генрих фон (1783—1850) — немецкий ученый-помещик, экономист-аграрник, ученик Тэера. Организатор образцового хозяйства на базе собственного имения Теллов. В своей книге "Der isolierte Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und Nationalökonomie" (1826; Пер. на рус. яз. М., 1926. (Тр. НИИСХЭ)), рассматривал влияние фактора удалённости от рынка на организацию сельского хозяйства.

Ужанский Савелий Герасимович (1900—?) — экономист-аграрник. Преподавал во 2-м МГУ, ТСХА, Академии коммунистического воспитания. Состоял членом аграрной секции Коммунистической академии. Интересовался проблемами эволюции сельского хозяйства, деревенской кооперацией. Совместно с Ю.И. Вильдо выпустил брошюру о крестьянском хозяйстве в связи с проблемой свеклосеяния.

Уоррен (Warren) Джордж Фредерик (1874—1938) — американский экономист-аграрник, профессор экономики сельского хозяйства Корнуэльского университета, первый вице-президент Международной ассоциации экономистов-аграрников (1929—1931), иностранный член НИИСХЭ. В своих работах рассматривал вопросы организации фермерских хозяйств и влияния на них внешних факторов — аграрной политики, народнохозяйственной конъюнктуры.

Фабрикант Александр Осипович (1880—1965) — агроном-экономист. Профессор ТСХА. Действительный член НИИСХЭ, где возглавлял кабинет общественной агрономии, действительный член Исследовательского института научной педагогики при 2-м МГУ. Занимался сельскохозяйственной эконо-

мией и общественной агрономией. В 1920—1922 гг. служил уполномоченным Центрального управления земледелия и заведующим отделом агрономической помощи Наркомзема РСФСР. После 1922 г. преподавал в ТСХА.

Фанталов Сергей Иванович (даты жизни не установлены) — агроном, секретарь и преподаватель факультета сельскохозяйственной экономики и политики Петровской сельскохозяйственной академии. Один из организаторов подмосковных молочных хозяйств (1916—1921). Как научный сотрудник НИИСХЭ под руководством Чаянова изучал проблемы амортизации в сельском хозяйстве.

Федотов Александр Александрович (1864—?) — инженер-текстильщик. Председатель коллегии научно-исследовательского Текстильного института. В 1930 г. осуждён по так называемому делу Промпартии, приговорён к расстрелу, который был заменён на 10 лет лишения свободы.

Фильченков Дмитрий Сергеевич (годы жизни не установлены) — старший уполномоченный СО ОГПУ.

Фогель (Vogel) Эммануэль Хуго (1875—?) — австрийский экономист, профессор Высшей школы земледелия в Вене и венского университета. Сторонник "органического" подхода к рассмотрению социально-экономических проблем. Автор работ по теории народного хозяйства, закономерностям экономических циклов и конъюнктуры, вопросам прогнозирования.

Фокин Дмитрий Петрович (даты жизни не установлены) — аграрник-экономист, старший ассистент областной сельскохозяйственной опытной станции.

Хармс (Harms) Бернхардт (1876—1936) — немецкий экономист, профессор университетов в Йене (1906), Гогенхейме (1907), Киле (1908). В 1908 г. при кильском университете основал Институт мирового хозяйства, которым руководил с 1914 по 1933 г. Основные труды: "Volkswirtschaft und Weltwirtschaft" (1912), "Strukturwandlungen der deutschen Volkswirtschaft" (1928. Bd. 1—2).

Хауке Отто Агольфович (1874—?) — землеустроитель, действительный член Государственного НИИ землеустройства и переселения. Преподавал в Московском межевом институте и Белорусской сельскохозяйственной академии (в Горках). Автор научных работ, посвящённых вопросам землеустройства. Репрессирован по делу ТКП в 1931 г.

Хлебников В.Н. (годы жизни не установлены) — аграрник, аспирант НИИСХЭ с 1926 г. Преподавал в ТСХА и на Высших практических курсах сельскохозяйственной кооперации. Интересовался вопросами кооперативизации и организации труда в колхозах.

Холмс (Holmes) Кларенс Лерой (1879—1938) — американский экономист-аграрник, профессор сельскохозяйственного колледжа штата Айова.

Хренников Сергей Александрович (1872—1929) — инженер. Проходил по делу Промпартии, обвинялся во вредительстве и передаче сведений о состоянии промышленности СССР английским фирмам. Умер в тюрьме во время следствия.

Цанков Александр (1879—1959) — болгарский государственный и политический деятель, один из организаторов фашистского переворота 9 июня 1927 г. Возглавлял болгарское фашистское правительство. Во время второй ми-

ровой войны придерживался тактики союза Болгарии с Германией. В 1944 г. бежал за границу.

Цыпленков Василий Михайлович (даты жизни не установлены) — аграрник-экономист, аспирант НИИСХЭ с 1926 г. Преподавал в ТСХА. Занимался сельскохозяйственной экономией и организацией сельского хозяйства.

Чаянов Василий Александрович (р. 1925) — младший сын А.В. Чаянова.

Чаянов Никита Александрович (1923—1942) — старший сын А.В. Чаянова.

Чаянова (Клепикова) Елена Константиновна (1862—1935) — мать А.В. Чаянова.

Чаянова (Гуревич) Ольга Эммануиловна (1897—1983) — жена А.В. Чаянова, искусствовед. Дважды необоснованно репрессирована в 1937 и 1948 гг.

Чарновский Николай Францевич (1868—1938) — инженер, профессор, председатель научно-технического совета ВСНХ. Автор работ по металлургии. В 1930 г. осуждён по так называемому делу Промпартии. Приговорён к расстрелу, который был заменён 10 годами заключения. Расстрелян в 1938 г.

Челинцев Александр Николаевич (1874—1962) — экономист-аграрник, один из основных представителей организационно-производственной школы, ближайший сподвижник Чаянова. Окончил Новоалександровский институт сельского хозяйства и лесоводства, где затем и преподавал. В 1913—1919 гг. проводил бюджетные обследования крестьянских хозяйств. Участвовал в разработке аграрной реформы Временного правительства (1917). Читал лекции студентам ТСХА, работал в НИИСХЭ (1925—1929). Занимался практической агрономией, счетоводством, районированием, планированием сельского и теорией организации крестьянского хозяйства, проблемами кооперации, вопросами дифференциации крестьянства, семейно-трудовой теорией. В 1930 г. репрессирован по делу ТКП. Реабилитирован в 1987 г.

Чубаков Георгий Павлович (1894—?) — экономист, преподаватель ТСХА, научный сотрудник НИИСХЭ, в 1921 г. заведующий группой отдела специальных срочных заданий Управления сельскохозяйственной экономики и плановых работ, после реорганизации 1923 г. — старший специалист подотдела сельскохозяйственной экономики Управления сельского хозяйства.

Шапочников Николай Николаевич (1878—1939) — экономист. Окончил юридический факультет Московского университета. Приват-доцент (1906), магистр политической экономики и статистики (1913). Профессор Московского коммерческого института (1913—1927). С 1923 по 1928 г. заместитель председателя секции денежного обращения и кредита Института экономических исследований НКФ СССР. Одновременно являлся научным консультантом Конъюнктурного института. Принимал участие в разработке экономического обоснования строительства и эксплуатации Днепрогэс (1924—1930). В 1930 г. был арестован и находился под следствием. В 1931—1936 гг. занимал должность главного инженера Главэнерго Наркомтяжпрома. В 1937 г. перешёл на научную работу в НИФИ.

Шер Василий Васильевич (1883—1940) — общественный, государственный деятель, участник кооперативного движения предреволюционных лет. После Февральской революции — секретарь Совета солдатских депутатов в Москве, после июльских событий — помощник командующего войсками Москов-

ского военного округа, затем начальник политуправления военного министерства. При советской власти работал в Центросоюзе, ВСНХ, Госбанке. Арестован и осуждён по делу Союзного бюро меньшевиков.

Шиков (годы жизни не установлены) — выпускник ТСХА, аспирант Института крупного хозяйства.

Шорыгин Дмитрий Макарович (1871—1932 (?)) — агроном с дореволюционным стажем, экономист-аграрник. В послереволюционный период — агроном Сельхозсоюза. Преподавал на высших курсах сельскохозяйственной кооперации и агрономическом факультете иваново-вознесенского политехникума. Осуждён по делу ТКП на 10 лет (1931), умер в тюрьме от рака желудка. Реабилитирован в 1965 г.

Шуваев К.В. (годы жизни не установлены) — сотрудник НИИСХЭ, принимал участие в экспедиции НИИСХЭ по повторному обследованию воронежских деревень, до революции исследованных А. Шингарёвым. Материалы этой экспедиции, обработанные под руководством А.В. Чаянова и И.А. Теодоровича, опубликованы в издании: *Шуваев К.В.* От вымирания к возрождению. М., 1927.

Эмме Агольф Агольфович (годы жизни не установлены) — ученый-агроном, доцент Института народного хозяйства, научный сотрудник Государственного НИИ землеустройства и переселения. Занимался сельскохозяйственной экономией, организацией крестьянского хозяйства, проблемами размещения, экономической географией.

Эребо (Азребоз) (Aereboe) Фридрих (1865—1942) — видный немецкий экономист-аграрник, один из основателей школы Betriebslehre, специалист в области аграрной политики. Начинал работать в Йене под руководством Т. Гольца. Автор многочисленных трудов по проблемам организации сельскохозяйственных предприятий, сельскохозяйственной таксации и бухгалтерии, организации агрономической помощи, аграрной политике. Был иностранным членом НИИСХЭ.

Юньева Надежда Павловна (даты жизни не установлены) — старший библиотекарь кабинета сельскохозяйственной географии и районирования НИИСХЭ.

Юровский Леонид Наумович (1884—1938) — экономист, профессор Ленинградского политехнического института и Московского промышленно-экономического института им. А.И. Рыкова, член коллегии и заведующий валютным управлением Наркомфина, действительный член НИИСХЭ. Осуждён по делу Трудовой крестьянской партии (1931), в 1938 г. расстрелян. Реабилитирован (1987).

Ягода Генрих Григорьевич (1891—1938) — партийный государственный деятель. С 20-х гг. на руководящей работе в ВЧК, ГПУ—ОГПУ, НКВД. В начале 30-х годов — заместитель наркома ОГПУ. Впоследствии репрессирован.

Aereboe — см. *Эребо*
Aftalion — см. *Афталион*
Arano — см. *Арано*
Auhagen — см. *Аухаген*

Baker — см. *Бекер*
Bauer — см. *Бауер*
Black — см. *Блэк*
Borgedal — см. *Борпегаль*

Brinkmann — см. *Бринкман*

Brdlík — см. *Брдлик*

Cassel — см. *Кассель*

Harms — см. *Хармс*

Hitier — см. *Итье*

Holmes — см. *Холмс*

Krzyszowski — см. *Крцимовский*

Larsen — см. *Ларсен*

Laur — см. *Лаур*

Salin — см. *Салин*

Sering — см. *Зеринг*

Serpieri — см. *Серпиери*

Simiand — см. *Симиан*

Skalweit — см. *Скальвайт*

Sombart — см. *Зомбарт*

Thünen — см. *Тюнен*

Vogel — см. *Фогель*

Warren — см. *Уоррен*

ДОПОЛНЕНИЯ К БИБЛИОГРАФИИ ТРУДОВ А.В. ЧАЯНОВА*

Пользуясь случаем, помещаем здесь указания на работы А.В. Чаянова, не вошедшие в ранее изданные библиографические списки.

Льноводство в Волоколамском уезде // Известия Московской губернской земской управы. М., 1911. Вып. 1. С. 18—19.

Лен // Труды комиссии по изучению современной дороговизны. М., 1915. Вып. 2. С. 173—208.

Состояние льняного рынка с марта по ноябрь 1915 года // Труды комиссии по изучению современной дороговизны. М., 1916. Вып. 4. С. 31—46.

Аграрная реформа в революции 1917 г. // Власть народа. 1918. 3 янв. № 1. С. 4—5.

Сколько будет стоить аграрная реформа // Власть народа. 1918. 25 янв. № 14. С. 3.

Интересы крестьянина-льновода и наша экономическая политика // ИЦТЛ. 1918. № 1—2.

Как работает крестьянин-льновод // ИЦТЛ. 1918. № 1—2.

О книгах [двух кн. о крестьян. хоз-ве] // ИЦТЛ. 1918. № 1—2.

Производство или потребление // ИЦТЛ. 1918. № 5.

Обезличивание льна // ИЦТЛ. 1918. № 6.

Недавние страницы из истории русского льняного дела // ИЦТЛ. 1918. № 1—2, 3—4, 5, 6, 7—8, 9, 12.

Указы Петра Великого по льняному делу // ИЦТЛ. 1919. № 11—12.

Спорные вопросы организации зерновых совхозов // Сельскохозяйственная газета. 1929. 28 марта.

Методы оценки успешности работы совхозов // Сельскохозяйственная газета. 1929. 4 июня.

L'evolution future d'economie rurale // Scientia. Bologna. 1926. Vol. 40. P. 239—249.

На японском языке вышли следующие чаяновские работы:

Die neüste Entwicklung der Agrarökonomik in Russland (//Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Tübingen. 1923.-Bd. 50, H. 1, S. 238-245) пер. с немецкого Оцуки Масао // Вестник императорского общества сельского хозяйства. 1924, Vol. 15, N 75.

Zur Frage einer Theorie der nichtkapitalistischen Wirtschaftssysteme. (//Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik.-Tübingen.1924 — Bd. 51, H. 3, S. 577-613) 1 изд. пер. с нем. Хигашиура Шоудзи.// Вестник императорского общества сельского хозяйства. 1925, Vol. 15, N 5, 17, 18; 2 изд. пер. с нем. Такаги Масамити.// Studies of Low and Economie. Shizuoka Univ.- 1985, Vol. 34, N. 1

Die Lehre von der baeürlichen Wirtschaft. (Berlin, 1923) 1 изд. Токио, 1927, пер. с нем. Исобе Хидетоши и Сугино Тадао. С приложением краткого предисловия Чайнова к японским читателям от 25 окт. 1925 и краткой автобиографической справки; 2 изд. Токио, 1957 г. Во второе издание включены изменения и дополнения русского издания книги : Организация крестьянского хозяйства. М., 1925.

Die volkswirtschaftliche Bedeutung der landwirtschaftlichen Genossenschaften. (// Weltwirtschaftliches Archiv. — Kiel, 1926 — Bd. 24, H.2, S. 275-298) пер. с нем. Сугино Тадао.// Studies of Agrikultural Economy. Tokio, 1926, Vol. 2, N. 4.

Organization and development of agricultural economics in Russia. (Journal of farm economics. — Menasha, 1930- Vol. 30, N 3 — P.270-277) пер. с англ. Исобе Хидетоши // Studies of Agrikultural Economy. Tokio, 1930, Vol. 5, N. 2.

Die Sozialagronomie, ihre Grundgedanken und Arbeitsmethoden. (Berlin, 1924) пер. с нем. Исобе Хидетоши и Сугино Тадао. 1 изд. Токио, 1930. С приложением предисловия Чайнова к японским читателям от 27 марта 1927 г.; 2 изд. 1947

Die optimalen Betriebsgroessen in der Landwirtschaft. (Berlin, 1930) пер. с нем. Хаяши Хидео и Сакамото Хейитиро. Tokio, 1957

Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии. (М., 1920) пер. с русского Вада Харуки и Вада Акико. Токио, 1984

Технико-экономические вопросы строительства социалистического земледелия. (//Научное слово, 1930, N 4) пер. с русск. Кодзима Садаму //Journal of Commerce, Economics and Economic History. Fukushima Univ. 1987, Vol. 55, N. 4

Что такое аграрный вопрос? (М., 1917) пер. с русск. Кодзима Садаму //Journal of Administration and Social Sciences. 1994, Vol. 6, N. 3

Ф.А. ЗУБАРЕВ (Москва) *

КАКИМ ОН БЫЛ — НАШ КРЕСТЬЯНИН

Воспоминания уроженца д. Фатьяновки Спасского района
Рязанской области

Какой же была крестьянская сельская община в первые тридцать лет двадцатого века?

Я, родившийся в начале столетия, выросший и работавший в этой общине, хорошо помню свои детские годы. В восьмилетнем возрасте умел ездить верхом на лошади, а в десятилетнем — вместе с отцом пахал в поле сохой и выполнял другие сельскохозяйственные работы. В годы войны 1914-го и последующих лет я, подросток, уже стал "хозяином" — старшим по мужской линии: отец был призван в армию, матери у нас не было (умерла два года назад), в семье оставалась бабушка и нас шестеро детей. Трудные, интересные, поучительные и незабываемые были годы детства.

В начале 1918 года, поскольку в помощь отцу подрастали мои младшие братья, я, как и другие мои сверстники, по сложившимся в общине порядкам уехал в Москву на заработки. Несмотря на отъезд, я по-прежнему числился членом крестьянской семьи, так что уже при советской власти, во время передела между крестьянами общинных и помещичьих, отданных им бесплатно, земель мне выделялся земельный надел.

Работая в Москве, я без отрыва от производства окончил вечерний рабочий факультет (рабфак) и затем (в январе 1930 г.) — сельскохозяйственную академию им. Тимирязева (ТСХА). По присвоенной в академии специальности "агроном-экономист" мне пришлось проработать всю свою жизнь. Однако где бы я ни находился (а судьба забрасывала меня в разные районы страны), я никогда не забывал свою родную деревню, её крестьянскую общину и вышедший из неё колхоз. Редкий год не посещал их. И сейчас ещё могу показать границы помещичьих и крестьянских общинных земель, хорошо помню наименования и местоположения закреплённых за нашей семьёй загонок, на которых трудился в свои молодые годы. В памяти сохранились общинные порядки и привычный обиход жизни крестьянства до Октябрьской революции и после, в первые годы советской власти. О чём и имею в виду рассказать ниже.

Закреплённые за общиной пахотные земли и луга по плодородию, размеру и конфигурации их отдельных участков уступали соседним помещичьим землям. Пашня поместий имела более ровный рельеф и находилась ближе к усадебной обжитой местности, а луга были ровнее и располагались преимущественно в поймах. Многие помещичьи земли — пашни, луга, леса — вклинивались в массивы крестьянских владений, местами проходили под самыми ок-

* Сообщения просьба направлять по адресу редакции.